

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

ЭТОТ НОМЕР ПОСВЯЩЕН ИТОГАМ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ПРОБУЖДЕНИЯ»

Мысли в связи с десятилетием «Пробуждения	—	ПЕРЕДОВАЯ
О наших задачах	— —	М. Р.
Пять месяцев войны с фашистами в Испании	—	М. ШВИТРА
Воспоминания	— —	Г. КУЗЬМЕНКО
Анархическая пресса в России 1900-1917 г.г.	—	В. Х.
Русская анархическая пресса (1917—1920 г.г.)	—	И. Х.
Мое первое знакомство с анархизмом	— —	Л. ЛИПОТКИН
Процесс 16-ти	— — —	МАРК СТЕПНОЙ
Политическое положение в Каталонии	—	ЛЕВ СОЛНЦЕВ
Могут-ли люди жить без правителей?	—	АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК
Наторжная (Стихотворение)	—	АНАТОЛЬ КОНСЕ
Ко всем анархистам и сочувствующим		
Власть	— — — —	Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД
Бюллетень № 2	— — — —	
Интернациональный Анархический Конгресс		
Информационный Бюллетень Н. К. Т.		
Пролог романа «Первый среди равных»	—	АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ
На смерть Пушкина (Стихотворения Ф. Тютчева, М. Лермонтова и Максима Стоцкого)		
Царь Соломон	— — — —	Р. СЛОВЦОВ
Кооперация и анархизм	— — —	ИОС. МЕЕВСКИЙ
Государства вооружаются	— — —	М. С.
Бедствия китайского крестьянства	— — —	М. СТЕПНОЙ
Япония и Бразилия	— — —	М. С-НОЙ
Интернациональный Анархический Конгресс	— — —	Л. ЛИПОТКИН
Стахановщина	— — — —	МИНСКИЙ МУЖИК
Карательный аппарат	— — —	МАРК СТЕПНОЙ
Коммунизм и анархизм	— — —	Э. МАЛАТЕСТА
Свинский декрет	— — — —	МИНСКИЙ МУЖИК
Письмо к сибирским кооператорам	— — —	П. КРОПОТКИН
Свобода (Стихотворение)	— — —	Н. ОГАРЕВ
Новая жизнь в Испании	— — —	
Открытое письмо рабочим Сов. России		
Проблема обитаемости звездных миров		Ю. ДЕЛЕВСКИЙ
Мелкие заметки и сообщения	— — —	
Наши сотрудники	— — — —	Л. Л.

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

80—81

МАРТ—АПРЕЛЬ 1937 Г.

МЫСЛИ В СВЯЗИ С ДЕСЯТИЛЕТИЕМ „ПРОБУЖДЕНИЯ“

Десять лет назад, в апреле месяце 1927-го года, вышел первый номер «Пробуждения». Издательская группа детройцев, при поддержке единомышленников в других городах, желала восполнить пробел, образовавшийся в безвластническом движении с прекращением выпуска нью-йоркской «Волны».

После десятилетних издательских усилий, пробужденцам надлежит оглянуться на прошлое, подвести итоги проделанной работы и сделать соответствующие выводы насчет своего будущего.

Нужно признать, что издательская работа протекала в довольно тяжелых условиях: депрессия, упадок духа, фракционная междоусобица, отсутствие достаточных интеллектуальных сил и материальные затруднения в большей или меньшей степени отражались на издательской работе, и мешали тому, чтобы поставить журнал на должную высоту как в смысле его содержательности, так и с технической стороны.

Было сделано все в пределах наших сил и возможностей для того, чтобы улучшить содержание журнала, а главное — обеспечить его хотя и не регулярный выпуск, что представляется далеко не легким делом, как об этом и могут засвидетельствовать детройтские пробужденцы, которым приходится разделять главные издательские

заботы.

Тяжесть издания журнала была-бы непосильна даже для детройтских пробужденцев без помощи моральной и материальной со стороны тех лиц в других местах, в которых все еще не угасла вера в возвышенные идеалы бесвластия и свободы, и которые готовы всеми возможными способами содействовать претворению их в жизнь, в действительность.

И мы должны радоваться тому, что в «наш жестокий век» дикого разгула большевизма, фашизма, увлечения всевозможного вида диктатурами, вокруг нашего журнала все-таки группируются различные люди, преимущественно рабочие, которым ненавистен всякий политический деспотизм и экономическое порабощение.

Гитлерам, Сталиным, Муссолини и другим современным цезарям нужны большие армии, флоты, тысячи самолетов, ядовитые газы, танки и прочие орудия человекоуничтожения для создания больших империй, для прославления своего имени, для порабощения целых стран и народов. Итальянцы, по приказу Муссолини, проливали свою кровь в Эфиопии. Они разорили, разграбили и поработили эту несчастную, отсталую страну.

Стало-ли лучше от этого победителям? Вернувшихся из Эфиопии солдат Муссо-

линии послал под пули и на истребление в Испанию, чтобы уменьшить число безработных в Италии. В Германии посадили стражу на голодный паек потому, что Гитлер вооружается — ему нужны колонии. В Англии безработные устраивают голодные марши на столицу, несмотря на то, что у нее слишком много колоний. Миллионы безработных в Америке ведут полунищенское существование только потому, что здесь слишком много богатств и денег.

Нищее японское население толкают на новые авантюры и захваты, которые только ухудшают положение народа. Захват Кореи, Манчжурии, китайских провинций только привел к увеличению налогов, только усилил обирательство населения спекулянтами, и толкнул его на протесты и бунты против власти и милитаризов.

Нет в мире ни одной большой страны (исключение составляют разве небольшие государства), в которых не накопилось-бы достаточно взрывчатых веществ, чтобы в подходящий момент вызвать потрясения и глубокие изменения в существующем общественном порядке.

Несокрушимая мощь государства и твердая власть всех этих фюреров, дуче и диктаторов подобно картонному домику рушится при первом дуновении сильного революционного ветра, при первом серьезном испытании и столкновении с сильным оппонентом.

Разве не знаменательно, что в испанской гражданской войне республиканское государство выявило полную растерянность и неспособность защитить страну от горсти взбунтовавшихся фашистских офицеров? Разве не знаменательно то, что спасать Испанию от фашистского деспотизма призваны именно анархисты, гонимые и преследуемые государством люди, его злейшие враги? Разве испанская действительность не показала, что испанское правительство составляли шкурники, удиравшие без оглядки при первом орудийном выстреле в более безопасное место?

Из прекрасного далека Кабальеры, Асаньи и другие политические деятели голы даже пригрозить фашистам, принять

воинственную позу, но постоять за народные права эти люди, способные только на обман и предательство, — не могут.

Находящиеся на фронте американские корреспонденты поражаются храбростью, самопожертвованьем и человеколюбием вещей анархистов. Они так непохожи на диких и кровожадных фашистов. Они так «идеалистичны и непрактичны», они слишком верят в непобедимость духа. И все-таки именно эти люди задержали фашистов у Мадрида, и им приходится отражать бешеный напор не только своего, но и международного фашизма, не останавливающегося ни перед какими жертвами и затратами, чтобы сокрушить поднявшийся на защиту свободы испанский народ.

Анархизм в Испании подвергается практической проверке. Значительные области находятся под руководством чистых анархистов, то людей с анархическими тенденциями. Такой промышленный центр, как Каталония, под контролем анархо-синдикалистов, и даже в социалистическом Мадриде заметно чувствуется влияние анархистов.

Один из выдающихся испанских анархистов, Сантилан, в своем докладе, который в сокращенном виде помещен в этом номере «Пробуждения», с подобающей подлинному анархисту откровенностью говорит о предстоящих затруднениях при переустройстве общественного порядка на безвластных началах.

В его речи звучат нотки подлинного гуманизма и терпимости даже к своему смертельному врагу, который не признает никаких сентиментальностей в отношении анархистов. Сантилан восстает против казни в тылу безоружного врага. Тюрьма этого врага не изменит, не превратит в анархиста, как та же тюрьма «не исправит», не вышибет из его, Сантилана, головы анархистских идей. Враги причинили вред и разрушение испанскому народу, и все, что надо сделать, это — заставить их принудительной работой возместить убытки, восстановить своим трудом дороги, посадить уничтоженные фруктовые и масличные деревья.

Ему также чужда классовая борьба на большевистский манер. Не должно быть эксплуатации человека человеком ни на фабрике, ни на земле. Но не должно быть уничтожения и преследования капиталистов, а только внедрение новых методов общественного производства. Не должно быть насильственной коллективизации крестьян, и общество должно прийти на помощь как колхозникам, так и частникам. Он предупреждает против возбуждения антагонизма против мелкой буржуазии, и считает благоразумным привлечь ее к сотрудничеству, как людей образованных и полезных при создании вольного общественного строя, при котором они будут обеспечены всеми благами жизни.

С другой стороны в речи Сантилланы нельзя не уловить и нотку знакомого министерского консерватизма. Он, например, восстает против выплаты 15-20,000 пезет за нерабочее время (надо полагать безработным). Он бьет тревогу по поводу разбухания правительственного аппарата. Знаменательны его слова: «бюрократизма в новом режиме больше, чем в старом», и «теперь у нас три вооруженные полицейские корпуса, это — слишком много».

Конечно, в речи «анархического министра» имеется немало спорных мест и заключений, хотя-бы о «регулирующей» роли советов. Но нам, из прекрасного далека,

не следует вдаваться в поспешные критические суждения людей, которые смогли силой свободнических лозунгов увлечь за собой население всей страны на борьбу за идеал свободного общественного устройства, отстаивающих свои убеждения на поле битвы с оружием в руках.

Десять лет прошло не напрасно. Изнемогающие, сдавленные в тисках всевозможных диктатур народы страстно хотят избавиться от своих поработителей и вырваться на свободу. Разложение диктатур происходит быстрым темпом. Диктаторы начинают терять голову, и искать выхода из тупика в приготовлениях к различным авантюрам. Диктатуры заколебались под напором собственных преступлений, и в следующие десять лет можно ожидать чрезвычайного важного событий, социальных потрясений и перемен.

Надо верить, что человечество пойдет не к худшему, а к лучшему. Оно отвергнет деспотический большевизм, оно не примет поработящего капитализма. Оно не захочет заковать себя в цепи государственного социализма. В Испании народ уже сделал свой выбор — пошел за анархистами, встал на путь созидания свободного, бесвластного общества. Анархизму принадлежит будущее, и к достижению этой цели должны быть направлены все наши усилия

мр.

О НАШИХ ЗАДАЧАХ *)

Вместе с ростом духовного развития русской колонии в Америке как в целом, так в особенности среди организованной ее части, появляется сознание ответственности и общественного долга в отношении судеб русского народа в России и нас, миллионов русских эмигрантов — рабочих, крестьян и интеллигенции — вольных или невольных скитальцев, рассеянных по всему земному шару и, вместе со всей Россией, переживающих великую русскую дра-

му.

Каждого русского прежде всего гложет неотвязная мысль — долго-ли продлится мука России, когда окончатся ее испытания?

Ни Россия, ни русская эмиграция не приемлют большевизма. Россия, несмотря на постигшие ее египетские казни, преодолевает и изживает страшную большевистскую язву. Большевизм проявляет явные признаки разложения и издыхания.

Ликвидация большевизма теперь лишь вопрос времени. Но естественно возникает ряд вопросов — каковы должны быть задачи русской эмиграции за-границей те-

*) Передовая статья М. Р. первого номера «Пробуждения» от апреля месяца 1927 года.

перь, в период до-большевической ликвидации и каковыми они должны быть после этой ликвидации.

От правильного понимания этих, задач и от подготовительной работы, которая может быть проделана в до-ликвидационный период, а не только от одних общественных настроений и обстановки в момент самой ликвидации, в значительной степени будет зависеть ход событий, последующих вслед за исчезновением большевизма в России.

Вот почему в нынешний тяжкий час голос совести и долга призывает нас, желающих оздоровления и благоденствия нашей родины, не только вести решительную борьбу с демоническими силами большевизма, во власти которого задыхается Россия и смертоносный яд которого чувствуется за ее пределами, но и уяснить себе и осмыслить многие социальные проблемы и факторы, с которыми придется столкнуться после падения большевизма.

Наша задача двоякая: собирательно-организационного и воспитательно-просветительного порядка. Вокруг «Пробуждения» мы хотим сплотить ту часть русской эмиграции, которая отреклась от прошлого — монархизма и не приемлет настоящего — большевизма, порожденного до некоторой степени этим прошлым; хотим видеть среди нас прежде всего людей честных и добросовестных, ищущих, как и мы, правды и справедливости на земле, враждебных всякой тирании и порабощению.

Мы не являемся поклонниками трескучих фраз и не верим в их чудодейственные свойства. Мы не намерены угодничать различным политическим клоунам и шарлаганам, и брать на себя миссию вызывателей стихийных духов хаоса и смерти. Мы не верим в то, что можно повелевать стихиям и вызывать их громы и молнии по нашему капризу. Еще больше сомневаемся в творческой способности стихийных сил, неизбежно оставляющих следы самого страшного разрушения и беспорядка.

Современное поколение может создать только такое общественное устройство, к

которому оно окажется в данный момент психологически и практически подготовленным. Невежественный человек, например, останется таковым всегда, при любом общественном порядке, если он не будет предпринимать никаких мер к освобождению себя от невежественности. И общество в целом, незнающее с идеалами более совершенного общественного устройства, а, следовательно, чуждое им, при всяких переломах и революциях останется тем, чем оно есть, т. е. психологически готовым подчиниться той или иной форме политической тирании.

**

Мы — свободники.

Мы мыслим общественное устройство свободным, покоящимся не на произвольной воле законодателя, а на добровольном соглашении всех входящих в него людей.

Свободное общественное устройство без правителей и управляемых, без экономической эксплуатации, без смертной казни, тюрем и ссылок — таков наш общественный идеал.

Здесь, однако, должно оговориться, что достижение этого идеального общественного порядка ни в коем случае не может быть поставлено в связь с насильственным его навязыванием на большевистский манер. Насилие, хотя бы и ради высокого и благородного идеала, только оскверняет и извращает его.

Свободное общество не родится само по себе, но явится одним из достижений человечества только в результате его общих усилий и борьбы, но эта борьба не должна принимать зоологических зверских форм, а носить гуманный жертвенный характер.

Насилие может быть терпимо лишь как средство самозащиты против жестоких и безсердечных насильников, но оно отнюдь не может быть средством достижения свободы.

Меч и кулак должны уступить место убеждению и доказательству очевидной возможности, практичности и превосходства идеала свободного общественного устройства над всеми иными социально-политическими формами общежития.

Социальная революция многих прельщает своей молниеносностью. Сторонникам социальной катастрофы она представляется своеобразным страшным судом, напоминающим христианские ожидания второго пришествия Христова.

В самом деле, есть что то заманчивое в идее моментального общественного переустройства и превращения людей из несовершенных в совершенные и добрые существа. И все это достигается так легко, просто, по одному гласу трубному, сиречь одним дуновением социальной революции...

В общественной жизни людей, подверженной известным законам эволюционного развития, чудеса очень редки. Общество в целом тогда только прогрессирует и поднимается на высшую ступень, когда в нем накапливается достаточно энергии, опыта и сил, чтобы сделать шаг вперед от данной формы общежития к высшей, более совершенной. Социальная же революция в лучшем случае является лишь одной из крайних форм стихийного протеста, который в известных случаях может быть и неизбежен, но в то же самое время не может быть, как правило, признан созидательным процессом. В силу своей стихийности, а, следовательно, случайности, социальная революция может таить в себе в одно и то же время розы свободы и шипы деспотизма и рекации.

На всех бывших в прошлом революциях лежит какая то роковая печать неудачливости. Почти все они не оправдывали возлагавшихся на них надежд, а русская революция, ввергшая страну в какую то дику татарщину, являет собой разительный пример тому, каковы могут быть последствия социального бунта, стихийно разразившегося в стране культурно отсталой, политически незрелой, и поэтому подпавшей под власть политических фразеров и демагогов.

Мы против всякого руководства кем бы то ни было и во имя чего бы то ни было. Руководство с нашей точки зрения допустимо лишь в отношении самого себя.

Руководить только можно людьми отсталыми и темными; мы же желаем видеть каждого человека самостоятельно мыслящим, имеющим свое собственное суждение и ориентировавшимся в проблемах жизни с помощью собственного ума, а не чьих либо указаний. Руководить желают только политики, стремящиеся предписывать правила поведения другим. Все это мы решительным образом отвергаем и осуждаем.

Мы хотим не руководить, а будить спящих, открывать глаза невидящим, призывать к активности бездействующих, убеждать сомневающихся в правоте и благородстве нашего идеала.

Если же нам не поверят и отвергнут нас, мы не станем со скрежетом зубным хулить непримлющих нас. Возможно, что мы сами окажемся плохими учителями. Возможно, что семя нашего учения попадет на «каменную почву». Но сеять все таки может надеяться на некоторые плоды. А плоды эти будут тем обильнее, чем больше вложим усилий в начатое нами дело.

Издание этого журнала не частно-предпринимательское, а общественное дело, созданное для того, чтобы в нынешнее лихолетье и русское рассеяние, помимо нашей главной задачи пробуждения у людей исканий идеалов правды, добра, красоты и свободной жизни, — собрать вокруг «Пробуждения» наши русские (а если возможно, то и иностранные) таланты: ученых, просветителей, мыслителей, писателей, публицистов и просто людей, способных высказать наболевшие и накипевшие у них на душе думы и мнения, и поделиться своим культурным достоянием с людьми менее одаренными, но ищущими знаний, света, правды и вольной жизни.

Не являясь политиками, мы, разумеется, не станем прельщать наших читателей ни соблазнительными обещаниями, ни громкими фразами, ибо слова, не подтвержденные делами, не заслуживают серьезного внимания.

Свободное общественное устройство на основе добровольного соглашения, без вся-

кой принудительной власти, сторонникам которого мы являемся, может вырасти из недр современного несовершенного общества лишь в результате совокупного взаимодействия различных социально — общественных сил, из коих главными следует признать — создание общественного настроения в пользу этого идеала и развитие максимальной самостоятельности в этом направлении со стороны лиц, стремящихся к его осуществлению. Революции же, в эволюционном процессе от несовершенного к более совершенному, иногда и неизбежны, являются, на наш взгляд, не главным, а приходящим обстоятельством.

И мы решительно отмежевываемся от тех псевдо — революционеров, которые, по обещаниям, не считаясь ни с общественными условиями, ни с настроениями момента, повторяют неосмысленные ими революционные фазы и лозунги, только отталкивающие от всякого общественного начинания растерянного и напуганного последствиями русской революции русского колониста.

Не разделяем мы ни на поту ставших теперь модными увлечений различными программами, или вернее попытками некоторых неугомонных и увлекающихся голов начертать нам «безвластнические» законы и правила общего поведения. Не касаясь в данный момент существа этого странного и своеобразного «законодательства», приходится с грустью констатировать тот факт, что соблазна писать законы для других не могли избежать и некоторые сторонники крайних учений, отрицательно относящихся к парламентаризму вообще, поскольку таковой очевидно может затрагивать их лично; в отношении же других эти антипарламентаристы готовы разыгрывать

роль кустарных законодателей и писать примитивные и неграмотные в юридическом смысле программы и платформы.

**

В заключение несколько слов о том — каким мы хотели бы видеть «Пробуждение». В нашу задачу прежде всего входит создание серьезного органа печати, не одностороннего, окрашенного каким либо специфическим цветом, а разностороннего, который мог бы удовлетворить различным запросам и интересам широких читательских кругов в научном, просветительном, литературном, религиозном, общественно — политическом, эстетическом и других отношениях.

Мы будем рады видеть в числе наших сотрудников представителей русской мысли, культуры, науки и искусства безотносительно их политических взглядов и убеждений. Все талантливое, оригинальное и достойное общественного внимания, найдет доступ на страницах «Пробуждения».

Журнал состоит из различных отделов по вопросам науки, искусства, литературы и т. п. По мере надобности и в соответствии с потребностями читателя будут вводиться другие отделы. В отношении расширения журнала и введения новых отделов мы рассчитываем на тесное кооперирование между журналом и читателями.

Мы сознаем, что только в результате этого кооперирования, разумного критицизма, указания на недостатки издания, моральной и материальной поддержки наших единомышленников, «Пробуждение» сможет стать на должную высоту и успешно работать над выполнением поставленных себе задач общественно — культурного порядка.

Пять месяцев войны с фашистами в Испании

ДОКЛАД АНАРХО - СИНДИКАЛИСТА САНТИЛЛАНА, ЗАНИМАЮЩЕГО ПОСТ МИНИСТРА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В КАТАЛОНИИ.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ НАПРЯЖЕННОЙ ВОЙНЫ НА ВОЕННОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФРОНТАХ. — АНАРХИСТЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВО. — АНАРХИСТЫ И ТЮРЬМЫ. — АНАРХИСТЫ ПРОТИВ ТЮРЕМ. — ВМЕСТО ТЮРЬМЫ — ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА. — НА ВОЙНЕ ВРАГА НЕ ЩАДИТЬ, ВНУТРИ — НЕ КАЗНИТЬ. — ЧЕМ ДОЛЖЕН БЫТЬ АНАРХИСТ? — СТАРЫЕ И МОЛОДЫЕ АНАРХИСТЫ. — ЧЕГО ТРЕБУЮТ АНАРХИСТЫ В КАТАЛОНИИ? — ФАБРИЧНЫЕ И ЗАВОДСКИЕ СОВЕТЫ. — АППАРАТ ЕЩЕ НЕ НАЛАЖЕН. — К ЧЕМУ ВЕДУТ СПОРЫ? — НОВЫЙ ПЛАН ПРОИЗВОДСТВА. — БЕЗРАБОТНЫЕ ПОЛУЧАЮТ ЖАЛОВАНИЕ. — СТАРЫЙ И НОВЫЙ БЮРОКРАТИЗМ. — КРЕСТЬЯНАМ НУЖНА ПОМОЩЬ. — ХОЗЯЙСТВО БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ. — НАСЛЕДСТВО В 150.000 БЕЗРАБОТНЫХ. — НУЖЕН ТОВАРООБМЕН. — НЕОБХОДИМА СОЛИДАРНОСТЬ ДЛЯ ПОБЕДЫ.

От переводчика.

Сантиллан является одним из лучших умов испанского анархизма. Он вел долготлетнюю и неустанную пропаганду в Латинской Америке и на Иберийском полуострове. Он посетил все важнейшие страны Европы, подробно изучая рабочее движение. В результате этого изучения он обладает широкими политическими общественными познаниями. Он завязал личный контакт со множеством прогрессивных, общественных, революционных деятелей различных направлений в Германии, Франции, Аргентине. Долгие годы он редактировал в Буэнос-Айрес анархическую ежедневную газету «Ла Протеста», временами он руководил редакционной работой газеты «Solidaridad Obrera» в Барселоне и позже редактировал анархическую газету «Tierra y Libertad», также «Tiempos Nuevos» — орган Ф.А.И. (Федерации Анархистов Иберии). Его работа как редактора, как писателя, как переводчика не поддается краткому обзору. Надо заметить, что многие годы он провел в тюрьмах многих государств Европы и Америки.

Республиканское правительство Азаны поддерживало его многие месяцы и в заключении. Сантиллан, как и Дурутти, Асхасо и др., принадлежит к активнейшим членам испанского анархического движения. 19-го июля, вместе с другими, вышел он на улицу. Теперь он занимает пост министра народного хозяйства Каталонии. До занятия

этого поста он был начальником штаба народной милиции в Каталонии.

Реферат, который он читал в собрании активных борцов - анархистов и синдикалистов Каталонии, представляет собой отчет о том, как анархисты смотрят на современное положение в Испании.

Из реферата ясно видно, какое независимое, самостоятельное положение занимают анархисты, несмотря на то, что они сотрудничают с другими организациями. Одновременно реферат открывает перспективы дальнейшего развития и служит свидетельством того, с каким чувством ответственности и вместе с тем, с какой революционной решительностью испанские анархисты работают над переустройством общества и над его защитой от фашистских бандитов.

Реферат передается в сокращенном виде.

Доклад Сантиллана

Пять месяцев войны против фашизма, пять месяцев революционного опыта позади нас. Пора испытующе оглянуться на пройденный путь, честно подумать, чтобы закрепить то, что подлежит закреплению, и изменить все то, что должно быть изменено. Никто не может нас упрекать, что мы только обструкцией занимаемся, только критикуем. Мы очень хорошо поняли всю тяжесть сложившихся обстоятельств и молчали. Однако, из этого отнюдь не следует, что мы перестали быть непримиримыми

врагами капитализма и государства.

Обстоятельства изменились. Потребовалось наше сотрудничество; мы приветствовали это сотрудничество. Потребовалось наше участие в правительстве и мы не уклонились, ибо другой возможности не было. Еще вчера мы находились на первой линии оппозиционной борьбы, искусство которой состояло в том, чтобы стойко переносить тюремные заключения, героически претерпевать всякого рода лишения. Это искусство мы вполне постигли. С таким же искусством теперь мы работаем над переустройством хозяйственной, социальной и политической жизни. Для этого переустройства мы пользуемся всеми средствами, какие только текущая действительность представляет нам. Однако, мы ни на минуту не должны выпускать из виду того основного, что мы всю жизнь провозглашали: преодоление капиталистического хозяйства и уничтожение эксплуатации человека человеком, находящей свое высшее выражение в государстве.

Прежде чем приступить к основной части моего доклада, разрешите мне маленькое отступление. Всем тем, кто меня знает, должно быть известно, что я не являюсь догматиком и доктринером. Я всегда старался сохранять свою свободу и в годы борьбы и пропаганды, часто выступал в защиту своих личных мнений, что, однако, не помешало мне внести долю своего мировоззрения в основные вопросы нашего движения. Я постоянно являлся дисциплинированным бойцом, но всегда считал своим правом иметь собственные взгляды и отстаивать независимость. И в будущем я не смогу иначе поступать. Выражая свои независимые суждения, я часто ошибался, однако бывали случаи, когда мои мнения становились общим достоянием всего нашего движения. Я хорошо знаю, чего стоили мне мои выступления в защиту своих мнений, которые теперь всеми вами признаются, но которые раньше рассматривались как странное еретичество. И я вижу, что я по своему темпераменту и по воспитанию являюсь неисправимым еретиком, каковым, вероятно, и останусь.

Анархисты и тюрьмы

Вот один из тысячи примеров. Когда мы сидели по тюрьмам, и товарищи разговаривали об уничтожении тюрем, я предложил сторонникам этого мнения подумать, не гуманнее ли было бы в начале революции оставить тюрьмы, дабы изолировать своих противников, вместо того, чтобы их попросту расстреливать. Одна наша газета по этому вопросу заняла враждебную позицию по отношению ко мне. Я не утверждал, что тюрьмы необходимо навсегда сохранить, я только выдвинул проблему и апеллировал к совести товарищей. Пуритане прошлых наших идей не видят, что мы сегодня сами являемся тюремщиками. И именно сегодня я желал бы предложить анархистам подумать: не настало ли время уничтожить те учреждения, которые вчера, когда мы являлись заключенными, не были хорошими, и которые сегодня, когда мы являемся преследователями, судьями и тюремщиками, от этого ничуть не стали лучше. Я отвергал тюрьму для себя, так же отвергаю и для моих врагов. Если я, несмотря на многочисленные тюрьмы, с которыми мне приходилось познакомиться, все же не изменил своего мировоззрения, то я не верю, что и наши противники в тюрьме смогут отказаться от своих убеждений.

Я того мнения, что общество имело право защищаться против тех, кто нарушает его интересы. Однако, какая польза обществу от того, что преступник посажен взаперти на 5 месяцев, на пять лет? В одиночках и подвалах тюрем я часто задумывался о глупости и бессмысленности буржуазно - государственной системы наказаний. В чем мы эту систему теперь изменили, революционизировали?

Товарищи, я хотел бы не разделять всеобщего равнодушия в данном вопросе. Я враг тюрем и хочу навсегда их уничтожить. Я держусь того мнения, что преступник против общества должен быть присужден к возмещению убытков обществу. Фашизм принес нам траур и разрушение, он нас заставил прервать продуктивную работу и наши фабрики перевести на изготовление

военных материалов; он нас принудил вести войну. Следовательно, фашист должен возместить все те убытки, которые возникли по его вине. Однако, может ли он это сделать, если его в тюрьму заключить и расстрелять? Не лучше-ли было бы его приудить исполнять определенную работу: известную площадь лесосеки выкорчевать, определенный кусок улицы вымостить, исполнить определенную работу, нужную обществу, определенное количество кирпичей изготовить, чтобы восстановить разрушенное? Какую пользу революции мы приносим теперешней системой наказаний? Мы заменили судей, переменили тюремную стражу, — но механизм остался тот же, что и прежде был.

На войне врагу пощады не может быть!

Я присутствовал после 19 июля при расстрелах фашистских пучистов, я даже сам командовал карательным отрядом. Я не сожалею, что я это делал. Однако теперь, когда многие товарищи примирились с идеей, что единственное разрешение тюремного вопроса — это расстрел, я хочу проявить свою независимость и сказать вам, что пора подумать, что мы делаем. Мы, анархисты, противники смертной казни, особенно, если это входит в систему. Я стою за то, чтобы на войне не брать пленных; мятежникам нет пощады! Однако расстрелы, которые стали ежедневным явлением, перестают оказывать нужное влияние и, к сожалению, служат только для удовлетворения болезненной потребности, которая противна. Как дисциплинированный борец, я признаю решения народных судов, пока нет другого решения организации. Однако, я желаю иметь право во всякое время, громко сказать, что меня не удовлетворяют ни тюрьмы, ни расстрелы, ни продолжение старой системы наказаний. Я хочу нового способа наказаний. И я не вижу лучшего пути, как следующий: тех, которые в своей жизни не работали, заставить исполнять полезную общественную работу. Вместо 30 лет тюрьмы присудить врагу вымостить 30 километров дороги, или вырастить 20,000 плодовых деревьев.

А теперь я возвращаюсь к обсуждению основных проблем войны и революции...

Чем должен быть анархист?

Быть анархистом — это далеко не то же самое, что быть членом какой-либо партии. Чтобы поступить в какую-либо партию, или для того, чтобы выступить из нее — нужны только некоторые несложные формальности. Анархист же не поддается внушению. Анархист формируется годами при помощи размышлений, изучений, страданий. Я не понимаю, как могут так называемые товарищи дезертировать. Если они переходят в другие партии, значит они никогда анархистами не были. Я понимаю, если кто нибудь выходит из рядов бойцов, — человеческие силы ограничены. Но мне совершенно непонятно, как можно отречься от наших идей, если они вошли в кровь и плоть.

События 19 июля возбудили широкие симпатии к нам. Широкие массы стали на нашу сторону и идут под знаменем К.Н.Т. и Т.А.Д. Мы братски принимаем всех, кто к нам пришел. Однако, мы при том не забываем, что для того, чтобы быть вместе с нами, требуется кое-что большее, чем прием в нашу организацию. Необходимо понять наши идеи, необходимо жить ими. Понять наши идеи — это не только их дискупировать; для понимания их нужно более или менее продолжительное время развития. Я хочу сказать, я с радостью приветствую наплыв новых сил в наши ряды, но основным стержнем нашего движения должны остаться те товарищи, которые уже до 19 июля были с нами. Сегодня могут прийти к нам люди, ищущие личной выгоды; раньше же шли к нам только те, кто был готов терпеть все муки и переносить все преследования в борьбе за справедливость.

Я считаю, что настало время нам подчитать свои силы. В течение последних 5 месяцев многие из нас погибли. Важно нам знать, сколько нас есть и кто остался. Тот факт, что мы носим траур по многим погибшим нашим товарищам, никоим образом не означает, что мы отказались от решета для

просевания приходящих к нам, чтобы отбросить тех, что не достойны находиться в наших рядах. Мы должны опасаться не только поражения на войне. Опаснее этого поражения это то, если мы потеряем свою целеустремленность, забудем наши основные положения.

Чего хотят анархисты?

Мы являемся антикапиталистическим движением, которое отвергает право собственности. Мы частную собственность на средства производства, на землю рассматриваем как основную причину нищеты и несправедливости. Мы требуем социализации всех богатств, дабы не было голодных на жизненном пути.

Все-что нами сделано, хотя многое неправильно сделано. На место прежних владельцев мы посадили около дюжины людей, которые фабрики, копи, средства транспорта, только подлежащие их контролю, стали рассматривать как свою личную собственность. Хуже всего, что зачастую новые правления, новые руководящие органы предприятий не являются лучшими, чем были старые их владельцы. Нет, не для того мы совершили революцию в Каталонии и не для того совершаем во всей Испании, чтобы создать новую категорию собственников. Мы делаем революцию, чтобы социализировать частную собственность, которая являлась характернейшей чертой капитализма. Эта социализация предполагает отнюдь не преследование и уничтожение капиталистов, а внедрение новых методов производства.

Фабричные и городские советы

На конгрессах К. Н. Т. в Мадриде 1931 г. и в Сарагосе 1936 г. мы предложили более или менее следующие реформы народного хозяйства:

Каждая фабрика, каждый завод, каждое транспортное предприятие для внутреннего управления создают фабричный, заводской и т. д. совет. Эти зародышевые советы не являются собственниками, они только ответственные органы за согласованный ход работы.

Эти советы группируются по отраслям производства. Таким образом связываются

все предприятия одной и той же отрасли и образует синдикат. Синдикаты в свою очередь объединяются в союзы. Объединения синдикатов данной местности или области образуют областную федерацию. Ни советы, ни синдикаты, ни их объединения не являются собственниками предприятий. Они только органы управления и находятся на службе всего общества. И всякая работа, которая ведется не в вышеуказанном смысле, она ведется в смысле старого режима.

Мы еще не построили экономического аппарата согласно с нашими стремлениями. Мы довольствовались только тем, что выгнали из предприятий старых владельцев и на место их сели сами в качестве контрольных комитетов. Необходимые связи не установлены. Народное хозяйство не координировано так, как оно должно быть координировано. Работаем без плана, без ясного знания того, что мы имеем. Синдикаты мы в сторону отбросили, точно старый хлам, вследствие чего потеряли вернейший базис нашей работы, единственный инструмент для переустройства общества. Необходимо возвратиться к синдикатам, к промышленным группировкам. Все их объединения должны теснейшим образом сотрудничать в смысле оказания взаимной помощи рабочей силой, сырьем и т. д.

Я глубоко убежден, что мы пойдем вперед постольку, поскольку будем способны к достижениям в области хозяйственной жизни. Если мы не окажемся на высоте требований, предъявленных современностью, если мы не обнаружим больших способностей, чем старый капитализм, — наша игра проиграна даже и в том случае, если мы сотни раз будем в правительстве сидеть и будем распоряжаться всеми арсеналами.

Мое твердое намерение, находясь на том месте, на котором я поставлен, бороться за воплощение традиционной программы К.Н.Т., которая и после 19-го июля отнюдь еще не проведена в жизнь. Я считаю нашу программу, принятую в Мадриде и Сарагосе, вполне правильной, и никто до сегодняшнего момента меня еще не убедил в необходимости изменения хотя бы одного ее пункта.

Мы слишком много заняты спорами и борьбой между отдельными организациями. Если мы не сосредоточим всего внимания на экономическую область, острота затруднений, на которые мы наталкиваемся, может превратиться во внутреннюю борьбу между отдельными пролетарскими и революционными секторами. Я имею определенно не меньше опыта в области междупартийной борьбы, чем любой из вас. Я не хочу вспоминать тех периодов, когда борьба нам стоила ежедневно многих убитых и раненых. Следовательно, я высказываюсь, не только с теоретической точки зрения. Как участник споров, происходящих в протетарской семье, я в состоянии понять душевное состояние тех, кто спорят.

Споры к добру не ведут

Позвольте мне вам сказать, что многолетняя междупролетарская борьба меня убедила в том, какой громадный вред приносят все те стремления, которые стараются раздуть междоусобицу в рабочей массе. Я не подливаю масла в огонь раздоров между рабочими ни как член правительства, ни тем более, как борец в ежедневной политической борьбе. Раздуть несогласие между рабочими означает не что иное, как помогать Франко, Гитлеру и Муссолини.

Если бы просмотрите печать, которую я редактировал, вы увидите, что это моя точка зрения не нова. Я всегда стремился побудить рабочих, чтобы они теснее объединялись, укрепляли свою солидарность, чтобы все рабочие стали одной семьей, одной волей, одной силой.

Новый план производства

Недавно меня посетила одна рабочая делегация, которая меня чрезвычайно обрадовала. Делегация фабричных металлистов предложила проект сконструирования грузовика, все части которого должны изготовляться в Испании. Я не знаю, все ли вы понимаете, что это означает. Это означает независимость страны в производстве громадного значения. Это означает экономии валюты, это означает найти работу 25-30,000 рабочих Каталонии. Я не знаю, являются ли членами нашей организации те

рабочие, которые разработали и предложили план. Да меня это и не интересовало. Что меня интересовало, это факт, что мы сможем предоставить полезную работу тысячам рабочих и вместе с тем окажем громадную услугу делу революции, делу антифашистской войны.

Если бы подобную инициативу стали проявлять каждая отрасль промышленности, каждый синдикат, каждый фабричный комитет, улучшение положения у нас не заставило бы себя долго ждать, и мы показали бы всему миру, что рабочий класс не только в состоянии свою свободу защищать, но он способен наново перестроить весь мир, мир труда и справедливости.

Однако, вместо того, чтобы почаще выступать с таким предложением, о котором я говорил, вы через свои организации требуете от государства того, чего от него нельзя требовать: заработную плату за те дни, что не работали. Должно быть вы не даёте себе отчета в том, какая опасность кроется в подобном требовании. Имеются целые профессии, где с 19 июля никакой работы не производилось, а между тем, в конце каждой недели аккуратно выплачивается заработная плата. Я не желаю, чтобы государство по собственной инициативе пресекло эти злоупотребления. Несравненно лучше было бы, чтобы синдикаты самостоятельно не только покончили бы с этим беспорядком, но и создали бы возможность рабочим соответствующих отраслей промышленности заняться действительно продуктивным трудом, как это сделали рабочие Дженерал Моторе.

Жалованье не работающим

Товарищи Барселоны и всей Каталонии! Не ждите от правительства небесной манны. Вы не должны ничего и ни от кого ожидать, если вы желаете быть победителями. Правительство может сотрудничать с вами и помогать. Однако, жизнедеятельная инициатива должна исходить из среды организованных рабочих. Только в этой мере имеется цемент для спайки новых экономических организаций, только здесь место для правильного руководства новым хо-

зяйством.

Я указал вам опасность, заключающуюся в том, что 15-20,000 пезет выплачивается в качестве заработной платы рабочим, которые не производят никакой продуктивной работы. Я должен упомянуть еще одно явление, которое никоим образом не может нас радовать, ибо мы продолжаем оставаться врагами государства, хотя и находимся в правительстве.

Старый и новый бюрократизм

Новое государство Каталонии является не более порядочным и ничуть не лучшим, чем старое. Оно хуже и именно потому, что бюрократизма в нем больше, чем в старом. Бюрократизм грозит поглотить революцию. И в этом бюрократизме мы и все другие антифашистские секторы представлены в значительном количестве. Весь мир хочет есть у казенного пирога. Посмотрите, например, на службу общественной безопасности. Во времена до-республиканские имела гражданская гвардия. Республика пожелала создать собственную защиту. Появилась штурмовая гвардия. Мы имели вооруженные рабочие патрули. Итак, теперь у нас три вооруженные полицейские корпуса. И все они получают содержание за счет рабочих города и деревни. Это слишком много.

И если тяжесть бюрократии сильно чувствовался перед 19 июля, то тем более невыносима эта тяжесть теперь. Государственный аппарат чрезмерно расширился и все те средства, которые он поглощает, ложатся тяжелым бременем на продуктивную работу в городе и деревне. Не пора ли положить конец этому?

Невыносимо ведь это, когда люди вместо того, чтобы работать, живут на иждивении государства. Где только смогу, сверху или снизу, я буду стараться обрезать государственный бюрократизм, который чреват громадной опасностью для революции. Я обращаюсь к товарищам с призывом, чтобы они это поняли, чтобы они мне помогли, будучи убежденными, что, борясь с бюрократизмом, они служат революции и нашим идеям.

Помощь крестьянам

Однако, мы не можем довольствоваться только критикой! Нас в высшей степени интересует увеличение продукции сельского хозяйства. Это можно достигнуть при помощи широких мероприятий по орошению земель, посредством обеспечения крестьянству кредита на приобретение семян, удобрительных туков, равно как и предоставления других кредитов. Я полагаю, что в этом смысле мы можем потребовать от государства определенной помощи. Мы весьма заинтересованы в том, чтобы крестьяне как можно больше расширяли посевную площадь. А для этого необходимо, чтобы крестьяне были вполне уверены, что они воспользуются плодами своей работы. Каталония должна заботиться, чтобы наибольшая часть потребностей покрывалась бы собственными средствами. Этого достигнем расширением посевной площади, улучшением почвы, улучшением методов работы, равно как и улучшением сельско-хозяйственных машин. Наша промышленность должна обеспечить всю Испанию сельско-хозяйственными машинами.

Я считаю, что крестьянам нужна срочная помощь. Поэтому должно все делать чтобы она была незамедлительно предоставлена и чтобы новая жатва принесла нам новый урожай, выращенный новой работой, при новых политических и экономических обстоятельствах.

В остальном крестьянский вопрос представляет проблему, которую до сих пор международный социализм еще не разрешил. При других обстоятельствах мы выскажем свои идеи. Однако, уже сегодня необходимо сказать, что крестьянский вопрос требует особой осторожности. Мы никоим образом не должны применять принуждения, т. е. должны быть приспосабливаемы все хозяйственные способы, поскольку они не основываются на эксплуатации человека человеком.

В сельском хозяйстве встречаются грудовые хозяйства, обрабатываемые силой собственного семейства. Мы их должны ща-

дять. Коллективизация сельского хозяйства не должна проходить тем же самым темпом, что и коллективизация промышленности. Я убежден, что большинство населения быстро убедится в том, что в его интересах скорее присоединиться к общественным формам производства и потребления. Однако, мы должны дать возможность на опыте убедиться в преимуществе обобщественного труда и свободно, из убеждения к нему присоединиться. Здесь не место принуждению. Мы должны приложить все силы, что бы крестьянство скорее убедились в пользе коллективного труда. Но мы не должны ни на минуту забыть необходимый такт, чтобы не было нарушено единение между деревней и фабрично-заводским пролетариатом. Трудовое крестьянство, индивидуально, ли оно работает, или коллективно, — одинаково мы должны поддерживать. Единение между трудовым крестьянством и городским пролетариатом быстрее всего приведет нас к победе. То, что я сказал о крестьянстве, которому надо предоставить возможность на опыте убедиться в преимуществах коллективного труда, все это можем повторить о мелкой буржуазии, в среде которой имеются очень важные интеллектуальные, хозяйственные и технические ценности. Особенно важно во время пропаганды, равно как и в обыденной жизни, так вести себя, так работать, чтобы все наши поступки доказательнейшим образом убеждали бы мелкую буржуазию в следующем: в то время, как старый капиталистический строй сводил человека из среды мелкой буржуазии к ничтожному винтику громаднейшей машины, грозил ему унижением, голодом, — наш строй дает ему полную возможность играть громаднейшую роль, используя на общее благо его знания, его культуру и интеллигентность, и гарантирует ему полную человеческого достоинства жизнь. Слова и дела, которые будут оттаивать крестьянство и мелкую буржуазию от пролетариата, пойдут на пользу нашему врагу.

Наследство в 150.000 безработных

Что касается индустрии, то я убежден, что мы в обозреваемое время не распола-

гаем достаточным количеством рабочей силы. Каталония должна всю Испанию снабжать изделиями текстильной промышленности и оружием. От капитализма мы унаследовали 150.000 безработных. Я надеюсь, что как только мы приступим к осуществлению подготовленных проектов, окажется недостаток рабочих рук. Само собой понятно, должны считаться с тем, что многого от нас требует война, конец которой зависит не только от героизма наших миллионеров, но и от нашей способности и нашего умения организовать производство и обмен.

Я за то, чтобы поддерживать те производства, которые очутились в трудном положении. Однако мы не должны поддерживать паразитствующие отрасли производства. Я надеюсь, что мы при помощи всех синдикатов и всех людей, которые верят нашему делу, сможем создать возможность для каждого заниматься продуктивным трудом и для безконечного развития всех человеческих способностей. Самое худшее, что с нами может случиться, — это то, если мы слишком много положимся на государство. Весь центр тяжести мы должны возложить на индустриальные синдикаты. Больше внимания синдикатам. И мы покажем, что мы более способны, нежели капитализм, организовать промышленность, вести все работы, предоставлять хлеб и справедливость для каждого. Тесное, братское сотрудничество между руководителями, техниками и рабочими, образует железный кулак, который обеспечит нам победу в тылу и на фронте.

Товарообмен

Кроме своего прочего мы не должны забывать того обстоятельства, что Каталония является такой областью, которая должна завоевать и укрепить широкий рынок. Я знаю, как важен хлеб насущный. Такую же важность представляет и экспорт. Экспорт — и то по низжайшим ценам — должен быть уже сегодня в центре нашего внимания. Мы должны экспортировать наш поташ, наши ткацкие изделия, нашу мануфактуру, продукты нашего земледелия, в первую очередь разные масла и фрукты. Я

Г. КУЗЬМЕНКО.

ВОСПОМИНАНИЯ

СМЕРЬ ОТЦА

Мой отец Андрей Иванович Кузьменко, сын бывших крепостных казенных крестьян из села Песчаного-Брода, Херсонской губернии, Елисаветградского уезда. (Теперь это Одесская область).

Отбыв воинскую повинность, он женился на крестьянской девушке сироте, из Киевской губернии, Домникии Михайловне Ткаченко и поступил служить нижним чином в жандармский корпус. Служил по железным дорогам и исполнял должность писаря на больших станциях Ю.З.Ж.Д. в жандармских канцеляриях. Отслужил верой и правдой двадцать лет, получил тысячу рублей наградных, и бросил службу весной 1908 года. Вернулся в свое родное село, взял от братьев свой отцовский надел в шесть десятин, на выделенном об-

щественном участке, выстроил хату, купил скотинки и начал хозяйничать. (Хозяйничать).

Детей у родных было трое — два сына, Николай и Степан, и я, дочь, младшая в семье. Старший брат, Николай, еще до ухода отца со службы покинул семью и ушел вольноопределяющимся в полк. В начале Великой войны он поступил в школу прапорщиков, окончил ее и ушел на фронт. Быстро стал повышаться по службе и к 1916 году был уже штабс-капитаном. На войне в боях был тяжело ранен и контужен и потерял 90% трудоспособности.

Второй брат, Степан, кончил школу десятников, женился и больше нас всех из

уверен, что мы, несмотря на громадные трудности, достигнем значительных результатов в этой области.

Без сомнения, мы должны искать новых путей и новых способов. Прежде всего, необходимо найти соглашение со всеми областями Испании и в первую очередь с центральным правительством, в котором сидят наши товарищи. Я пережил с самого начала трагедию ссоры между Мадридом и Барселоной. Я принадлежу к тем, которые меньше всего жалуются на неуважение и упорное непонимание, проявленное по отношению к нам. Но все же осмеливаюсь утверждать, что, не будь враждебного к нам отношения со стороны центрального правительства, Каталония закончила бы с войной на несколько месяцев раньше. Если бы дело шло единственно о желании извлечь для себя выгоду, я уверен, что мы располагаем более, чем в достаточной степени материалами, способными рассеять малейшее сомнение в правильности нашего поведения. Однако, мы желаем, чтобы все это кануло в бездну забвения. Мы желаем, чтобы все то, что произошло между нами и

центральным правительством со дня нашей победы в Барселоне, было бы навсегда закрыто в могилу прошлого. Я твердо убежден в необходимости гармоничного согласия между нами и центральным правительством прежде всего для плодотворного разрешения так для нас важного вопроса международной торговли. Мы со своей стороны должны все делать, чтобы это согласие было достигнуто и обеспечено.

Нужна солидарность для победы

Мы должны выиграть войну. Для этой цели должны все области Испании сотрудничать с величайшей солидарностью и с теснейшей координацией всех своих сил. Я бы мог всем рассказать о фактах, от которых вы пришли бы в ужас. Но я ограничиваюсь только указанием на необходимость гармонической связи с центральным правительством. Только таким образом мы выиграем войну, организуем заграничную торговлю и раз навсегда покончим со всеми трудностями, возникающими вследствие войны и революции.

Перевел М. Швитра.

детей жил с родными и помогал им в хозяйстве.

Я, окончив двухклассную школу и хорошо подготовившись, выдержала конкурсный экзамен в Добровеличковскую Женскую Учительскую Семинарию и оставалась в ней четыре года до окончания. Все годы учения в семинарии я пользовалась казенной стипендией, жила вне родительского дома и материально от родных была независима. Помимо стипендии, 15 рублей в месяц, я в эти годы зарабатывала еще тем, что репетировала отстающих соучениц и детей. Только изредка, в большие праздники да в летние каникулы, я навещала домой.

В 1916 году, окончив семинарию, я уехала в Екатеринославскую губ. и получила назначение в Гуляй-Поле в 2-х классную школу.

В начале 1919 года без ведома и согласия родных подружилась и сблизилась с Н. Махно.

Летом 1919 года Н. Махно сдал командование частями большевикам и сам с небольшим отрядом ушел из Екатеринославщины на Херсонщину. Красных командованием он был объявлен вне закона.

Я в это время тоже находилась уже в отряде.

Был август 1919 года. Отряд наш был расположен в селе Песчаном-Броде и в окрестных деревнях и хуторах.

Красные части, теснимые белыми войсками Деникина, отступали с юга. Отступая, они старались вывезти из Украины как можно больше продуктов, угля, снарядов и проч. В некоторых районах отступающие красноармейцы жгли стоящие на полях конны и немолоченные стоги хлеба, чтобы отомстить восстающим крестьянам. Обо всем этом вести доходили и до нашего села. Крестьяне первичали и волновались.

Помню, на громадном митинге возле волости махновцы призывали крестьян к тому, чтобы они сами выходили на отступающую в семи верстах от села железную

дорогу, останавливали эшелоны и поезда, забирали у отступающих красноармейцев снаряжение, обмундирование и вообще все то, что те старались вывезти из Украины и потом сами создали бы фронт против идущих вслед за красными белых войск.

Вскоре после этого призыва, в одну из ночей, население села вышло на линию железной дороги в районе станции Поможной с вилами и лопатами в руках обзоруживать красноармейцев, задерживать и разгружать поезда.

Отец мой плохо разбирался в происходящих событиях, туго поддавался агитации и в выступлении села на железную дорогу участия не принимал.

В наш штаб поступили сведения о том, что с юга большою волной хлынула отступающая красная армия. Двигается она сюда к нам. С нашими малочисленными силами вступать с ней в бой не было никакого смысла и мы вынуждены были отойти подальше от линии железной дороги. Через наше село в ближайшие дни должны были пройти как красные, так и белые войска.

По примерам, какие имели место в Гуляй - Поле, я узнала, что противники наши жестоко расправляются с семьями и родственниками повстанцев - махновцев. Я чувствовала и сознавала, что моим родным после нашего ухода из села грозит опасность. Дома тогда, кроме отца с матерью, жил младший из братьев Степан с женою Клавой. Старший же брат Николай был в это время в Киеве арестован большевиками и сидел в тюрьме.

За пару часов до нашего отъезда из села я поехала из центра, где мы стояли с Нестором, на окраину к своим родным. Молодым, брату с невесткой, предложила сейчас же собраться и без всяких разговоров уезжать с нами. Отца же с матерью предупредила, что мы уезжаем и высказала им все свои опасения за них. Советовала им тоже уезжать или, по крайней мере, быть очень осторожными и скрыться из дому хоть на некоторое время после того, как мы уедем. Тут же я им рас-

сказала, как в Гуляй - Поле немцы с гайдамаками взяли из дому больного брата Нестора Емельяна не принимавшего никакого участия в движении и расстреляли его только за то, что он брат Нестора Махно. Позже белые офицеры схватили жену другого брата Нестора, Савелия, долго и жестоко издевались над нею, били, кололи палками, отрезали одну грудь, потом вывели за огород и застрелили. Выслушав все это, отец мой твердо и решительно ответил:

— Из своей хаты никуда не пойду. Разве большевики или белые не люди? Разве они не поймут, что не могу же я, на самом деле, отвечать за поступки своей дочери, которая вот уже семь лет, как не живет дома и давно уже вышла из-под родительского влияния. Тем более на могу я отвечать и за поступки ее мужа, за которого она и замуж то вышла не спросясь меня. По моему, так и Степану с Клавой не стоит уезжать. Время теперь горячее, нужно копать хлеб свозить с поля да готовиться к молотбе.

— Да что там хлеб и молотба, когда вопрос идет о жизни и смерти... Я прекрасно знаю, что ты ни в чем не виноват. Но время теперь такое, что люди в озверении плохо разбираются в том, кто виноват, а кто прав. От них можно всего ожидать. Делайте как хотите, но примите к сердцу мой совет и мое предупреждение, — говорила я.

Мать молча слушала наш разговор, только тяжело вздыхала, да утирала передником скатывающиеся по щекам слезы.

— Да и как это вдруг ни с того ни с сего бросать свою хату и все в хате: постройки во дворе, засаженный огород? А корову, свиньи, курей, уток куда деть?... Да и куда же уходить? Свист за очи? Нет, нет не уйду из своей хаты. Я никого не обидел ни в чем не виноват. Что будет всем, то будет и мне, со двора я не уйду... — рассуждал отец.

Тем временем брат с невесткой готовились к отъезду. Мы попрощались со стариками и вместе с отрядом отступили в

местечко Добровеличковку. А красные части в тот же день вступили в село Песчаный-Брод.

Прошло несколько дней. Я ничего не узнала о родных и мучилась вопросом: что с ними?

Так как на боеучастке Николаев-Знаменка красные части отступили, то оставленные Нестором на фронте повстанческие части под командой Калашникова и Буданова нашли момент удобным для переворота. Они арестовали красных командиров: перехватили инициативу в свои руки и снова перешли под командование Нестора.

Сдерживая натиск белых денкинских войск и отступая, повстанческие части подошли к району — Помошная - Песчаный-Брод, Новоукраинна. Здесь красные части внутренних войск попытались ударить им в тыл, но сами были ими разбиты и ушли из этого района.

В один из этих дней зашел к нам на квартиру начальник штаба, брат Нестора, Григорий Махно и сказал мне:

— Я пришел сообщить вам, Галина, приятную новость. В штабе получены сведения о том, что отца вашего красные расстреляли, а хату разграбили и сожгли.

Тяжелым камнем легла на сердце эта печальная весть о смерти отца... Горько, больно и мучительно было сознавать, что прямой или косвенной причиной его несвоевременной и насильственной смерти стала я. Жаль было ни в чем неповинного старика.

— А что же с матерью? — спросила я дрогнувшим голосом.

— Пока неизвестно, — ответил он и заметив ту муку, которая, вероятно, отразилась на моем лице, он ласково положил мне руку на плечи и провизнес:

— Я знаю, что вам тяжело. Но мужайтесь, Галина, не падайте духом. Мы, революционеры, в нашем теперешнем положении ни от чего не застрахованы и ко всему должны быть готовы.

Когда он вышел, я направилась в другую комнату, где находилась Феня, брат

Степан и его жена Клава, и сообщила им о случившемся. Руки с шитьем у невестки опустились и она заплакала. Брат, ходивший по комнате, остановился у окна и уставился грустно — задумчивым, ничего не видящим взглядом в даль. У Фени, сидевшей на маленькой скамеечке и читавшей нам вслух до прихода Григория, книжка выскользнула из рук на пол и не подымая ее, она застыла, пораженная и придавленная известием. Я присела в углу на стул и склонила на руки голову...

— Почему, почему у их силой не увезла с собою?... — острой болью пронизывало раскаяние, — ведь я же знала и чувствовала, что им грозит смертельная опасность.

Чувствовать себя виновной в преждевременной и насильственной смерти отца, ничего не зная об участи матери и сильно тревожиться за нее было невыносимо тяжело...

На следующий день ко мне снова зашел Григорий Махно и сообщил, что штабом получены дополнительные сведения о событиях в Песчаном-Броде. Там вместе с моим отцом расстреляли еще пять человек — трех учителей из двухклассной школы, бывшего сельского старосту и одного молодого, лет шестнадцати парня, который увидя, что взяли расстреливать учителей, у которых он учился и которых очень любил, бросился к арестовавшим их красноармейцам со слезами и стал говорить:

— За что же вы учителей то взяли?! Ведь они ничего плохого не сделали. Отпустите их.

На это ему ответили:

— А тебе их жаль? Ну так иди и ты сюда.

Его присоединили к арестованным и тоже расстреляли.

Относительно моей матери крестьяне передают следующее: увидев, что хату сожгли, узнав, что отца расстреляли, она не вынесла свалившегося на нее горя, сошла с ума. Ее видели безумной, бегущей по берегу реки.

Она бросилась в реку и утонула.

Еще большее, еще тяжелее стало на сердце...

Нету больше отца с матерью... И вместе с отцом так глупо, так жестоко и цинично были умерщвлены любимейший учитель и общественный деятель села Даниил Саввич Маруценко, его жена учительница Александра Ефимовна и его брат, тоже учитель, Евфим Саввич. У Даниила Саввича и я училась три года. Была одной из любимых его учениц. Много воспитательных бесед провел он со мною, много хороших книжек дал мне прочесть. Бесплатно готовил меня в семинарию, направил, куда следует, и помог поступить туда. За его теплоту, внимание и ласку, за помощь и добрые советы я любила его не меньше родного отца.

И сельского старосту, степенного и почтительного крестьянина нашего села я знала лично.

Прекрасно знала молодого Кавицкого и помнила его маленьким и бойким учеником 1-го отделения, когда-я, будучи в старшем классе ходила к ним в класс заменять заболевшую учительницу.

И вот теперь все эти милые, славные ни в чем неповинные люди, вместе с моими родными лежат окровавленными трупами... И какая то доля вины в их крови и смерти лежит на мне...

В тот же день, только немного попозже, в штаб пришло известие о том, что Песчаный-Брод уже очищен от красных и занят махновцами.

Явился на квартиру Нестор, только что прибывший откуда-то, озабоченный и радостно возбужденный. Он так был занят поступающими все время в штаб известиями, событиями на фронте, вступлением в район все новых и новых повстанческих частей, так торопился, что мы не успели с ним обменяться и парюю слов.

Быстро перекусывая, он распорядился, чтобы ему подали автомобиль. Он собирался сейчас же ехать в Песчаный-Брод к воспробывшим туда частям.

Когда автомобиль был подан, я ни-

кому ничего не говоря, уселась в него.

Через минуту вышел Нестор с Александром Лепетченко и Петей Лютым, вооруженными до зубов, везде и всюду тогда сопровождавшими Нестора.

Увидев меня, сидящую в автомобиле, Нестор довольно грубо скааал:

— А ты чего здесь? Убирайся с автомобиля! Ведь мы не кататься едем, а по военным делам.

Эта грубость, это непонимание моего состояния и естественного желания поскорее, своими глазами взглянуть на родное пепелище, самой на месте выяснить все подробности смерти отца и матери, меня сильно оскорбили и больно ударили. Держать себя в руках долее я была не в силах. Что-то подкатилось к горлу и сжало его. Из глаз брызнули слезы. Сквозь слезы я произнесла:

— Если вы меня не возьмете с собою, то я пешком пойду в Песчаный-Брод. Я должна все увидеть и все узнать там на месте о своих родных.

Увидев меня плачущей и только теперь поняв мое состояние, Нестор, уже мягче сказал:

— Ну, ладно, езжай. Что уж с тобой поделаешь?

Он вошел в автомобиль и сел рядом со мной. Наклонился, поцеловал меня в щеку и сказал:

— Прости, Галя. Я так поглощен событиями последних дней, что забыл о твоём горе.

Вошли и уселись с «Луисами» Лепетченко с Лютым и автомобиль тронулся.

Расстояние от Добровеличовки до Песчаного - Брода — пятнадцать верст.

По всей дороге от Песчаного - Брода до Добровеличовки двигались подводы с повстанцами, со снаряжением, с семьями беженцев, отступивших еще из Гуляй-Поля.

Нестор часто останавливался по дороге, беседовал с повстанцами, с гуляй-польскими крестьянами, интересовался подробностями устроенного в Новом Буге наших командирами, Калашниковым и Буда-

новым, переворота и обо всем их распространялся.

Каждая такая остановка была для меня томительно долгой. Я была всецело поглощена своими внутренними переживаниями и все эти люди и события меня мало интересовали в эти минуты. Перед глазами мелькали подводы, кони, волы, лица запыхавшихся и загоревших людей, слышались их радостные приветственные выкрики. Подходившие к автомобилю пожимали нам руки, некоторые плакали от радости встречи или при поспешных рассказах о пережитом в дороге. Как в тумане видела я все это, машинально отвечала на приветствия и улыбалась встреченным, горю одним желанием поскорее добраться до своего села.

По дороге мы обогнали моего брата Степана, который трясся рысдой на захудалой лошададке без седла. Узнав, что в нашем селе махновцы, он так же, как и я, торопился поскорее добраться до мой.

Наконец автомобиль наш перескочил последнюю балку, тянувшуюся недалеко от нашего села и поднялся на бугор. С бугра стало видным все село, разоставшееся по двум сторонам речки Черного Ташмыка и растянувшееся верст на 4—5. При виде села сердце мое сильнее забилося в груди. Я сорвалась с места и уцепившись за спинку сиденья шофера, уперлась в дно автомобиля коленями. Мне казалось, что я таким образом подталкиваю машину и она благодаря этому движется быстрее.

Спустившись с бугра мы въехали в село и остановились недалеко от старой церкви на краю базарной площади.

Нестор с товарищами сошел с автомобиля и отправился в одну из хат, где стоял нужный ему командир.

Я с шофером осталась в автомобиле на улице. Уходя Нестор нам бросил:

— Обождите меня. Я скоро вернусь и мы поедем дальше.

К автомобилю (редкому явлению в те времена в наших селах) постепенно стали сбегаться детишки. А вскоре начали под-

ходить и взрослые крестьяне. Подходили, приветливо улыбались и здоровались со мною.

— Ну как вам жилось здесь эти дни? — спросила я.

— Ох, и зазнали ж мы.

— И не приведи господи!

— Бодай их и земля не носила, проклятих!

— Николі ще село не бачило такого лиха.

— Ото як тільки три дни тому впихали ваши з села, зараз же приїхали червоноармійці внутрішньої служби й розташувалися тут. Дуже вони були розлючені та незадоволені тим, що піцанобрідди виходили на залізницю обезброювати червоних. Того ж таки дня було заарештовано шість чоловік з вашим батьком. А ввечері на тайми зигнали всіх до волости на мітинг. Привели сюди й заарештованих. Говорив там якийсь комісар. Лаяв нас усіх, взяв бандитами та контр - революціонерами. Нахвалявся всіх перебити й село спалити, наколи ми не будемо підтримувати їх, червоних. У щоб ми не думали, що то пусті слова, то зараз же після мітингу, будуть покарані на смерть перші заручники села, що заарештовані.

Той ж таки ночі їх бідолашних і було розстріляно.

— Де їх розстріляли?

— А на тим боці проти двухкласової школи під хлівом.

— Их поховали?

— На другий день рано селяне викопали велику яму на кладовищі, склали туди всіх і загорнули землею.

Из собравшейся кучки крестьян выступил вперед пожилой дядько с распухшим, в синяках и отеках, лицом и сказал:

— А ось подивиться на мене. Як бисові падаюки розмалювали. Причепилися, давай им та й давай зброю. Нема у мене ніякої зброї. Я им клявся, божився и хрестився: що немає. Таж не повірили ж, собаки. Почали мене бити. Били по голови, по спини, скидали з мене штани й поролі. Повалили на землю, шомоловали,

били й топтали ногами. Один мене били, а другі тим часом всюди шукали зброю и грабували хазяйство. Усе, що тільки можно було, забрали, розбийники.

— Признайся, де заховав гвинтовку й набои? Будемо бити, доки не признаєшся, — кричали й знову били. Стара й дити бигали навкруги мене та голосили, прохали их залишити мене, так, кажи, не звертали на них ніякої уваги. Нарешті дали мені в руки лопату, бьют нагаєм по спині й приказують: — Розстріляємо тебе. Копай, собако, сам для себе яму! — Мусив копати... Доки житиму, пам'ятати тых «заступників робитників та селян».

И две крупные слезы скатились с его подбитых глаз и медленно сползли по расбухшим щекам в щетинистую густую бороду.

— Потопчували й мене, звірюки, — сказала одна из женщин и подняв вышитый рукав домотканной сорочки, показала на руке кровавую полосу.

— Я довго мовчки, сципивши зуби, дивилась, як вони все грабували и хліб, и поросят, и курей. А як розбили мою скриню й почали забирати рушники, свитку, спідниці та останню сорочку, не втерпила й почала их лаяти та клясти. Один підскочив, оперезав мене плетюкою й крикнув:

— Молчи, ведьма! И душу твою возьмем, махновка проклятая!

— Ох и попобили ж вони наших мужиків та познущалися над ними... А хліба, та добра всякого скільки вивезли з села, — задохнул один старик.

— А що ж сталося з моєю матерью?

— Вона, сердешна, як почула, що ни чоловіка розстріляно, збожеволила. Побигла по береги на скали й кинулась до річки.

— Ее витащили, похоронили? — распрашивала я дальше.

— Мабуть, вже поховали.

— Ни вона, здається, лежат ще в мертвецькій при ликарни. Вам варто було би туди навидатися.

В это время протиснулась ко мне одна старушка, которая до сих пор стояла

немного поодаль и молча, подперев рукой подбородок, слушала наши разговоры. Кивнула мне головою и сказала:

— Ходи но, дочко, зи мною, я тоби щось маю сказати.

Я спрингнула с автомобиля и отошла с нею в сторону. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что нас никто не слышит, она мне зашептала:

— Твоя мати жива. Тільки більшовики дуже шукали ни по всему сели, разстріляти хотили. Так ото ми, стари люди, щоб збити их з наптилику, навмисне расповсюдили чутки, що вона збожеволила та втопилася. Червони повірили й кинули ее пукати. На справди ж вона жива й хо-вається на тим краю села по городам. — Она кивком головы указала в сторону села, где мы жили.

Эти слова старушки меня несказанно обрадовали.

Я поспешно ее поцеловала и от души поблагодарила за добрую весть, побежала в хату, где был Нестор. Наспех поздоровавшись с новоприбывшими командирами, я сказала Нестору, что мать жива и скрывается в огородах и что я хочу сейчас же ехать и разыскивать ее. Мы условились с ним об отъезде и я поехала к нашему двору, находящемуся верстах в двух отсюда.

Подъехавши ко двору с удивлением увидела, что хата стоит не тронутой в то время, когда я ожидала увидеть вместо нее только обгорелые остатки. Попросив шофера вернуться к Нестору, я вошла во двор. На встречу мне с яростным лаем бросилась собака «Рябка», но узнав меня, она завиляла хвостом, радостно завизжала и лизнула мне руку. На пороге сидел наш старый серый кот, Васька. Увидев меня, он сгорбил спину, поднял хвост, начал тереться о косяк двери и жалобно замыукал.

Я открыла незапертую дверь и вошла во внутрь. Разгромом и пустотой повеяло отсюда. На полу валялось какое-то тряпье, солома, книги. Шкафы и сундуки были раскрыты, ящики в столах выдвинуты. Все,

что представляло собою хоть какую нибудь ценность, было забрано красноармейцами. Остальное скомканное и разбросанное валялось тут-же.

Грустно и тяжело было видеть родительскую хату опустошенной и разграбленной. Вышла во двор. Со двора увидела идущую по улице маму вместе с братом. Пока мы останавливались в пути, брат нас значительно опередил и уже успел разыскать мать. Я побежала им навстречу и бросилась целовать маму. Она в моем старом, сером, перепачканном грязью пальто, со съехавшим на бок платочком на голове. Из под платка выбились космы полуседых волос. Лицо бледное, очень грязное. Взглянула на меня холодным, растерянным взглядом и недовольно отстранила меня рукою, когда я бросилась целовать ее. Потом повела вокруг глазами и как-то странно вдруг захохотала.

— Играй, играй, музыка! Ведь я замуж выхожу, — крикнула. Ваялася в боки и стала плясать на дороге.

Мы с братом только переглянулись и ничего не сказали друг другу. Мы поняли, что она столько пережила за эти дни, что первые ее и на самом деле не выдержали.

Я взяла мать под руки и стала говорить ей:

— Успокойся, милая мамочка. Здесь нет никакой музыки. Не надо танцевать.

— Как нет музыки? Разве она еще не приходила? Ведь сегодня моя свадьба, и гостей уже полно, — важно бросила она мне. Затянула одну из свадебных песен, быстро освободилась от моей руки и принялась еще энергичнее плясать.

Вокруг нас начала собираться поспевающая всюду детвора. Мы приблизились к нашей фортке. Я крепко взяла мать за руку с одной стороны, а брат — с другой. Она рванулась было и стала упираться ногами в землю. Почувствовав, однако, что мы ее крепко держим, перестала сопротивляться, как то притихла и покорно пошла. Мы ввели ее во двор. Прошли с нею в глубину огорода и уселись в кукурузе и

подсолнухах. Подошли соседки. Одна из них принесла ведро с водою, мыло и полотенце. Другая принесла теплых плащид с кабаком и сметаны к ним.

Я умыла маму и расчесала ей волосы. Повязала аккуратно голову платком.

Вид у нее был уставший. Она все время молчала, была безразлична ко всему и позволяла все с собою делать.

Соседки выразили ей свое сочувствие и принялись рассказывать, как красноармейцы хозяйничали у нас во дворе.

— Отца вашего сильно били плетками. Он сначала спорил с ними, говорил, что ни в чем не виноват, но на все его слова и протесты ему отвечали грубыми насмешками и новыми побоями. Под конец он замолчал. Только слезы утирал кулаком и покорно выполнял все, что ему приказывали.

— Не рассуждать! Запрягай лошадей!

— Не по закону поступаете со мною. Докажите, что я виноват, отдайте под суд, расстреляйте, но бить не имеете права, — говорил отец.

— Ишь, суда захотел.. Без суда заперем тебя на смерть, собаку царскую, все добро твоё заберем и хату сожжем, — отвечали ему.

— Это сильные, грабеж, незаконные, — протестовал отец.

Его награждали новыми ударами и кричали:

Выноси барахло на подводу! Скорей поворачивайся, папаша!

— Сам и лошадей своих запрет в мажару, сам бидолага, и добро свое вынеси из хаты вместе с красноармейцами, — продолжала другая соседка.

— Рассыпались по хлевам и сараям. Свиной забрали. Гонялись по двору за курами и утками, стреляли. Один сделал жгут из соломы. Подставил лестницу к хате и с горящим жгутом стал лезть, чтобы поджечь стриху. Так мы, соседи, бросились к нему и бабы стали стаскивать его с лестницы и упрашивать не делать этого.

— Да побойтесь ж вы бога, — говорил, — лето теперь жаркое, дует сильный

ветер. Если зажжете одну хату, пол села выгорит.

— Чорт с ним, пусть горит, не жалко, — отвечал красноармеец. Но тут вмешались другие красноармейцы и сказали:

— А и в самом деле, Ванька, брось, не стоит. А то и переночевать негде будет.

И тот нехотя спустился и бросил на землю горящий пучок соломы. А мы его затоптали ногами.

— Полную мажару нагрузили всего солдаты и ваш же таки покойничек вывез свое добро со двора.

— А мать вашу долго искали красноармейцы. Разъезжали верхом по огородам, стреляли по пустым и высоким бурьянам и очеретам на берегу реки, спрашивая всех, не видел ли кто где запряталась эта старая ведьма.

Брат рассказал, как долго и безрезультатно он сегодня бродил по огороду, в котором пряталась мать. Ходил и громко звал:

— Мама, где ты?! Выходи! Красных уже нет здесь. Это я, Степан, пришел за тобою.

С такими возгласами обошел он весь огород, но на его зов никто не откликался.

Он решил уже было, что ее здесь нету и вернулся к крестьянину, указавшему ему где находится мать. Рассказал, что всюду искал, но ее нету с этом огороде. (Наши огороды на украинском черноземе с кукурузой, подсолнухами и прочей буйной и сочной растительностью так не похожи на здешние французские огороды, в которых бряд ли легко запрятаться человеку).

— Вы плохо искали. Она должна быть там, — ответил тот и пошел вместе с братом на огород.

Долго они ходили вместе и звали маму, но и на этот раз им никто не откликнулся.

Тогда они разошлись по двум противоположным концам огорода и принялись тщательно обыскивать его, проходя параллельными линиями, отстоящими в двух-трех шагах одна от другой.

Осмотрев таким образом добрую треть

огорода, брат, наконец, натолкнулся на маму. Она лежала не шевелясь прижавшись к земле в густых, высоких подсолнухах. Лежала ничком, с закрытым руками лицом. Сначала он подумал, что она спит. Приглядевшись же повнимательней, увидел, что она лежит притаившись, вся сжалась комочком, а лицо закрыла руками, видимо, от страха.

Подождал сюда и крестьянин, хозяин огорода и вдвоем принялись ее расстелкивать и уговаривать подняться. Она точно ничего не слыша, продолжала лежать и не шевелилась.

Не мало пришлось им повозиться с нею, тормоша ее и убеждая открыть лицо и подняться, говоря, что опасность уже миновала, что больше ей нечего бояться и прятаться, пока она позволила им отнять от лица руки, открыла глаза и села.

Во время всех этих разговоров и рассказов мать моя сидела молча.

Блуждающий взгляд ее никого не узнавал, ни на ком и ни на чем не останавливался. Она, казалось, никого и ничего не видела перед собою, не слышала и не понимала о чем мы говорили, и всецело была поглощена какими-то своими собственными переживаниями. Только по концу рассказа брата лицо ее стало внимательным и сосредоточенным.

И вдруг, углы губ ее опустились, нижняя губа немного отвисла и задрожала, из глаз потекли слезы.

Она заплакала сначала тихо, а потом гаврыд. Плакала долго.

Облегчив себя слезами, она как будто пришла в себя. Мы предложили ей поесть. Поела теплых плацанд со сметаной. Брат спустился вниз к реке и принес со своего огорода томат, огурцов, дыню. Вместе с нею перекусили и мы с братом, тоже успевшие проголодаться.

Поев, мама рассказала, что вскоре после моего с братом отъезда к ним во двор въехали несколько человек кавалеристов.

Мать в это время находилась в хате, возиась возле печки. Отец же был во дворе, строгал ток (гумно) приготовляясь к молотбе.

Мать сначала подумала, что это наши повстанцы приехали и стала глядеть в раскрытое окно. Кавалеристы проехали в глубину двора к отцу, окружили его и спросили:

— Здесь живет Андрей Кузьменко?

— Здесь, — ответил отец.

— Это ты Андрей Кузьменко?

— Я Андрей Кузьменко.

— Ах, ты сволочь такая!..

Натайка в руках одного из кавалеристов взвилась, просвистела в воздухе и била в спину отца.

— Что вы, что вы, господа?!.. — подняв руки и защищая ими лицо и голову, начал было отец, но тут на него со всех сторон посыпался целый град побоев.

— Так тебе, жантармская морда, еще и «господ» захотелось. Покажите ему госнод, товарищи!

Видя и слыша все это, она вспомнила мое предупреждение и не долго думая, бросилась в маленькую комнатку к выходящему оттуда назад хаты окну. Выскочила в окно, пригнулась и рвом, заросшим бурьяном, сбегала вниз на берег. Забралась в густой очерет и по колена в грязи и воде, присела там и притаилась.

Скоро она услышала лошадиный топот, голоса красноармейцев и стрельбу. Засветили пули и у нее над головою, а две из них просверлили воду совсем близко.

Сидела не шевелясь в воде и была ни жива ни мертва от страха.

Когда стрельба прекратилась, она еще долго оставалась на том же месте боясь шевельнуться и думала, что красные наконец приехали и засели где-нибудь близко в ожидании, что она выйдет из своего убежища.

Только в глубокую ночь измученная и совсем заколеченная от ночной прохлады и воды, так что зуб на зуб не попадал, она решилась выйти на берег.

Осмотрелась вокруг. Нигде ни души. Домой вернуться не решалась и побрела вдоль речки по огородам. На другой день на нее наткнулась одна женщина в своем огороде. Эта женщина рассказала ей, что ее мужа ночью расстреляли, а ее все еще

продолжают искать красноармейцы. Посоветовала не показываться людям. Накормила ее, принесла ей пальто и ботинки.

Все эти дни и ночи она провела на чужих огородах, куда крестьяне ей приносили есть. Но ей не елось эти дни.

Соседки слушали рассказ мамы и утирали слезы. И действительно, ее рассказ о своих переживаниях, о той тревоге, страхе, горе, слезах и отчаянии, о всем том, что она прочувствовала и испытывала эти дни, без внутреннего содрогания и глубокой жалости нельзя было слушать...

Тем временем к нашему двору подъехал автомобиль. Мы с мамой распрощались с добрыми соседками, попросив их присмотреть за хатой, кошкой и собакой, уехали в автомобиль и забрав по дороге Нестора, вернулись в Добровеличковку.

Брат же мой остался в Песчаном-Броде с намерением подробнее разузнать все о смерти отца и взглянуть на могилу, где его зарыли.

Вернулся брат с Добровеличковки только на следующий день. Со многими из односельчан он успел повидаться и поговорить. Побывал на кладбище и видел могилу, в которой отец вместе с остальными был зарыт.

Выяснил и передал нам некоторые, не лишние интереса, подробности.

Крестьяне ему рассказывали, что когда мажара (тарба) была наполнена всяким домашним скарбом, несколько красноармейцев сели в нее, привязав своих лошадей сзади. Отцу приказали сесть спереди и погонять лошадей к волости.

Проезжая по нашей улице мимо хаты своего двоюродного брата Дионисия отец обернулся к сидевшим сзади красноармейцам и попросил разрешения остановиться на минуту лошадей, чтобы попросить напиться воды. Это ему было разрешено.

Он придержал лошадей и махнул рукой сидящему под хатой на завалинке брату. Тот подошел к воротам. Отец попросил его вынести кружку воды напиться. Брат пошел к себе в хату и сейчас же вернулся с кружкой воды в руках. Подал ее отцу.

Отец взял дрожащими руками кружку, поднес к распухшим от побоев губам и с жадностью опорожнил. Возвращая ее сказал:

— Так вот, брат, какая правда на свете!.. Растил, кормил дочку, учил ее, выводил в люди, а теперь умирать за нее приходится...

Сказав это заплакал...

— Эй, ты, напился, ну и погоняй дальше! Нечего там разговаривать, — прикрикнул на него сзади красноармеец.

— Спасибо, брат, прощай! — сказал он Денису и тронул лошадей.

Когда подъехали к волости, ему велели слезть с подводы. Один из красноармейцев провел его во двор и присоединил к группе других арестованных.

Арестованные присутствовали на митинге и слышали из уст оратора вынесенный им смертный приговор. Никого из крестьян к ним не подпустили и разговаривать с ними не позволяли. Только между собою они перекидывались редкими замечаниями.

По окончании митинга поздней ночью их отвели на расстрел на другую сторону села, под сарай школьного сторожа.

Среди арестованных в одном белье находился и один из священников села. Но, якобы, один из красноармейцев пожалел его и по дороге шепнул:

— Смывайся, батя, я не замечу.

Тот в темноте шмыгнул в сторону и был таков.

Под стенкой сарая напротив школы арестованных остановили и объявили, что сейчас будут их по очереди ставить к стенке и расстреливать. Арестованные стали прощаться друг с другом и все перепечеловались. Особенно трогательно было прощание братьев учителей и мужа с женою.

Отец мой, будучи очень религиозным, почти всю дорогу молился и жалел, что умирает без церковного покаяния.

Его первого поставили на расстрел и приказали повернуться лицом к стенке.

— Я готов к смерти и могу смотреть ей прямо в глаза, — ответил отец и осенив себя крестным знаменем, начал, поджав руки и глаза к небу, молиться.

— Господи, в руки твои предаю дух... Раздалась команда, а за нею залп и он, взмахнув поднятыми руками, свалился на землю.

Вторым поставили молодого Кавицко-го.

— Палачи!.. Невинных расстреливаете!.. — успел он крикнуть раньше, чем в него выстрелили.

Потом поставили Александру Ефимовну. Новый залп и произведенная несколькими пулями, она упала.

После нее стал ее муж, Даниил Савич, и через секунду тяжелым мешком грохнулся на ноги своей жене.

Прошло еще несколько минут и красноармейцы, скинув винтовки на плечи, расходились по квартирам на отдых, оставив под сараем на улице шесть трупов.

На рассвете следующего дня по распоряжению красного начальства было выгнано несколько человек крестьян с лопатами и носилками с наказом убрать и закапывать трупы расстрелянных.

Крестьяне решили похоронить их на кладбище и вырыли там недалеко от ворот большую яму.

Раньше чем относить мертвецов на кладбище, их принялись раздевать и снимать обувь. Раздевание трупов в те времена было обычным явлением, так как в одежде и обуви была страшная нужда. Когда притронулись к женщине, то увидели, что тело ее тепло и она слабо дышит.

Что тут с нею делать? Закапывать ее нельзя, она жива, авось еще выживет. Сказать же красным, что она жива, тоже нельзя, — они ее добьют. Раздумывать же долго тоже нельзя — каждую минуту может подойти кто-нибудь из красноармейцев.

Как тут быть?

Наскоро решили отнести ее в одну из ближайших хат, к бедной вдове, где красноармейцы не стояли.

Увидев, что к ней несут мертвую, вдова так и ахнула. Но когда ей объяснили, что это не мертвая, а живая и что ее, может быть, удастся еще спасти, вдова бро-

силась в свою хатенку и засталапил¹⁾ чистым рядном. Несчастную бережно уложили и под большим секретом оставили здесь. Остальных расстрелянных раздели, перенесли на кладбище, без гробов уложили на дно ямы и зарыли, насыпав сверху большую могилу.

Поделив между собою одежду с мертвецов, крестьяне условились молчать про учительницу и выработали план, как доставить ее в больницу.

Через пару часов, когда красноармейцы, отдохнувшие за ночь и сытно перекусившие, занялись грабежом крестьянского добра, избиванием крестьян и устрашением непокорных, по улицам села к больнице медленно проехала телега с лежащей в ней больной женщиной. Проезжать нужно было по главной улице. Несколько раз к вознице по дороге приставали красноармейцы и спрашивали:

— Куда едешь? Что везешь?

На это им следовал ответ:

— Та ось, бачите, тропилась беда. Жилка впаля з горнипа. Впаля й знепритомнила. Як и чим допомогти ей, не знаю. Так ото й везу до лікаря, може що порадить.

В больнице доктор хороший, знакомый и приятель учителей, был уже предупрежден. Когда привезли больную, как тяжело больную, уложили в отдельную комнату. Ей перевязали раны и привели в чувство. Шея и плечи были в нескольких местах прострелены, но все раны оказались не смертельными. Однако, благодаря тому, что пулями были задеты какие-то нервы, одна сторона тела у нее оказалась парализованной.

Брат посетил ее в больнице и говорил с нею. Врач выражал надежду на ее выздоровление.

По выздоровлении она собиралась уехать к своим родственникам.

Посещению ее братом была очень рада и охотно рассказала ему о последних минутах отца.

* 1) Пил — это помост из досок вместо кровати в украинских хатах.

В. Х.

Анархическая пресса в России 1900 — 1917 г. г.

Первые анархические организации возникают в России в 70-х годах под непосредственным влиянием бакунистского крыла 1-го Интернационала. Однако уже в 70-х г.г. первое поколение русских анархистов сходит со сцены, причем из среды бакунистов выходят первые марксисты. В 1898 году складывается Р. С. Д. П. В 1902 году организуются оставшиеся вне ее элементы, принимая имя П. С.—Р. Обе партии борются за демократическую республику, С.-Д. считают себя рабочей партией и опираются на массовое рабочее движение, а С.-Р. представляют также интересы крестьянства, поддерживают крестьянские волнения и практикуют террор против представителей власти.

Первая группа русских анархистов коммунистов образуется в Женеве весной 1901 г. В маленькой типографии печатаются первые анархические издания, предназначенные для русских эмигрантов и для отправки в Россию. Среди них были:

П. Кропоткин — «Анархия, ее философия и идеал»;

Ж. Грав — «Будущее общество»;

Э. Реклю — «Анархия»;

И. Мост — «Религиозная язва»;

М. Бакунин — «Парижская Коммуна и идея государственности»;

П. Кропоткин — «Распадение современного строя («Речи бунтовщика»)».

Начинается Первая Русская Революция и увеличивается спрос на социально-политическую литературу. Группа приступает в середине 1903 года к изданию первого анархического журнала на русском языке под именем «Хлеб и Воля». Журнал выходит под редакцией Оррейана при участии П. Кропоткина, М. Корн, В. Черкезова и Георгия Деканцова. Возвращающиеся на родину эмигранты заносят анархические идеи в Россию, где в период 1903—5 г.г. начинает складываться и оформляться молодое анархическое движение.

С.—Д. и С.—Д. ведут борьбу за демократическую республику и поэтому главные свои удары направляют против самодержавия. Анархисты выступают под знаменем социальной революции, направляя удары не только против самодержавия, но и против капитализма. Политическому террору С.—Р. они противопоставляют экономический террор. Анархисты говорят о необходимости к революции подходить с экономической стороны и в политической борьбе руководиться экономическими соображениями. («Хлеб и Воля»).

Поддерживая борьбу трудящихся масс за улучшение своего материального и культурного положения, анархисты резко выступают против минимальных программ социалистов. Утверждая, что революция пойдет по равнодействующей всех борющихся сил, анархисты считали, что выдвижение крайних, неурезанных требований обеспечивает народу наибольшее завоевание. Считая, что народу принадлежит только то, что он может взять и удержать собственными силами, они рекомендовали в качестве средства борьбы непосредственное действие, особенно подчеркивая целесообразность всеобщей стачки.

Силой, способной к проведению планомерной массовой экспроприации они считали ячейки производителей, складывающиеся в процессе производства, т. е. революционные профессиональные союзы или рабочие синдикаты. Синдикаты — будущие органы управления производством, с их точки зрения.

В разгар революционной борьбы социалистические партии допускали, так называемые «экспроприации» для добывания средств на партийные нужды. Анархисты тоже начали практиковать «эксы», не делая разницы между государственными и капиталистическими учреждениями. Этим они подчеркивали свой революционно-социалистический характер.

До 1905 года журнал «Хлеб и Воля»

был единственным теоретическим органом русского анархизма. Однако, по мере развития движения росла левая оппозиция.

В начале 1905 года в Париже под редакцией Николая Романова («Видбей») при участии Екатерины Литвин и Михаила Сущинского был издан новый журнал «Листки группы Безначалие». Девиз группы: «экспроприация — это великий дар анархии народу».

Безначальцы, считая, что рабочий класс погряз в болоте конкретных требований, которые вполне совместимы с существованием старого строя, что за густым лесом этих конкретных требований он рискует проглядеть свою историческую миссию — полное освобождение, — выдвигают единое и неразделимое требование анархической коммуны. К профессиональным союзам они относятся безусловно отрицательно, считая их средством приспособления к буржуазному строю и учитывая воспитываемую ими профессиональную обособленность и групповой эгоизм, враждебный общему рабочему делу.

Путь к цели — организация боевых дружин и истребление врагов: «Смерть буржуазии есть жизнь рабочих», говорят они. Безначальцы считали, что анархист не должен поддерживать своим трудом государство и капитализм и поэтому рекомендовали анархистам существовать за счет экспроприаций у капиталистов и государства. Словом, их боевые дружины должны были представлять армию, вторгнущуюся в неприятельскую страну и реквизирующую у противника продовольствие и снаряжение. Второй номер «Бунтаря» был уничтожен Романовым, когда он узнал, что «хлебобольцы» считают издание провокационным. В России левое крыло организуется под именем «Черное Знамя».

Начинается борьба между правым и левым крылом анархизма. Хайм Лондонский созывает в гор. Вильно конференцию «хлебобольцев», которая заявляет, что частичные экспроприации не ведут к уничтожению капиталистического строя, — не служат средством пропаганды идей анархизма, и кроме того, мешают пониманию

массами философской стороной анархизма, а поэтому исключают «чернознаменцев» из своей среды.

В противовес «хлебобольщескому» направлению оформляется направление «чернознаменское». Речи агитирует за постоянные революционные выступления пролетарских масс, за антибуржуазный террор и частичные экспроприации для партийных целей и за организацию безработных для экспроприации предметов потребления.

После манифеста 17-го октября 1905 года в Белостоке созывается конференция «чернознаменцев», собравшая около 20 представителей. Конференция разделилась на «безмотивников» и «коммунаров». Первые приняли резолюцию, предложенную Стригой: «Признавая, что анархические группы во всем мире вообще и в частности в России, отдаляются от антибуржуазного террора и этим самым дают возможность буржуазии организоваться в сильные политические партии, орудием которых служит парламентаризм, отвлекающий пролетариат от активных выступлений против власти и капитала, — конференция постановила организовать террористическую группу для проведения актов безмотивного антибуржуазного террора».

«Коммунары» приняли следующую резолюцию: «признавая, что российский пролетариат находится в настоящее время в состоянии революционного экстаза, конференция считает необходимым организовать группу интеллигентных пропагандистов и опытных тактиков, которые поехали бы на юг России и, выбрав там один из подходящих городов, объявили коммуну».

Безмотивный террор, с точки зрения «чернознаменцев» должен расширить кругозор рабочих и отвлечь их внимание от парламентаризма, а восстания коммуны должны служить методом наглядного обучения массе программе и тактике анархизма. Актом безмотивного террора было несколько, попытка же объявления коммуны в Екатеринославе кончилась неудачей, так как группа была разбита до выступления.

В декабре 1905 года вышел № 1 жур-

нала «Черное Знамя», а через год в Женеве «Бунтарь».

В противоположность «безначальцам» «чернознаменцы» считали частичные экспроприации только техническим средством для пополнения партийной кассы (а не для целей) и допускали борьбу за конкретные требования, рекомендуя только террористические методы отстаивания их. В борьбе за конкретные требования они ценили не самые завоевания, а воспитание классовой воли, даваемое борьбой.

«Чернознаменцы» в противоположность «хлебовольцам» выступали против профессиональных союзов (как «безначальцы») и считали, что силой, которая могла бы приступить к планомерной массовой экспроприации должны быть союзы стачечников или безработных, организуемые после прекращения производства.

«Чернознаменцы» противопоставили демократической волне безмотивный антибуржуазный террор и организацию безработных и стачечников для проведения массовой экспроприации предметов потребления.

«Хлебовольцы» противопоставили демократизму революционный синдикализм. В то же время они совершенно отказались от практики частичных экспроприаций в виду их демократического значения.

Таким образом, различия между правым и левым крылом анархистов, в грубых чертах, сводились к следующему:

Демократическим идеалом (выборное и сменяемое правительство) других политических партий, «хлебовольцы» противопоставили революционный синдикализм, а «чернознаменцы» — безмотивный антибуржуазный террор. «Хлебовольцы» допускали террор только по отношению к особенно вредным представителям власти и капитала, полагая, что он должен быть понятен каждому рабочему без специальных объяснений.

Затем «хлебовольцы» видели в профессиональных союзах орудие проведения массовой экспроприации, а «чернознаменцы» полагали, что орудием массовой экспроприации должны быть союзы, организуемые среди стачечников и безработных.

Наконец, «хлебовольцы» совершенно отказались от практики «эксов» и возражали против них, а «чернознаменцы» допускали их в качестве технического средства для пополнения партийной кассы. («Безначальцы» представляли случайное явление в анархизме и в расчет не идут).

В 1906 году была сделана попытка создания внефракционного органа «Буревестник». Первый номер вышел 20-го июля под редакцией Менделя Дайнова. Несколько номеров носило смешанный характер, ибо рядом с синдикалистскими статьями в нем печатались и антисиндикалистские. Однако очень скоро обнаружилось неудобства такого «незаконного сожительства» и «чернознаменцы» ушли из редакции. Вскоре после этого редактирование «Буревестника» перешло в руки т.т. Н. Рогдаева и М. Раевского и он, через некоторое время стал правее «Хлеб и Воли». «Хлебовольцы» рекомендовали анархистам вступать в существующие профессиональные союзы, чтобы работать в них для своих целей. «Буревестниковцы» же, веря в непогрешимость синдикалистских методов борьбы и строительства, рекомендовали организацию тайных анархистических синдикатов, которые в разгар революции могли бы стать остоном будущей революционно-синдикальной организации.

Первым вестником нарождающегося анархо-синдикализма, получившего свое теоретическое обоснование на страницах «Буревестника», был журнал «Новый Мир», вышедший раньше его.

С декабря 1906 года, «чернознаменцы» начинают издавать в Женеве журнал «Бунтарь» — первый номер которого был больших размеров и содержал очень ценный и интересный материал. Всего до 1909 года вышло 4 номера.

В октябре 1907 года вышел №1 журнала «Анархист», отличавшийся от «хлебовольцев» только тем, что рекомендовал анархистам вести в профессиональных союзах синдикальную пропаганду, не вступая в них. Редактором журнала был Г. Оскаров.

РУССКАЯ АНАРХИЧЕСКАЯ ПРЕССА (1917 — 1920 г. г.)

Благодаря целому ряду условий, в которых должно протекать русское анархическое движение, не только широкая публика, но и многие анархисты, особенно провинциальные, не имеют точного представления об анархическом движении, разлившемся с 1917 года по всей России. Можно сказать определенно, что в последние три-четыре года оно получило значительное распространение. Возникновение, часто спорадическое, анархической прессы вполне подтверждает это. В этот период, по далеко не полным сведениям, в России, несмотря на бумажный кризис и другие неблагоприятные условия, необходимые для нормального существования и развития прессы, выходило не-мало книг и брошюр, 26 газет, 29 журналов и несколько бюлле-

тений анархического направления.

Большинство газет принадлежали анархо - коммунистическому направлению и три газеты выявили анархо - синдикалистское течение.

Относительно 19-ти газет, срок выхода которых установлен, известно, что 5 газет (Анархист, Буревестник, Голос Труда), (Петроградское и Московское издания), (Рабочее Знамя и Свободная Коммуна) выходили ежедневно: 13 газет («Вольный Кронштадт, Вестник Анархии», «Набат», «Рабочая Жизнь») выходили еженедельно и одна — «Анархист» орган Лефортовской группы анархистов) — выходила два раза в месяц. При этом характерно, что все ежедневные газеты выходили в 1917 и в первой половине 1918 года. Разгром анархистов, учиненный 12 апреля 1918 года, сыграл решающую роль в судьбе анархической прессы.

Это видно и из сопоставления количества выходивших каждый год анархических газет: в 1917 г. выходило 4 газеты, 1918 г. — 17, в 1919 г. — 6, в 1920 г. — 1.

Продолжительность существования анархических газет была чрезвычайно различна. Только «Анархия» и «Буревестник» (Петроградский) просуществовали более или менее долгое время. Анархия выходила около года, а остальные газеты сумели выйти в лучшем случае в десятках номеров. Быстрое прекращение их зависело, с одной стороны, от недостатка денежных средств, а с другой — от враждебного отношения государства, причем, одни газеты закрывались по постановлению власти («Голос Трудящихся», «Грядущее» и др.), другие — благодаря косвенному воздействию государства: прекращение отпуска бумаги, задержка в распространении и в выдаче денег, («Анархия», орган Лефортовской организации); третьи — закрывались благодаря аресту и разгону членов анархических организаций («Вестник Анархии») и т. д.

В 1909 году прекратили свое существование анархические журналы, созданные Русской Революцией. Первым вестником возрождения был основанный в 1910 году в Париже журнал «Вольная Община», орган анархистов - коммунистов, редактируемый А. Карелиным. «Вольная Община» рекомендовала систему замкнутых кружков (по 5 человек), связанных между собой только через отдельных членов. Через год группы, примыкавшие к направлению «Вольной Общины», основывают в Америке беспартийный журнал «Голос Труда». В 1912 году «Голос Труда» становится вне-официальным анархическим органом, а через несколько лет — официальным органом анархо - синдикализма.

В 1913 году в Швейцарии начинает издаваться при участии Александра Ге, Рабочего, Альфы и др., журнал «Рабочий Мир». Со следующего года он становится органом федерации анархистов - коммунистов и в нем начинают принимать участие П. Кропоткин, Ортейяни, М. Корп. С объявлением войны он закрывается и антиимпериалисты выпускают несколько номеров «Рабочего Знамени».

В. Х.

МОЕ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С АНАРХИЗМОМ (Воспоминания)

Я родился в 1889 году в Одессе, в бедной еврейской семье. Мои родители — простые, необразованные люди — имели шесть душ детей: я был одним из двух младших сыновей. Отец по ремеслу столяр, долгое время работал в качестве подмастерья на мебельной фабрике, а затем стал собственным хозяином, открыв столярную мастерскую. Сам работая, отец нанимал также рабочих и был, таким образом, эксплуататором чужого труда. Обремененные большой семьей и испытывая часто нужду и лишения, родители не могли дать детям хотя бы среднего образования. Однако, я оказался счастливым: благодаря некоторым усилиям, я был отдан сначала в еврейскую начальную школу (хедер), в которой, помимо древне-еврейских предметов, преподавался русский язык, а затем, спустя 3—4 года, после успешно выдержанного экзамена, 12-летним мальчи-

ком, я поступил во 2-ой класс шестиклассного казенного училища Б. Л. Сегала.

Заведующий училищем Бернард Леонтьевич был высокообразованным человеком, автором нескольких учебников истории и религии. Но он был одним из тех реакционеров, для которых личная карьера и служение начальству были лучшими идеалами в жизни. К ученикам он всегда относился строго, повелительно, в духе «молчать и не разсуждать!». За малейшую провинность он любил наказывать ученика, оставляя его «без обеда» или посылая «за родителями». Все ученики, даже старших классов, боялись его. Мы, понятно, не любили его и всегда мечтали о том, чтобы иметь другого, лучшего заведующего. Зато у нас были добрые учителя, и среди них особым уважением пользовался преподаватель русского языка Лев Викторович Высоцкий. Он был для нас не только учите-

Журналами, как и газетами, наиболее было полно представлено коммунистическое направление в анархизме, синдикалистическое — представлено тремя и индивидуалистическое — одним органом.

Срок выхода журналов в свет точно не установлен. Но, судя по некоторым данным, журналы разделялись на еженедельники, двухнедельники и ежемесячники.

Дольше всего выходили «Вольная Жизнь», «Вольный Труд», «Жизнь и Творчество Русской Молодежи» и «Почин», которые просуществовали свыше года.

Из 16-ти журналов, время существования которых определено, 1917 г. выходило 5 журналов, в 1918 г. — 6, в 1919 г. — 6, 1920 г. — 2.

Причины ликвидации журналов в общем те же, что и для газет.

Кроме журналов, выходил еще ряд различных бюллетеней отдельных анархических организаций.

Различные препоны, стоящие на пути

к изданию печатных органов, заставляли анархические организации прибегать к паллиативам и вызывали к жизни целую вереницу гектографированных и размноженных на ротаторе бюллетеней.

Из таких органов нам известны: «Бюллетень Лефортовской Районной Организации Анархистов» (Москва), «Бюллетень Союза Анархистов» (Петроград), «К свету» — орган 1-го районного объединения культурно-просветительных организаций Лихославльского у., Калужской губ.

Резюмируя изложенное, нужно сказать, что 4 года не прошли безследно для анархического движения в России. Почти 50 периодических изданий, охвативших территорию от Петрограда до Благовещенска и от Вологды до Одессы, часто издававшихся в глухих уголках России (Клинцы, Черниговской губ.), ознакомили массу с анархическим учением и создали движение, оценить которое можно по разному, но не признавать его нельзя.

лем, но другом и товарищем.

Как социалист и член одесского комитета «Бунд», Лев Викторович (по партийной кличке «Семен») играл заметную роль и подпольном социалистическом движении города. Об этом мы, ученики, узнали только впоследствии; мы также узнали, что он симпатизировал анархизму, как культурному движению. Но нам он был известен, как профессиональный учитель и, как таковой, он пользовался всеобщим уважением. Как педагог, он любил дисциплину и аккуратность. Он всегда отдавал предпочтение прилежным ученикам, а к плохим, неприлежным, он относился бездружелюбно.

Он часто собирал нас, учеников старших классов, беседовал с нами о необходимости образования, о пользе чтения, о выработке взглядов и определенной веры. «Каждый взрослый человек должен выработать свое собственное мировоззрение», любил он всегда подчеркивать. Он также давал нам для чтения некоторые хорошие книги и брошюры издания «Молота» и «Донской Речи». Я всегда любил читать, но с тех пор, помню, чтение сделалось моей страстью. Одна из брошюр — «К молодежи» П. Кропоткина — произвела на меня глубокое впечатление. Я еще не знал, что автор этой брошюры — знаменитый анархический теоретик, но все мои симпатии были на его стороне.

За свои вольные беседы с учениками Лев Викторович не раз получал выговоры от заведующего, но последний его терпел по той причине, что он был одним из лучших педагогов, и еще потому, что в стране повело политическая весна, наступали новые времена: приближался будущий 1905 год.

В марте 1905 года, когда я был в пятом классе, в нашем казенном училище случилось необыкновенное событие: в одно прекрасное утро, во время большой перемены, в рекреационном зале было найдено несколько листовок — прокламаций, подписанных «Южно - Русской группой анархистов - коммунистов». Ученики, нашедшие прокламации, боялись держать их у себя и

они тотчас-же передали их школьному надзирателю. Тот, смекнув в чем дело и желая, очевидно, следить за порядком шумевших учеников, быстро схватил их и всунул в один из незамкнутых ящиков своего письменного стола.

Весть о найденных прокламациях с быстротой молнии распространилась по всему залу, и некоторые ученики еще больше заволновались. Слышны были крики негодования против трусливых учеников, передавших надзирателю прокламации, и возгласы о том, что надо их отобрать и непременно прочесть. Так и вышло: увидев удобный момент, несколько учеников стремглав пустились к письменному столу и вытащили из ящика спрятанные прокламации. И хотя надзиратель потом узнал о проделке учеников, но он держал себя спокойно и старался замять дело, боясь, должно быть, скандала со стороны строгого заведующего.

Ко мне в руки попали две прокламации: одна под заглавием «Что такое анархия?», а другая «По поводу войны». В первой прокламации в краткой, но содержательной форме излагались основные принципы анархического учения и тактические методы достижения анархического строя; а во второй — разбирались причины возникновения войн вообще и русско-японской войны в частности, и указывались также пути и средства уничтожения преступного капиталистического строя и осуществления свободного общества, основанного на вольном труде и мирной жизни народов.

Прокламации были для меня своего рода откровением. Раньше, например, я никогда не встречал таких слов, как «анархизм», «социальная революция», и смутно понимал их значение, как не понимал причин, вызывающих войну. Но прокламации открыли мне глаза: я понял, что в мире есть много людского зла, много несправедливостей, но есть и прекрасные идеалы, и люди — борцы, готовые отдать свои жизни за идеал, и мое сердце радостью забилось...

Между тем события в России разгорались и заставляли почти каждого прислу-

шиваться к их зову. Волна демонстраций и забастовок охватила всю страну. Открытые массовые выступления народа, развившиеся в рабочих забастовках, крестьянских бунтах и студенческих волнениях, вызывали большое возбуждение и способствовали развитию освободительного движения. Активное участие в движении принимали учащиеся — студенты, гимназисты и ученики низших школ — и все они выставляли требования! Наше училище тоже не отставало от общего движения учащихся. Мы имели свои кривды и знали за что ухватиться конкретно: настроенные против заведующего, мы требовали его увольнения.

Мы начали кампанию против нежелательного заведующего. Созвав однажды сходку учеников старших классов, мы тут же избрали «комитет учащихся», в который вошли шесть учеников, в том числе и я. Когда в октябре 1905 года началась всеобщая забастовка учащихся, наш комитет принимал в ней деятельное участие. Но не долго продолжались наши волнения. Забастовочное движение вскоре было сломлено. Наступившая реакция и погромы, распустив свои черные крылья, нанесли движению сокрушительный удар. В эти кошмарные дни мы потеряли своего любимого учителя Льва Викторовича Высоцкого: предводительствуя во время еврейского погрома отрядом самооборонцев, он был окружен казаками и зверски убит. А с наступлением реакции, мы не только не добились своей победы — увольнения заведующего, но, по решению педагогического совета, сами, т. е. члены комитета, были исключены из училища. Это был неожиданный удар для нас, и тем более, для меня, так как я был уже в последнем, 6-м классе, и через несколько месяцев должен был окончить училище. Впрочем, нет худшего добра: если я официально не окончил училища, то мое дальнейшее внешкольное самообразование принесло мне больше пользы, чем казенное образование, и оно, конечно, было тем полезнее, чем больше я стремился к нему.

Наступившая жестокая реакция нико-

го не падала: она гналась за всеми «краснолицами», за всяким «неблагонадежным» или подозрительным лицом. Обыски, аресты и преследования стали ежедневным явлением в стране. В начале декабря 1905 года в Одессе начались повальные обыски. Старо - Резничная улица, где мы жили, была вся оцеплена полицией и солдатами. Никого не выпускали из ворот, а приходивших задерживали. Искли оружие и бомбы, и хотя этих «деликатных вещей» не нашли в нашей квартире, меня, однако, задержали по другой причине: в одном из ящиков старого шкафа нашли несколько прокламаций анархистов и «Бунда». Несмотря на протесты и уверения родителей, что я тихий человек и не веду знакомства с «бунтовщиками», меня все-таки арестовали и в сопровождении дворника и городского отравили в Александровский полицейский участок, где я проспал двое суток в ожидании допросов и суда. Но на третий день мне заявили, что суда не будет, и что я ссылаюсь в административном порядке на 6 месяцев в тюрьму. Делать было нечего; «суд», очевидно, был скорый и милостивый: раз нашли прокламации, да еще анархические, значит виновен и защиты не может быть...

Одесская тюрьма, где я отбывал заключение, в то время славилась своими политическими заключенными. Здесь были представители почти всех партий и фракций: анархисты, социал - демократы, социалисты - революционеры, бундисты (еврейские социалисты), «махавцы» и др. Я попал в общую камеру, в которой сидело человек 30, и среди них было несколько анархистов. Андрей Милевич, Михаил Знаменский, Павел Чеботарев и Константин Черный. Почти все они обвинялись в мелких «преступлениях», как-то: распространении прокламаций, посещении нелегальных собраний и т. п. Все окружили меня и стали спрашивать, как и за что я попался, на какой срок сослан и т. д. Я был в угнетенном состоянии духа и неохотно отвечал на вопросы. К тому же, тихий и малоразговорчивый, я искал уединения, хотел быть с самим собой.

Скоро, однако, я начал привыкать к товарищам и к тюремной жизни. Совместные прогулки и частые беседы с заключенными успокоительно влияли на меня. Товарищи начали агитировать меня. Каждый из них старался доказать правоту и превосходство своей веры и привлечь меня на свою сторону. Разбираясь немного в программных вопросах, я в общем знал цели и стремления политических партий, но мне были совершенно неизвестны, например, стремления и цели так называемых «махаевцев», и лишь в тюрьме я узнал об «учении» этих оригинальных мечтателей. «Махаевцы» верят, что не надо выставлять никаких высоких идеалов: что политическая борьба не принесет освобождения рабочему классу; что рабочие должны непосредственным путем добиваться удовлетворения исключительно экономических требований; и что рабочие должны отмежеваться от интеллигенции, как полубуржуазного класса, поглощающего труд и прибыль трудящихся.

Как ни симпатизировал я «махаевцам», но последний пункт их «учения» абсолютно не нравился мне. Я возражал им, указывая на то, что их своеобразный синдикалистский взгляд на рабочих ошибочен и нелогичен: во-первых, среди интеллигенции есть много идеалистов и преданных борцов, готовых отдать свои жизни за освобождение рабочих, и во-вторых, рабочие сами должны стать интеллигентами... Нет, «махаевцы» меня не привлекали, а из всех «измов» мне больше всего нравился анархизм, к которому меня инстинктивно влекло. И когда я летом следующего года вышел из тюрьмы, я находился уже под прямым влиянием анархистов.

В конце 1906 года я сблизился с несколькими учениками ремесленного училища «Труд». В этом училище были хорошие, сознательные товарищи, среди них — некоторые анархисты, работавшие в конспиративных группах и часто посещавшие «анархическую биржу» на Госпитальной улице. Эту биржу местная власть сильно преследовала. Но несмотря на подлившую голову реакцию, в Одессе в то время бы-

ло большое оживление среди интеллигенции и трудового населения, особенно, среди моряков, портовых рабочих и фабричных рабочих в районе Пересыпи. Часто устраивались собрания и сходки, на которых читались доклады и лекции по разным вопросам.

Устраивались также диспуты между представителями противоположных партий, чаще всего между анархистами и социал-демократами. Распространялись, хотя и редко, нелегальные брошюры и журналы, печатавшиеся за-границей и в самой России.

Один из таких журналов мне удалось достать. Это был анархический журнал «Бунтарь», редкие отдельные номера которого переходили из рук в руки и зачитывались рабочими и учащимися буквально до дыр. Этот журнал оказал на меня большое влияние.

«Бунтарь» — замечательный журнал: он, пожалуй, самый лучший среди всех известных мне русских анархических журналов. Его первый номер, выпущенный в 36 страниц, содержит ряд серьезных статей агитационно - пропагандистского характера. Важное место в нем занимает также критика идейных противников анархизма — социал - демократов, социал-революционеров и др. Почти все статьи в журнале написаны хорошим, популярным языком и доступны пониманию всякого мало-мальски сознательного человека. В особенности замечательны те статьи, которые, как, например, «О демократическом социализме и анархическом разрушении», знакомят читателя с принципами и тактикой анархизма.

«Бунтарь» сыграл большую роль в идеях и настроениях русских анархистов. Своим ясным анархическим направлением он помог многим выбрать определенное мировоззрение и привлечь большое количество новых сторонников анархизма. Одним из них был я сам, получивший, так сказать, анархическое крещение именно от «Бунтаря». Анархизм был для меня не отвлеченной теорией, а реальной потребностью,

ПРОЦЕСС 16-ти

(Окончание *).

Слово Мрачковского

Бывший командир красноармейского полка Сергей Мрачковский в своем последнем слове подсудимого сказал следующее:

— В последние часы моей жизни я вполне искренно говорю, что я счастлив от мысли, что у нас есть любимый вождь Сталин, который будет продолжать руководить страной по пути к прогрессу. Если бы троцкисты и зиновьевцы захватили власть в 12 часов дня, то в 12 ч. 5 м. мы начали бы уже драться из-за должностей. За свое предательство и измену я заслужил расстрел. Я хочу только сказать перед смертью, что своим искренним покаянием я очистился от обвинений в измене.

Слово Евдокимова

Бывший председатель компартии Ленинградской области — Г. Е. Евдокимов в своем последнем слове подсудимого сказал между прочим следующее:

— Говорить о раскаянии теперь уже поздно. Если бы я не был начинен такой же галиматией, как Зиновьев и Каменев, то я давно ушел бы от них. Но я позд-

*) См. № 78-79.

отвечавшей моему характеру и наклонностям.

Я начал верить, что подлинным анархистом можно быть только по рождению и темпераменту, хотя и знал, что воспитание и окружающие условия играют при этом немаловажную роль. Я понял, что жизнь капиталистического общества держится на политическом, экономическом и духовном рабстве трудящихся масс, создающих все богатства и обреченных самым рождением своим, в среде обездоленных, на тяжелый труд, голод и страдания. Возненавидя неравенство, тяготеющее над человеческим обществом, я понял, что капиталистический

но прозрел, потому что не мог разгадать этих тварей раньше.

— Когда партия простила нас в первый раз, она не знала, как близко стояли мы к контр - революционерам, к авангарду мировой контр - революционной шайки. Заграничный фашизм провозглашает смерть коммунизму. Мы же провозглашали многие лета Сталину и втихомолку подготавливали его убийство.

После своей речи Евдокимов горько зарыдал.

Слово Бакаева

Подсудимый И. Т. Бакаев, который должен был стать главой троцкистского ГПУ и перестрелять всех второстепенных участников убийств, в своем последнем слове истерично кричал, что Зиновьев приказал ему убить Сталина, говоря: « Пусть Сталин получит пулю Бакаева!»

— Теперь я вижу, что это была фраза садиста! Я был учеником Сталина и работал с ним рука об руку под его руководством. И этот предатель Зиновьев хотел, чтобы я, ученик Сталина, стал его убийцей!

Обращаясь к Рейнгольду, главному свидетелю обвинения, оговорившему всех ос-

строй и люди, поддерживающие его, являются главными причинами социальных бедствий.

Я убедился что для того, чтобы положить конец социальному неравенству и рабству, нужно уничтожить зло в корне, т. е. уничтожить власть, эксплуатацию и господство человека над человеком и установить свободный, анархический строй жизни. И я безвозвратно примкнул к анархизму.

Прокламации, тюрьма и «Бунтарь» — вот первые шаги на пути моего знакомства с анархизмом.

Л. Липоткин.

талых больших и малых вожakov «заговора», и стараясь уличить и его, Бакаев истерическим голосом закричал:

— Рейнголд! Разве вы, Дрейзер и я не ходили вместе наметить место, на котором должен был быть убит Сталин?!.. Зачем отрицать это, когда мы все скоро уже будем на том свете?!.. Я вижу, что вожди хотят сделать из меня козла отпущения. Каменев! Кто дал вам право так испортить мою жизнь?!

Слово Рейнголда

Подсудимый П. Рейнголд, обративший на себя всеобщее внимание элегантным костюмом и «салонными манерами», в своем последнем слове подсудимого опять обрушился на своих сотоварищей по заговору, сидящих на скамье подсудимых. Он снова повторил, что при свидании в Копенгагене с Троцким, последний настаивал на «провоцировании войны с Японией, чтобы свергнуть только диктатуру Сталина».

— В 1931 г. Зиновьев сказал мне: «Да, Троцкий прав. Мы—пораженцы. Но даже потеря некоторой территории на Дальнем Востоке будет стоить нам меньше, чем продолжение диктатуры Сталина. Ведь у нас много территории»...

— Извините меня, Зиновьев, — сказал затем Рейнголд, обернувшись к сидящему рядом бывшему диктатору коминтерна — Зиновьеву: — Быть может, вам не понравится, то что я скажу. Но я должен покаяться откровенно: вы и Каменев заставляли меня убить Сталина. Какова бы ни была моя судьба, будем ли мы умерщвлены физически или нет, но морально мы уже умерщвлены.

Слово Пикеля

Заведующий Московским театром П. В. Пикель в своем последнем слове подсудимого ограничился короткой речью, в которой он между прочим сказал следующее:

— Я не боюсь умереть, но страшно умирать предателем. Я хотел бы, чтобы пролетариат простил меня. Но должен сказать, что я все равно заслужил расстрела.

На заседании военной коллегии вер-

ховного суда 23 августа 1936 года последним говорил Пикель. Главные же организаторы террора по теории прокурора Вышинского — Зиновьев, Каменев и проф. Смирнов отложили свое последнее слово до утра 24 августа. Все обвиняемые были страшно взволнованы и так расстроены, что Бакаева и Евдокимова пришлось вывести из зала суда под руки.

Самоубийство Томского

Поздней ночью 23 августа 1936 года ЦК компартии объявил, что на даче под Москвой в Большеве покончил самоубийством председатель Госиздата — Михаил Павлович Томский — Ефремов, который в субботу 22 августа был вызван в ЦК компартии на допрос в связи с отговором его и других «старых большевиков Ленинской группы» на процессе 16-ти, обвиняемых в заговоре на жизнь Сталина и других «вождей».

Томский — «старый большевик, родившийся в 1880 году. Он вышел из рабочей семьи. Увлеченный революционным движением, он вступил в 1904 году в с.-д. кружок. В 1905 году он организовал в Ревеле совет рабочих депутатов и забастовки протеста против расстрела демонстрации 16 октября 1905 года. В 1906 году был послан в Нарымский край, откуда бежал через 2 месяца и участвовал в том же году в Лондонском съезде большевиков, а также в Гельсингфорском — в 1907 и Парижском — в 1909 г. Затем тайно возвратился в Москву и открыл нелегальную типографию. В декабре 1909 года был приговорен к 5 годам каторжных работ, наказание отбывал в Бутырской тюрьме, а в апреле 1916 года был сослан в Киренский уезд, Иркутской губернии. После февральской революции 1917 года был избран членом ЦК Петроградского совета. В июле переехал в Москву и редактировал журнал «Металлист», а с декабря был председателем Московского совета профсоюзов, а потом и председателем Всероссийского Центрального Комитета профессиональных союзов. Этот пост он занимал до 1929 года. С 29 года был членом президиума ВСНХ, членом ЦК

компартии и членом Политбюро, откуда был «вычищен», но оставлен членом ЦИКа СССР. В последнее время был назначен председателем госиздата.

На допросе в ЦК компартии Томский признался, что в 1929 году он скрыл от компартии свою политическую связь с оппозиционной группой Зиновьева и Каменева. Причиной самоубийства послужили оговоры, сделанные на процессе 16-ти.

После допроса Томского большевистская «Правда» заявила по адресу своего опасного вождя, что «его сознание в ЦК сделалось ясным его предательское поведение».

Относительно самоубийства Томского в правительственных кругах заявили, что прокуратура лишилась одного из важнейших свидетелей, который был посредником между Троцким и его террористами с одной стороны и группой Рыкова — с другой. Новая группа обвиняемых включает Радека, Рыкова, Бухарина и других «вождей», расследование о которых производит лично сам Сталин, нарком юстиции — Крыленко и глава ГПУ — С. Ягода.

Идет самая тщательная «чистка» во всех учреждениях и по всему СССР, а с нею производятся в полнейшей тайне многочисленные аресты, особенно в Грузии и Армении. Выяснилось, что секретарь компартии Армении — Кандиган застрелился перед самым приходом чекистов.

Последний день процесса 16-ти

В последний день процесса 16-ти иностранные корреспонденты были свидетелями странных сцен, во время которых обвиняемые просили суд не давать им никакого списхождения.

Слово Каменева

Обвиняемый Л. Каменев произнес длинную речь. Он говорил в течение 1 часа 10 минут. В своем последнем слове подсудимого он между прочим сказал следующее:

— Смерть не страшит меня. Я уже приговорен к 10-летнему тюремному заключению. Оставаться в тюрьме и наблюдать из-за решетки за прогрессом советского союза хуже, чем немедленная смерть. Я

предпочитаю последнее.

— Я и Зиновьев скоро перейдем в лучший мир. Останется один Троцкий — этот заклятый враг советской власти. Все истинные друзья советского союза должны прекратить всякие сношения с этим предателем. И чем скорее его вредная деятельность будет пресечена, тем лучше.

Обращаясь затем к сидевшей в зале суда жене, являющейся сестрой Троцкого, и через нее к трем сыновьям, один из которых военный летчик, Каменев сказал:

— Я запачкал их имена и хочу сообщить им мою последнюю волю. Я хочу, чтобы они работали, боролись и, если нужно, даже отдали свою жизнь за знамя Сталина.... Они должны посвятить свои жизни делу Сталина. Если бы я мог служить своему социалистическому отечеству на этом свете... но пусть хоть смерть моя будет пользой для отечества. Я жил и хочу умереть, как верный друг советского союза.

После этого Каменев почти упал на скамью и его вывели под руки из зала.

Слово Зиновьева

Бывший всеисильный диктатор коммутерна — Г. Зиновьев был на процессе самой трагической фигурой. Дико озираясь по сторонам, Зиновьев, со взвешенной шевелюрой, без галстука, истерически прокричал свой некролог.

— Когда-то я был учеником Сталина, — сказал Зиновьев в своем последнем слове подсудимого: — Теперь мое имя войдет в историю не со славными именами вождей большевизма, а связанным с презренным именем Троцкого. Когда-то я работал и стоял рядом с теми, имена которых я даже не смею упомянуть. Я знаю, как позорно быть рядом с Лурье и Ольбергом.

— Смертный приговор нами вполне заслужен. Он будет с удовлетворением принят трудящимися в советском союзе и за границей, а в частности — в Испании. Я признаю себя виновным в убийстве Нирова и в посягательстве на жизнь Сталина. Но пусть знают все, что я умираю, покалываясь.

Слово Смирнова

Проф. И. Смирнов в своем последнем слове подсудимого подробно описал свою жизнь, начиная с 19-летнего возраста, когда он стал в 1899 году увлекаться революционным движением. Он говорил, что всегда был верным революционером.

Будучи членом военно - промышленного комитета, Смирнов по долгу своей службы объехал в 1931 году два округа и пришел к заключению, что проводимая Сталиным коллективизация — слишком жестокая мера. После этого он примкнул к Троцкому и был его главным агентом в Москве. В заключение проф. Смирнов сказал:

— Я принимаю наказание, какое бы оно ни было. Это — приговор моей партии.

Слово второстепенных обвиняемых

С последним словом подсудимого выступали оба Лурье, Драйзлер, Давид и другие. Все они говорили, что были игрушками в руках ловкого Троцкого. Е. Гольцман, который был курьером Троцкого, пытался говорить о наци, но председатель суда Василий Ульрих остановил его словами:

— Оставьте Германию и ее вождей в покое. Они не имеют отношения к настоящему делу.

Моисей Лурье просто закричал: «Да здравствует Сталин и страна советов!»

Но самую истеричную речь произнес обвиняемый Валентин Ольберг. Во время своей речи он внезапно крикнул, обращаясь к Зиновьеву:

— Я презираю вас! Вы погубили мою жизнь и опозорили мое имя!

Выкрикнув эти слова, Ольберг со злобой и ненавистью плюнул в Зиновьева.

Когда все подсудимые высказали свое «последнее слово», председатель Ульрих отметил в кратком слове важность процесса и сказал, что враги СССР продолжают здесь и за границей беспощадную борьбу с советским союзом.

Затем подсудимым прочли приговор военного суда, присудившего их всех к расстрелу. После этого приговоренных к смертной казни увели в тюрьму под усиленной и строгой охраной.

Ходатайство Крупской

В тот же день 24 августа, когда 16 осужденных были приговорены к расстрелу, в президиум ЦИКа поступило ходатайство вдовы Ленина — Надежды Крупской о помиловании старых большевиков — Зиновьева, Каменева, Евдокимова и других, работавших с ее мужем, и даровать им жизнь.

Просьба о помиловании осужденных, присланная представителями Амстердамского второго интернационала в сознательном и подписанная Адлером, де-Брукером, Ситреном и Шевелье, вызвала озлобление большевицкой «Правды», назвавшей их обращение «неслыханной попыткой» оказать воздействие на суд». Газета возмущенно спрашивала:

«Кого защищают господа де-Брукеры и Адлеры — Троцкого, самого заклятого врага советской власти, союзника германских наци и Гестапо?! Ссылки де-Брукеров на необходимость солидарности всего пролетариата ввиду событий в Испании — не выдерживают критики, ибо троцкисты, зиновьевцы и воротилы Амстердамского интернационала — заклятые враги рабочего класса, наймиты и прислужники капиталистов».

Автор пятилетки — Г. Пятаков вслед за Радеком и Раковским выступили в «Правде» с резкой статьей против оговоривших его 16-ти, утверждая, что «агенты Троцкого убили самого преданного и любимого работника сов. союза — Кирова» и что «не может быть и речи о снисхождении к этим низким предателям и убийцам».

В президиум ЦИКа была послана просьба о помиловании и самими осужденными.

Письмо Зиновьева и Каменева

По сведениям из Москвы, Зиновьев и Каменев в своем письме на имя И. Сталина обратились к нему со следующей просьбой:

«Товарищ Сталин! Мы просим сохранить наши жизни не потому, что мы боимся смерти, а потому только, что хотим, чтобы нам дали возможность показаться в наших соображениях. Мы хотим работать, как про-

стые осужденные, всю жизнь. Мы хотим служить великим идеям Сталина. Поэтому мы просим Вас оказать нам милосердие и помиловать нас».

Все ходатайства, просьбы и мольбы оставлены были без последствий. 25 августа президиум ЦИКа коротко сообщил, что Зиновьев, Каменев и остальные 14 осужденных военной коллегией верховного суда ночью были расстреляны. Осужденные просили ЦИК о помиловании, но ходатайство их было отклонено и приговор в отношении всех осужденных приведен в исполнение.

Коротко и ясно.

Как были расстреляны 16 осужденных?

По сведениям иностранных корреспондентов, получивших данные и подробности о казни Зиновьева, Каменева и остальных 14 приговоренных от хорошо осведомленных лиц аппарата Сталина, отправленные, после объявления им приговора, в тюрьму смертники были разбужены в 4 часа утра и выведены затем во внутренний двор здания ГПУ на Лубянке под охраной 80 чекистов.

Во дворе осужденных ждал председатель военной коллегии верховного суда — В. Ульрих, представитель прокуратуры и специальный отряд из 12 чекистов, на которых было возложено приведение приговора суда в исполнение. Ульрих прочел осужденным приговор, уведомил их, что просьба о помиловании отклонена и приказал палачам приступить к казни.

Осужденных подвели по-два сразу к стенке, ставя их спиной ко двору, и расстреливали залпами. Трупы оттаскивались в сторону и на их место ставили следующую пару.

После расстрела первой пары осужденных Зиновьев лишился сознания. Чтобы расстрелять его стоя, чекисты привязали ему руки к вбитым в стену косякам. Каменев же держал себя с достоинством и не произнес ни слова.

Мелкие осужденные, среди которых были и агенты ГПУ, осыпали Ульриха, прокурора Вышинского и Сталина грубой бранью. Из их выкриков явствовало, что им

обещали помилование в награду за сыгранную ими провокационную роль, но обещания этого не сдержали.

Расстрел 16-ти длился ровно 18 минут. Тела их свалили затем на грузовик, отвезли на Ходынское кладбище и похоронили в общей могиле, на которой не сделано никакой надписи.

Так бесславно закончилась жизнь некогда всемогущих диктаторов и палачей, немало проливших человеческой крови, которая, повидимому, отомстила им за содеянные тяжкие преступления. Невидимый судья давно осудил их злодеяния.

Судьбе угодно было низвести их с пьедестала величия и славы к ничтожеству, бросить их с высот неограниченного владычества сначала в грязь и кошмар арестантского унижения и безличия, а затем довести до публичного самооплевывания и потери всякого человеческого достоинства. Она уготовила им возмездие: некогда всемогущие палачи, низведенные постепенно к ничтожеству, погибли от карающей руки других палачей, своих же друзей и товарище по палачеству.

Прошлое Зиновьева и Каменева

Г. Е. Зиновьев родился в 1883 году. За участие в с.-д. партии был несколько раз арестован. В 1902 году эмигрировал в Швейцарию и там учился в Бернском университете. Большевик — с 1903 года. В 1905 г. вернулся в Россию и работал в подполье, а в 1908 г. бежал за границу. После февральско-мартовской революции 1917 г. опять вернулся в Россию. В июльские дни 1917 года, во время большевисткого восстания, отсиживался вместе с Н. Лениным в шалаше на ж.-д. станции Разлив, скрываясь и прячась от революции, но это не мешало им обоим познать впоследствии лавры этой революции. С 1919 по 1926 годы состоял председателем ЦК коминтерна, а с 1917 года — член ЦК компартии, член Политбюро и triumvirата, состоявшего из самого Зиновьева, Каменева и Троцкого. В 1927 г. был исключен из партии, «калечен». В 1935 году за подстрекательство к убийству Кирова был приговорен к 10-лет-

нему тюремному заключению, а в августе 1936 года опять судим и расстрелян.

Л. Б. Каменев (Розенфельд) родился в 1883 году. Еще будучи гимназистом, участвовал в революционных кружках, был в 1902 году арестован в Москве за демонстрацию, отдан под надзор полиции и уехал в Париж. По возвращении в Россию работал в подполье. В 1908 году опять эмигрировал за границу и в 1914 году был арестован в Озерках во время совещания с.-д. фракции членов Государственной думы. После революции 1917 года вошел в состав редакции большевистской «Правды». С 1917 по 1927 г. — член ЦК компартии. В 1918 г. вместе с Троцким участвовал в Брест-Литовской мирной конференции, на которой ген. Гофман продиктовал им немецкие условия мира. С 1918 по 1926 гг. — председатель Московского совета, с 1922 года — председатель Совета Труда и Обороны и заместитель председателя Совета Народных Комиссаров. В 1926 г. — наркомторг, в 1927 г. — полпред в Риме. Вместе с Зиновьевым был сослан и затем приговорен к 10-летней тюрьме в начале 1936 года, а также и вместе с ним расстрелян в августе 1936 года.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Троцкий, Зиновьев, Каменев и Сталин.

Как известно, пожинавший лавры Русской Революции Н. Ленин, он же и первый палач ее, считавшийся всеразрешающим оракулом, диктовавшим свою волю порабощенному ленинскими опричниками-чекистами русскому народу, заболел в 1921 году тяжким недугом, уготованным ему карающей судьбой за его невероятные злодеяния и море пролитой им человеческой крови. Но он успел еще продиктовать свой НЭП.

Тогда же Ленин, заживо разлагаясь, передал советский аппарат временно Каменеву, военный аппарат остался в руках Троцкого, а партийный и коминтерновский — в руках Зиновьева. Наибольшую власть из упомянутой тройки имел Зиновьев, в ведении которого был коминтерн и компартия, основу которой составляла сначала ВЧК, а по-

том — ГПУ, внутри которого распоряжался Дзержинский. Но от Зиновьева зависело основное направление политики террора, одобренного «тройкой». Он руководил поэтому не только внутренней, но и внешней политикой России.

Правительственные дела требовали постоянного присутствия Зиновьева в столице — в Москве, но Зиновьев, обосновавшийся в Петрограде, как наместник Ленина и стянувший в северную столицу всех своих многочисленных родственников, не захотел оставить Петроград и бросил на произвол судьбы своих близких. Поэтому он, связанный со столицей телеграфными и телефонными проводами прямого сообщения, часто ездил в Москву, в которой техническое руководство центром партии было возложено на малоизвестного Сталина, которого правящая «тройка» называла «полудиким грузином, способным только на исполнительно-служебные роли».

Со смертью первого палача Русской Революции — Ленина на верхах началась жестокая борьба за «Ленинское наследство». Первая решительная схватка между триумвиратом, состоящим из Троцкого, Зиновьева и Каменева, и «полудиким грузином» — Сталиным произошла лишь в июле 1926 года.

В конце 1925 года, вследствие внутрипартийной борьбы за диктаторскую власть, выявился полный разлад между членами Политбюро и разложение компартии. На 14-м съезде компартии член Политбюро — Л. Каменев выступил с истеричной речью против «создания вождя» и громко заявил, что «Сталин не может выполнить роли объединения большевистского штаба». Другой член Политбюро — Зиновьев открыто предложил всем оппозиционерам объединиться против Сталина. С реакциями протеста против Сталина выступила также вдова Ленина, член президиума ЦКБ — Н. Крупская, кандидат в члены Политбюро — Сокольников, заместитель председателя Революционного совета — Лашкевич, член ЦК компартии — Николаев, председатель губчеки в Петрограде — Бакаев и многие другие бывшие «вожди» гражданской вой-

ны.

Призыв Зиновьева на 14 съезде компартии возымел свое действие: под его руководством с начала 1926 года начались тайные выступления целого ряда партийцев с целью свержения Сталина и его единомышленников в ЦК компартии. Круг оппозиционеров стал быстро расширяться, в него вошел и Троцкий. К началу июля 1926 года оппозиция окончательно организовалась в мощный блок из видных партийцев, во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, решившим дать Сталину бой на июльском пленуме. — ЦК и ЦКК компартии.

Не дремал и Сталин, который, как секретарь коопартии, перебрал в свои руки партийный аппарат. Он хорошо подготовился к бою и даже рассчитывал перейти в наступление, ибо ему удалось выяснить, что Зиновьев, будучи председателем коминтерна, использовал аппарат последнего для своей тайной подрывной работы. Это давало Сталину возможность так или иначе расправиться с Зиновьевым. Чтобы скомпрометировать и Каменева, разжалованного после его истерического выступления из членов в кандидаты Политбюро и снятого с должности председателя ЦТО и Московского совета и заместителя председателя совнаркома, но оставленного на посту наркомторга, Сталин прибег к помощи Дзержинского, которому поручено было выступить с критикой деятельности Каменева.

По открытии заседания пленума—ЦК компартии и ЦКК—14 июля 1926 года Троцкий, Зиновьев и Каменев обрушились на группу Сталина, доказывая, что «партии нет», а только «сталинская фракция», которая совершенно «оторвалась от масс» и является «бюрократической кликой», что у нас далеко не пролетарское государство, что «смелая буржуазия затопила нас» и т. д. Участники пленума были чрезвычайно возбуждены и говорили с необыкновенной страстностью.

Дзержинский, выведенный из себя выпадами оппозиции, выступил с неслухенной речью, полной острой ненависти к вождям «оппозиционного блока». По отно-

шению к Каменеву он доказывал в необыкновенно резкой форме, что Каменев не понимает порученного ему партий дела. Речь Дзержинского, стоившая ему жизни (он умер от разрыва сердца, не выдержавшего чрезвычайного волнения и напряжения на пленуме), достигла своей цели: в ближайшее время Сталин снял Каменева с поста наркома и устранил его от всякой советской работы, назначив его директором института Ленина. Уличенный же в антипартийной деятельности Зиновьев был исключен из состава Политбюро.

После июльского пленума борьба «оппозиционного блока» со Сталиным продолжалась еще полтора года с не меньшим ожесточением. Она опять окончилась полной победой Сталина. Выступления оппозиции окончились исключением в конце 1927 года из партии ее лидеров и многих видных партийцев.

Весьма важную роль в «идейном» разгроме оппозиции сыграли Бухарин, Рыков, Томский и Угланов, разнесшие «вождей» оппозиции на всех партийных собраниях. Особенно убийственными для Троцкого, Зиновьева и Каменева были деловые речи Рыкова и ядовито-саркастические речи Бухарина.

Расправившись со всякой оппозицией и укрепившись на посту диктатора, Сталин превратился в свирепого самодержавца и ничем неограниченного тирана.

«Правда» требует уничтожения

Большевизм или сталинская «Правда», в которой теоретик компартии Е. А. Преображенский, подвергшийся опале за троцизм и потом покаявшийся, резко осуждает Троцкого и оправдывает смертный приговор 16-ти, говорит в номере от 25 августа 1936 года, что «если враг не сдается, то он должен быть уничтожен». И далее:

«Живой стеной любви и преданности пролетариат советского союза окружит дорогого вождя—т. Сталина. Государство великого пролетариата, социалистическое отечество рабочих и крестьян будет беспощадно уничтожать всех, кто будет стоять на

пути его победоносного шествия к социализму».

Заявление Л. Троцкого

Находящийся в Норвегии другой претендент на российский престол и на пост диктатора — Л. Троцкий, второй после Ленина палач Русской Революции, выброшенный из СССР другими палачами, его товарищами — конкурентами и такими же политическими шарлатанами и жуликами, как и сам Троцкий, — заявил в печати, что «Сталин создал новое дело Дрейфуса» и что «даже поджог берлинскими наци рейхстага остается на втором плане после этого гигантского вымысла».

Троцкий хвастается тем, что он «сделал бы обвинителей обвиняемыми» и что он «постарается это сделать сейчас». Он готов предстать перед международным судом.

Расстрелы Зиновьева, Каменева и остальных 14 приговоренных к казни Троцкий считает «величайшим преступлением в истории».

— Мой долг — снять маску с этого преступления и отомстить за казненных. Казни в Москве понадобились для предотвращения возможных разоблачений ОГПУ со стороны осужденных, если бы они были помилованы, — говорит опытный палач Русской Революции — Троцкий: — но я, главный организатор заговора, еще остался жив. — В первый состав политбюро входили: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский и Сталин. Из них остались еще в живых — Сталин, Рыков и Троцкий. Политическая цель нового процесса — окончательно уничтожить старую большевистскую партию с ее программой, — платается Троцкий, которого конкуренты его обвинили «вне закона», приказав арестовать в случае его появления в СССР.

Заявление бывшего секретаря Коминтерна

Бывший секретарь коминтерна — Борис Суварин, находящийся в Париже, заявил, что суд над Зиновьевым, Каменевым и остальными 14 расстрелянными был невероятным обманом: эти люди сознались в преступлениях, которых они никогда не со-

вершали, потому что чекисты обещали им только в этом случае пощадить их жизни. — Действительная цель этого процесса та, что Сталин желает путем террора расправиться с возможными конкурентами. Он хочет стать самодержцем и фюрером. Даже Иоанн Грозный и Петр Великий не совершали таких казней.

Рабочие благодарят «дорогого Сталина»

Рабочие «Красного Богатыря» послали Сталину письмо следующего содержания:

«Наш собственный и дорогой т. Сталин! Наш гнев был безграничен, когда мы узнали, что зиновьевцы и троцкисты готовили против нас главный удар, намереваясь отнять жизнь, которая более всего на свете дорога всему пролетариату. Но они ошиблись и их гнусные намерения не осуществились. Эти ничтожества забыли, что Сталин принадлежит всему народу: рабочим, колхозникам и интеллигенции».

Рабочие «Электрокомбината» дали священную клятву т. Сталину и ленино-сталинскому ЦК компартии, что каждый из них будет проявлять наибольшую революционную бдительность: «Мы клянемся нашей жизнью охранять дорогую нам жизнь любимого вождя т. Сталина — самое дорогое, что только существует во всем мире».

Итоги процесса 16-ти

Процесс 16-ти старых большевиков, проливших в свое время немало человеческого крови, когда они занимали командные посты и высоты, привлек внимание всего мира своею неожиданностью и непонятной загадочностью.

Многое в процессе остается темным и загадочным. Каким, например, образом началось следствие и как дошли до допросов и признаний обвиняемых, на основании которых их приговорили? Старые, испытанные большевики, профессиональные «революционеры» и бывшие высокие сановники, управлявшие огнем и мечем огромной страной, не только признались в том, в чем их обвиняли, но и заявили открыто, что их действия вытекали не из идейных побуждений или расхождений, а исключительно

по личным мотивам — желанием захватить власть и вернуть себе прежнее положение. Таксой оказывается, на самом деле, природа большевизма, сводящегося к бандитизму: грабежам, убийствам, лжи, обману и бесчисленным злодеяниям.

Старые воротилы, потерявшие в борьбе со Сталиным власть и низведенные последним до ничтожества, хотели убить Сталина за то, что он «преодолеl все трудности и строит социализм» и что исчезновение Сталина дало бы им возможность прийти опять к власти и пожнать лавры сталинского «социализма». Большого позора и уничтожения перед лицом смерти своей собственной репутации, как некоей идеальности, никто и придумать не мог бы. Их самоуничтожение, оплевывание друг друга и невероятно низкое моральное падение, вплоть до потери всякого человеческого достоинства, вызвали чувство омерзения и гадливости. Одна отвратительная низость и грязь заполнили весь процесс.

Непонятным остается также вопрос: для чего именно и с какой целью затеян был этот процесс. Почему обвиняемые так решительно и усердно призывались в своих грехах и помышлениях? Чем вызвано было такое омерзительное самооплевывание и такая пламенная любовь и горячая преданность т. Сталину, который низверг их с недостижимых высот владычества, величия и славы в грязь арестантского кошмара и в котором они, понятно, не питали никаких нежных чувств? Что заставило Зиновьева, Каменева и всех остальных участников процесса 16-ти так безоговорочно признать свою вину? Были ли против них настоящие улики? И откуда у них появилась такая бесконечная преданность Сталину, вплоть до жертвенного отказа от жизни, такое припадание и лобзание сапога, затоптавшего их в зловонную грязь тюрьмы?

Все «сознания» и выражения «пламенной любви и бесконечной преданности» Сталину объясняют тем, что участники процесса — «славные герои Октября» поспешно маленько в подвалах ВЧК, переименованной сначала в ГПУ, а затем в осо-

бую коллегию наркоминдела, в созданное ими и бесконечно любимое ими детище, взаимную любовь которого они неспытали на себе. Их любимое и любящее их дитя — ЧК подготовила их к сознанию путем создания для них соответствующих условий. Любимое их дитя дало им понять, что живыми они не уйдут от него, но у них есть еще маленькая надежда на бесконечную милость вождя, их старого товарища, сердце которого — не камень, если они без всяких оговорок и каких-либо колебаний искренно и чистосердечно «признаются». Так или иначе, песенка их спета, жизнь загублена, она погаснет в этих сырых подвалах их собственного учреждения, но еще теплится маленькая надежда только на беспредельную милость вождя, доброго и всепрощающего, который может опять вернуть их, по крайней мере, к человеческой жизни, если они выполнят задание решительно и «сознаются». Каменев, обладавший некоторым благородством, не мог вынести душевного разлада между чувством и навешенной ВЧК ложью, которую он автоматически твердил, и в конце своей речи упал в обморок.

Что же касается политического смысла процесса 16-ти, то здесь надо признать, что он является, если не сокрушительным, так довольно чувствительным ударом по самой компартии во имя той же партии. Созданная Сталиным и его окружением новая привилегированная каста служивых и военных людей под влиянием грозной внешней опасности, желая укрепить свое положение, вынудила вождя, превратившегося в результате «революционной законности», «марксизма», «ленинизма», «социализма», а в особенности «диктатуры пролетариата» в некоронованного самодержца, ударить по остаткам компартийного руководства, мешающего гегемонии.

Передают, что после убийства Кирова — Сталин понял, что наиболее опасных и решительных противников он имеет в компартии — разных левых оппозиционеров. Сталин, взявший после «ликвидации кулака, как класса», курс направо, хорошо зная свою братию, могущую поставить пал-

ки в колеса, решил ликвидировать и всех оппозиционеров. Поэтому после убийства Кирова гонения на всех сколько-нибудь подозрительных диктатору лиц — партийных или беспартийных — еще больше усилились. Массовые аресты, высылки из столиц, чистки, ссылки и перекидывание партийцев из одних мест в другие стали обычным явлением.

Одновременно с гонениями на все сколько-нибудь революционное, идейное или просто элементарно — справедливое поражал рост военщины с лозунгом — «все для армии»: промышленность, строительство и привилегии. Для армейцев устроены клубы, отведены лучшие здания, предоставляется лучшая пища, лучшие условия, почтение и проч. Армейцы, особенно вышший ранг красноармейцев — новая аристократия, вытесняющая прежнюю «ленинскую аристократию» — компартийную. Борьба между этими двумя народами — компартийным и военным, — двумя кастами все более обостряется и ведет к неизбежному столкновению, в котором погибнет либо компартия, либо опирающийся на военщину диктатор Сталин, обладающий по обязательной вере сверхчеловеческой силой.

К политическому смыслу процесса отпослается и борьба с троцкизмом, смещаемым заграницей со сталинизмом, что выгодно для германского нацизма. Гитлер умышленно пользуется этим смещением троцкизма и сталинизма, между которыми нет сколько-нибудь существенной разницы, и кричит истерично о «красной опасности». Чтобы доказать миру, что сталинизм — не троцкизм, Сталин решил Троцкого и троцкизм к Гитлеру и его фашизму. Об этом свидетельствовали показания участников процесса 16-ти, изобличающие Троцкого в связи с Гестапо и фашизмом.

Следует указать еще на приближающееся осуществление «Сталинской конституции», предусматривающей всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, как об этом было оглашено всеми миру. Объявление свободы выборов и тайного голосования возродили надежды подавленного диктатурой населения. Для наведения страха

на тайных оппозиционеров, чтобы они не слишком увлекались химерными надеждами, процесс 16-ти имеет огромное значение. Не слишком, мол, надейтесь.

Ближайшие друзья Ленина — Зиновьев и Каменев, имена и портреты которых не сходили в свое время со страниц советских и многие зарубежных газет, бывшие столпы большевизма, причислены были Сталиным и его друзьями к заправским бандитам и хладнокровно расстреляны так же, как в свое время они расстреливали так называемых «контр-революционеров». Эта, несомненно, жестокая, кровавая расправа новой сталинской группировки со старыми, «заслуженными» большевиками вселила ужас в маленькие души маленьких партийцев, она ошеломила их, повергла в пантический страх, а с другой стороны — вызвала затаенную злобу и ненависть к диктатору, скрытые мысли о мести.

Утверждают, что сам Сталин склонен был помиловать некоторых из осужденных по троцкистско-зиновьевскому процессу, но по настоянию главы ГПУ смертный приговор был немедленно приведен в исполнение. По мнению Ягоды это наказание должно отбить охоту к авантюрам у всяких оппозиционеров. Глава ГПУ — Ягода утверждает, что ряд высших офицеров красной армии находится в связи с германскими агентами, что в военных кругах существуют германофильские тенденции и что ими получены заверения, что «движение на Восток» будет приостановлено, как только сменится режим в России. Введение диктатуры военных привело бы к союзу Германии и России. Это дало бы Германии возможность потребовать возвращения колоний и отнятых у нее территорий в Европе. Обвинения Ягоды вызвали решительный отпор Ворошилова, назвавшего их «чистейшей фантазией».

Но по чьему бы соизволению ни было, осужденные казнены, компартиям дан кровавый урок. Вряд ли они забудут его когда-нибудь. А в конечном итоге, Зиновьев, Каменев и остальные большевики познали то, что посеяли.

МАРК СТЕПНОЙ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В КАТАЛОНИИ

До 18-го июля в Каталонии была одна массовая организация пролетариата — C.N.T. Confederacion Nacional del Trabajo. Это была самая старая и самая большая организация рабочих, воплощавшая революционные традиции страны и служившая залогом дальнейшего революционного развития. Рядом с C.N.T. существовало немало разных политических партий и осколков профессиональных организаций, но они, по правде сказать, не имели большого значения.

После 19-го июля произошла перегруппировка: четыре партии объединились в одну социалистическую партию Каталонии: P. S. U. C. примкнувшую к 3-му интернационалу.

Организации же оппозиционные коммунизму остались вне этого объединения. Профессиональные союзы, находящиеся под влиянием марксистского течения, объединились в одну профессиональную организацию U. G. T., к которой также примкнули широкие слои мелкой буржуазии.

В то же самое время К. Н. Т., стоя на страже интересов трудящихся, стремилась создать революционное объединение всего пролетариата.

Основой такого объединения должны были быть К. Н. Т. и U. G. T., единственные массовые и истинные представители пролетариата Каталонии.

Это выявилось и на деле: между этими двумя организациями состоялось соглашение на основе определенной минимальной программы. Таким образом возник революционный блок трудящихся сначала в Каталонии, а некоторое время спустя и во всей Испании. Между тем к общему конфликту, в Каталонии стал замечаться конфликт между марксистскими партиями П.С.У.С. (секции 3-го интернационала) и П.О.У.М. — сторонницей троцкистов. Поэтому исполнительный совет правительства Каталонии, в который входил один представитель троцкистов, вышел в отставку.

Немедленно сконструировался новый исполнительный совет правительства в сле-

дующем составе:

Анархо-синдикалисты (К.Н.Т.): военное министерство, Министерство Народного хозяйства, Министерство общественной службы, Министерство санитарии и социального призрения.

Социалист. - профессиональный союз (У.Г.Т.): Министерство продовольствия, Министерство труда, Министерство юстиции.

Левое течение мелкой буржуазии (Е.С.): Министерство финансов, Министерство внутренней безопасности, Министерство культуры.

Союз мелкого крестьянства (Р.): Министерство земледелия.

По поводу реорганизации исполнительного совета правительства Каталонии центральный орган синдикалистов «Солидарidad Obrera» пишет:

«С момента возникновения исполнительного совета правительства Каталонии, наше мнение было определено и ясно: нужно во что бы то ни стало, создать орган, который состоял бы не из политических партий, но из подлинных пролетарских профессиональных союзов, так как политические партии потеряли свой престиж (потерпев крушение в дни 19-го июля). Но самое важное то, что старая политика, вместе с капиталистическим устройством общественного хозяйства канули в вечность. И то, что мы предсказывали, сам народ смелым натиском превратил в действительность.

Все влияние в новых советах сплошное и целиком принадлежит профессиональным синдикатам, которые являются руководящими хозяйства.

П.С.У.К. и П.О.У.М. не имеют вовсе представителей в новом исполнительном совете: К. Н. Т. — организация большинства и Д.Г.Т. — организация влиятельного меньшинства рабочих Каталонии — вот основной стержень нового совета, и как уже говорилось: в совете представлены левая мелкая буржуазия и трудовое крестьянство. Это есть действительная представительство трудящихся, идеальная его форма, которая ранее была предложена нами.

И так работа началась. У нас имеется один только враг, это фашизм. Чтобы победить его имеется одно лишь средство — единство.

Война и революция, это наше общее дело, и было бы ошибочно полагать — сначала война, а потом революция.

Нет, война и революция вместе. Этого требует успешный ход войны и уничтожение веками тяготеющего рабства.

Находящиеся на фронте бойцы могут быть спокойны за то, что К.Н.Т., подлинная выразительница революционной воли трудящихся и действительная защитница их интересов, никогда не допустит переустройства общественной жизни в каком ни будь другом смысле. Наша сила не в так называемой политике, товарищи! Наша крепость в любви к свободе, и наконец, наша гордость и честь — в революционном энтузиазме и сознании в правоте дела.

Все эти могущественные факторы в полной мере способствуют созданию новой, образцовой и свободной Каталонии и великой свободной Испании, которую ждет новая, независимая, свободная и счастливая жизнь».

ИСПАНСКИЙ АНАРХИЗМ

1.

Для того, чтобы понять настоящее положение в Испании, необходимо хотя бы в общих чертах знать революционное движение страны, т. е. историю испанского анархизма. В ряде очерков мы дадим действительную политическую картину Испании, указав на различные искажения, идущие со стороны враждебных этому движению течений.

Пора, в самом деле, перестать смотреть на испанское антифашистское движение глазами политиканов и их союзников буржуазно-парламентарного «народного фронта».

Анархическое движение является ничем иным, как этапом самоосвобождения рабочего класса, прелюдией к великой всеобщей социальной революции.

Каждый непредубежденный наблюдатель анти-фашистского испанского движе-

ния, в первую очередь изучая обстоятельства в Каталонии, должен безусловно признать, что испанское рабочее движение имеет совсем иной, чем в других странах, характерное движение.

Две могущественные по количеству членов и по моральной силе конфедерации:

Национальная Конфедерация Труда и Федерация Анархистов Иберии играют выдающуюся роль в анти-фашистском движении. Движение это ширится и растет и это обстоятельство говорит о здоровой почве, на которой оно покоится.

И смешные утверждения о том, что, мол, в Испании анархизм может существовать по причинам слабой индустрии. Такое утверждение ни на чем не обосновано, является детским лепетом.

Напротив, нужно сказать, что испанский анархизм в своей предпосылке имеет именно типичнейшую индустриализацию пролетариата.

Движение это, как в Каталонии, так и в других областях Испании, идет безостановочно к заветной своей цели — к социальной революции. Это движение далеко не похоже на движения с другими революциями, восстаниями и бунтами, которые возникали в других странах.

Это ясно и убедительно говорят события в Каталонии, где анархисты имеют большое влияние в массах рабочих и крестьян.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что испанская революция есть революция трудящихся и что она в будущем послужит образцом, оплодотворяющим все могущие возникнуть в других странах революции против государства и капитализма.

А потому, чтобы избавиться от различного рода предрассудков, необходимо к делу изучения испанского анархического движения подойти во всеоружии серьезно и безпристрастно.

Тактику анти-фашистского испанского движения можно охарактеризовать двумя словами: тактика на непосредственность. В сущности тактика непосредственного действия — это средство борьбы анархо-син-

дикализма!

Такой метод борьбы в решительную минуту, направленный против фашизма, без сомнения, составит новую эпоху революционной борьбы и послужит побуждением к отрицанию, как старых методов борьбы, так и к отрицанию форм современного буржуазного парламентаризма, который под влиянием марксизма, в продолжении трех четвертей века засоряет рабочее движение Европы.

2.

НАЧАЛО ИСПАНСКОГО АНАРХИЗМА В КАТАЛОНИИ

Испанский анархизм возник среди фабрично - заводских рабочих Каталонии. В 40-х годах прошлого столетия намечалось освободительное движение среди рабочих текстильной промышленности, выразившееся в начале в организации производительных и кооперативных обществ Прудоновского толка.

В дальнейшем из основанных кооперативных обществ выделились особые профессиональные рабочие союзы, которые в 1854 году были закрыты, разразившейся реакцией.

В знак протеста против такого закрытия, вспыхнула генеральная забастовка,

первая всеобщая забастовка, которая мобилизовала около сорока тысяч рабочих.

В этих же годах по всей Испании возникла широкая сеть рабочих обществ, примкнувших к анти - государственному социализму и принявших тактику непосредственного действия, — к революции.

Эти вновь образовавшиеся рабочие общества в подавляющем своем большинстве, высказались за федерацию в том виде, в каком его проповедывал испанец П. Марголл, т. е. за организацию профессиональных союзов и революционную борьбу с всеми эксплуататорами, — государством и властью.

В 1868 году все эти организации вступили в контакт с международной ассоциацией рабочих (А.Ф.Т.), основанной четыре года раньше Фанелли, другом русского анархиста Бакунина.

Благодаря неутомимости Фанелли в Мадриде и Барселоне впервые образовались группы Интернационала, жившие довольно много лет благодаря царившей в Испании дикой реакции.

В дальнейшем центром движения становится Андалузия, где идеи анархизма пускают широкие и глубокие корни.

Лев Солнцев.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

МОГУТ ЛИ ЛЮДИ ЖИТЬ БЕЗ ПРАВИТЕЛЕЙ

Всевозможные формы государственной власти были уже испробованы, но до сих пор люди все еще не смогли создать такие формы общежития, где бы царствовали любовь, взаимопомощь, солидарность и всеобщее довольство между всеми людьми; создать общежития, в которых не было бы ни бедных, ни богатых, ни господ, ни рабов, ни вассалов, ни подвластных, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых.

Все государственнические идеологии были испробованы — от монархизма до государственного социализма и коммунизма, — но жизнь людей все еще не освободилась от насилия власти и эксплуатации человека человеком.

Все социалистические партии все время старались доказывать, что стоит только поручить им устройство новой жизни, и само собой возникнет царствие божие на земле. Но как только они приходили к власти, они оказывались такими же государственническими партиями, как и все другие. Социалисты имели власть в светлых руках во многих странах. В Англии, в Швеции, в Дании властвовали даже как министры короля. А в Германии, в Австрии, в Испании, в Бельгии и других странах правительствовали рука об руку с буржуазией и против интересов трудовых рабочих.

В России взяли всю жизнь человеческую в свои руки коммунисты. Создали Советскую Социалистическую Республику, взяли все производство в свои руки, насадили диктатуру пролетариата в форме Рабочего Государства, написали тысячи и тысячи декретов, палкой и дубиной насаждали коммунизм и социализм, но все таки, дальше Государственного Социализма не пошли. Жизнь людей необъятной страны все еще не налажена так, чтобы существовало хотя бы всеобщее довольство. В Советской России все еще царствуют: палка, дубина и сила и отсутствуют всякая Свобода, Равенство и Братство.

Власть, как была, так и осталась вла-

стью кучки держиморд, хотя и бывших рабочих и революционеров, над широкими народными и действительно трудовыми массами.

Полицейского в России заменил милитарный, охранника — чекист, пристава — комиссар, министра — народный комиссар, но жизнь осталась та же. Трудящийся из раба — хозяина стал рабом государства и так же как и раньше лишен права мыслить своим умом, действовать независимо и свободно и строить свою жизнь на началах свободы, равенства и братства.

Привилегии приняли другие формы, но остались в силе. Совершены народом громадные прогрессы. Было совершенно много технических улучшений, процветают культура, знание и искусство. И, как всегда, власть приписывает все это себе. Как во всех диктаторских странах, всякое народное творчество приписывается правителю — диктатору. Массы же только выполняют его волю. Поэтому всякое право мыслить и рассуждать народным массам строго воспрещено.

Многие горячие головы и мало разбигающиеся люди стараются объяснить это нечестностью тех или других вождей, той или другой социалистической или коммунистической группировки.

Но это — ошибка страшная и очень вредная для социального переустройства. Во-первых, не все коммунисты или социалисты — нечестные люди. А во-вторых, нечестные имеются во всех общественных группировках, и их не избежать.

Как все общественные группировки, социалисты и коммунисты имели и имеют много людей честных и искренно любящих народные массы; людей жертвовавших и готовых жертвовать своей свободой, своим благосостоянием и даже жизнью для блага всех людей. Имелись и имеются идеалисты, все отдающие и ничего не ждущие от своей общественной активности; имелись и имеются преданные борцы за идеал, который восприняли и которые че-

сти надеются, что осуществление этого идеала приведет к переустройству общественной жизни людей и создаст общечеловеческое счастливое и довольное для всех людей. И нет никакого повода сомневаться, что таковые люди честно намерены осуществить свой идеал. Но также неоспоримо, что когда в конце концов добиваются власти, превращаются в врагов народных масс и в тиранов.

Причина такого превращения как видно лежит много глубже, чем в нечестности или плохой воле этих людей. Видно есть что-то, что не дает им возможности действовать когда они оказываются у власти. Видно есть что-то, что им мешает завершить народное дело и уничтожить хотя бы богатство и бедность.

Основная причина такого превращения заключается в том, что власть и право насилия и принуждения отдаляют их от народных масс и из революционеров превращает в властителей и насильников. И для них не остается другого выхода: или отказаться от власти, или отказаться от осуществления своего идеала всеобщего довольства и свободы для всех людей.

В России трудящиеся испробовали все формы и виды власти: от Николая Второго до диктатуры пролетариата, но все так и не удалось переустроить свою жизнь не смогли. Ни одна власть не смогла устроить лучшую, свободную и довольную жизнь для всего народа. И удивляться тут нечему. Переустройство жизни народ поручал той или иной группировке людей, а эти старались и проводили в жизнь те формы жизни, которые им казались хорошими и лучшими, но которые на практике оказывались вредными для народного дела и все становились хуже, хотя и в новых формах, старое зло.

Ибо власть всегда есть власть и ничем другим быть не может. Власть всегда служила лишь для насилия одних людей над другими. Такой властью оказалась в руках социалистов или коммунистов. Таковой она окажется и в руках синдикалистов и даже анархистов.

Когда-то люди делились на господ и рабов. Так они подразделяются и сейчас.

Рабам всегда запрещалось думать, познавать и быть независимыми. За них всегда все это делали их владельцы, их господа.

И господа всегда, во все времена и во всех странах, старались уговорить и себя и рабов, что жизнь так создана, что рабы должны оставаться рабами, что такая судьба им предназначена Богом, предначертана судьбой или исторической необходимостью.

Даже разработали целую теорию о том, что «человек человеку—зверь», стараюсь доказать, что людей с самого начала на земле, и что если не будет власти, правителей, судей, полиции и палачей, люди себя взаимно уничтожат. Что люди борются между собой за существование, за кусок хлеба, так что люди перерезали бы друг другу глотки, если бы не стоял на улице полицейский с винтовкой, не сидел бы судья в суде, а в столицах и центральных городах не существовали бы целые своры дармоедов, паразитов и лодырей, раскатывающих на автомобилях, пирующих в шикарных палатах и живущих за счет труда людей умирающих с голоду, лежащих в подвалах или сараях и живущих в холоде и нужде.

Но и рабы в своем большинстве отрицают, что властители и эксплуататоры пока неизбежны, ибо они сами еще не доросли, чтобы жить по человечески в свободе, равенстве, взаимности, солидарности и любви.

В своих теориях о переустройстве общественной жизни разработали целые планы о том, как люди придут к лучшей жизни при помощи поддержки существующей эксплуатации, которая будто ведет к тому, что капитал сконцентрируется в руках некоторых, а остальные массы пролетаризируются. По этой теории власть фатально перейдет из рук имеющих в руки неимущих. Тогда создастся диктатура пролетариата, все богатства перейдут в руки бедных людей, которые заставят всех людей жить по-новой жизнью.

В этом отношении и социалисты и коммунисты различаются только в определении времени захвата этой власти и создании диктатуры пролетариата.

И по этой теории человек человеку — зверь. И если не будет власти, люди перегрызут друг другу глотки. Они так же признают, что среди людей существует борьба за существование, за кусок хлеба и что если не будет войска, полиции и тюрем, люди взаимно себя уничтожат.

И многие люди принимают на веру такие утверждения, наивно верят таким сказкам, не давая себе труда задуматься над правильностью таковых утверждений.

Странно такое отношение людей к столь важному вопросу. Люди видят кругом себя природу, населенную мириадами живых существ; наблюдают за жизнью живых и видят, что они живут обществами, практикуют взаимность, солидарность, любовь, не имея ни власти ни войска, ни начальников, ни полиции, ни судей, ни тюрем. Но почему то не задумываются над этим, не изучают этого.

Имущие не интересуются этим потому, что это против их интересов. Неимущие — потому что верят, что они неспособны сами мыслить, не в силах понять самых простых вещей, убежденные почему то, что только тот, кто имеет школьный диплом, способен видеть вещи собственными глазами, наблюдать сами жизнь, мыслить собственным умом и делать собственные выводы из практики окружающей жизни.

Тогда как в действительности нет таких вещей, которые были бы недоступны нормально — развитому человеку. Трудных вещей вообще не существует. Имеются только трудно — изложенные понятия и непонятные для простого человека слова и фразы.

Многие люди уже это поняли и ищут легко доступные изложения о жизни и науке. С своей стороны многие люди науки и знания начали излагать вещи общедоступным языком, стараясь сделать доступным всем людям опыт, знания и историю жизни человека и человечества.

Не было и нет трудных и недоступных для нормального человека знаний. Было и есть только трудное изложение этих знаний. Всякий нормальный человек способен понять и ассимилировать всякую человеческую мысль, если она передана или изложена простыми словами и общедоступным языком. К великому сожалению люди науки до сих пор говорили заумным языком и описывали все вычурными фразами.

А ведь наука вещь простая. Она изучает природу и жизнь. И ничего трудного в них нет. Люди больше терлились перед словами, чем не понимали сущности этих наук.

Поэтому, для того, чтобы наука стала достоянием всех, необходимо, чтобы люди перестали пугаться слов; не занимались бы только формой описания фактов, а самими фактами, старались бы познавать сущность жизни и делали бы из этих познаний выводы своим собственным умом.

Выводы других людей не всегда полезны, но и не всегда бесполезны. Во всяком случае их всегда необходимо проверять собственным умом на основании фактов и данных, а не только желаний и измышлений.

Достаточно человеку присмотреться к самому себе и к окружающим его людям, чтобы убедиться, что человек не плох по своей натуре, что человек человеку не зверь; и что человек, если он физически и нравственно нормален, не станет красть, грабить, если у него есть все, что ему необходимо.

Достаточно присмотреться к природе, чтобы убедиться, что не только человек, но вообще все существующие виды живут обществами, практикуют взаимность, взаимопомощь, солидарность и любовь, инстинкты, являющиеся основными базами общения как живых существ вообще, так и людей.

Пчелы живут обществами. Муравьи так же. Работают все добровольно и по мере способностей. В своих взаимоотношениях практикуют солидарность и взаимопомощь.

Никто там не предписывает, никто не составляет планов, ни программ, и все таки все работают, общими усилиями производят, накапливают запасы, воспитывают новые поколения и защищаются от врагов извне. В их общеклассных существует добровольный порядок, и их постройки и архитектура вызывают изумление у всех, кто изучал их общеклассия.

Рыбы движутся громадными стадами.... Лошади в естественном состоянии живут табунами.

Но не только насекомые, рыбы, птицы и животные живут общеклассами. Люди в естественном состоянии также жили общеклассами. Библейская история о создании мира, Адама и Евы — простые сказки малоразвитого и малознавшего человека. Человек произошел от животных, и, как все животные, жил общественной жизнью, в солидарности, взаимности и любви, не смотря на то, что он не имел представления ни о Боге, ни о власти.

Но среди «диких» народов, существующих теперь и которые еще не знают власти, ни бога, существует общественная гармония, практикуются взаимопомощь, солидарность и любовь. Так, нап., среди алеутов, в далекой сибирской тайге, в течение 60 лет не случилось ни одного убийства и, по свидетельству людей науки, живших среди них, они никогда не лгут, не крадут, не изменяют своему слову, если даже им приходится платить своей жизнью за это. Они до того честны и справедливы, что когда однажды подарили миссионеру Вениаминову связку сушеной рыбы и тот забыл взять ее с собой при отъезде, они сохранили ее ему до его возвращения, не смотря на то, что многие из них умерли от голода в это время.

Так же описывают «дикие» народы и других стран те, кто жили среди них и изучали их близко.

Во всей природе, все живые существа живут общинной жизнью, практикуют взаимность, солидарность и любовь без всякого принуждения. Сама жизнь на природе их приучает к таковой жизни и толкает их к практике взаимопомощи и солидар-

ности.

Одни ученые объясняют это явление одним образом, другие другим. Одни это объясняют общностью интересов, другие нравственным чувством взаимности, третьи еще каким нибудь другим образом. Но сам факт практики солидарности, взаимопомощи и любви в самых примитивных общеклассиях насекомых, птиц, животных и людей, не имевших представления ни о Боге, ни о власти, — несомненен.

Но не только существуют в природе естественные чувства, дающие возможность существованию естественных и добровольных общеклассий. Существуют также естественные силы, дающие возможность, чтобы общеклассность развивалась, процветала и прогрессировала еще больше. В природе сильный защищает слабого. Когда на табун лошадей нападают волки, или другие кровожадные звери, более сильные не удирают оставив слабых на пожирание врагам, а, наоборот, окружают более слабых и защищают их. В естественном состоянии сильные всегда в первых рядах в борьбе против нападающих. Кто имеет больше сил, больше жизненной энергии, больше творческих способностей, чем ему нужно для себя, отдает их на благо своих ближних.

Избыток сил, бьющая через край жизнь, нечто, которое одни называют взаимностью, другие любовью, а третьи еще каким нибудь именем, есть та сила, которая дает возможность, чтобы существовали общеклассия живых существ; сила движущая жизнь вперед и открывающая ей пути к прогрессу.

В природе существует естественная необходимость в сожительстве и в общительности. Гармония в этих сожительствах и общеклассиях создается не по воле кого нибудь или по принуждению, а благодаря естественным чувствам взаимности, глубоко коренящимся в каждом живом существе и особенно в человеке. И если существует борьба за существование, то между разными видами, но редко между экземплярами одного и того же вида. А если и бывает борьба между волками, лошадьми, человеком, то по какой нибудь особо важной при-

чине: голод, страсть или чтонибудь то, что их временен делает ненормальными.

Обыкновенно же среди членов одного и того же вида преобладают чувства взаимности, практикуются солидарность и кооперация и процветает взаимное уважение и любовь. И в моменты опасностей эти чувства преобладают и даже укрепляются. за исключением случаев ненормальности болезней или страстных чувств.

Часто же даже случается, что чем больше опасность, тем более солидарными становятся живые существа, и в объединении ищут способы избавления от грозящего всем зла или освободиться от грозящей всем опасности. Испанские события лучшее тому доказательство. Вчерашние противники сейчас тесно объединились для борьбы против общего врага. Наблюдается это также часто и среди животных: тысячи мн животные переплывают реки; птицы громадными стаями перелетают моря в поисках более плодородных мест, если им грозит голод, или им угрожает другая какая-нибудь опасность.

Тысячами и тысячами фактов и данных, природа учит человека, что прогресс жизни и природы суть последствия не борьбы, не создания какой-нибудь сверхъестественной силы, а наоборот, силы, которая коренится в них самих, в каждом атоме, в каждой молекуле, в каждом живом существе. Что единение, взаимность, солидарность и любовь суть самые важные силы в борьбе каждого вида и каждого общества за свое существование.

Самая лучшая научная книга, это — Природа и из страниц этой книги, доступной всем, люди научились, изучаются и будут изучаться многому и многому. По этой книге люди могут научиться как можно жить, содействовать и творить новую, лучшую жизнь без пратителей, без принуждения.

Природа — мать человека, но она же и самый лучший его учитель и воспитатель. Раскрываясь сама и открывая перед человеком все свои необъятные горизонты, природа научает его видеть жизнь во всей ее наготе и толкает его познавать жизнь и са-

мого себя. Превращает его в безырытно-го творца новых индивидуальных, социальных и культурных ценностей и переустривать и расширять жизнь для блага всех людей и всего человечества.

Достаточно присмотреться к окружающей жизни, чтобы убедиться, что громадное большинство людей ни крадут, ни грабят, и еще меньше совершают акты насилия или убийства. Наоборот, человек себя чувствует плохо, видя страдания кругом себя. Видя другого человека в опасности, он бросается ему на помощь, иногда рискуя своей собственной жизнью.

Человек заражается чувствами других людей. Войдя в дом, где имеется больной, он не станет петь и плясать, если он не пьян или помешан. Он страдает когда страдают другие люди и радуется, когда радуются кругом него. Всякий человек чувствует потребность в проявлении себя, в общении с другими себе подобными. Хочет видеть кругом себя радость, смех, довольство и любовь. И для того, чтобы доставить удовольствие любимому человеку, он готов переносить пытки и страдания, а для того, чтобы вызвать улыбку на лице ребенка, готов плакать от боли. Каждый нормальный человек чувствует желание сделать что-нибудь хорошее и доброе близким людям и видеть всех людей довольными и счастливыми.

На эти человеческие чувства и действия обыкновенно обращают мало внимания, ибо они — ежедневные явления. Взаимопомощь, солидарность, самопожертвование для блага других, любовь и добродетельные поступки и акты — явления ежедневные, нормальные и все люди проходят мимо них не обращая на них никакого внимания.

Кто станет присматриваться к нормально развитому человеку в стотысячной толпе? Это явление обыкновенно, нормальное. Но стоит появиться одному уроду или калеке или вообще ненормально-развитому существу как он притянет к себе внимание всех нормальных людей.

То же происходит и с ненормальными актами одного или другого человеческого существа. Стоит одному из миллиона су-

шеств совершить убийство или даже грабеж, и это ненормальное явление сейчас же привлечет к себе внимание всех. К тому еще газеты расписывают это событие в течение недели и создается впечатление, что мир заполнен убийцами, ворами и вообще ненормальными существами. В то время, как о хороших и добрых поступках людей, об актах взаимопомощи, солидарности и любви на страницах газет редко можно встретить хотя бы намек. Да это было бы немислимо сделать. Ибо если бы газеты захотели остановиться на всех добрых и хороших поступках, они должны были бы всю бумагу отдать на это. Помимо того, что мало кто сейчас бы читал это, ибо это такие нормальные, понятные и хорошо известные всем явления.

Каждый человек в силах проверить это сам в окружающей его жизни. Единственно что необходимо, это, чтобы люди прозрели, стали мыслить собственным умом, видеть собственными глазами и самым делателю выводы из того, что им видят, что читают или слышат. Тогда бы человек предстал перед человеком совсем в другом виде, чем его рисуют власть имущие и казенные писакки; тогда люди узнали бы сколько хорошего и прекрасного заложено в каждом человеческом существе и исчезли бы все сказки о том, что человек человеку — волк.

Ибо нет человеческого существа, которое не любило бы когонибудь, не хотело бы сделать комунибудь добро, передать свои чувства и мысли другим. Беда только в том, что благодаря среде и воспитанию, одни эти добрые чувства ограничиваются семьей, другие своим народом, третьи своей кастой и т. д. Делят людей на своих и чужих. И во имя своих: своей семьи, своего народа, своей расы, своей касты, своего класса они готовы на любое злое дело, на любое насилие, на любое аномальное и вредное действие против не своих, против чужих людей.

Человек человеку не только зверь, но он ищет другого человека; желая иметь около себя когонибудь, с кем бы он мог де-

лится своими мыслями, своими надеждами, своим плохим и своим хорошим. И если он лишен такого общения, человек беседует сам с собой, разговаривает вслух, как если бы ктонибудь был возле него, делясь с ним тем, что его беспокоит или радует. Человек по своей натуре должен делиться как своей горечью, так и своей радостью. Лишенный этой возможности, человек часто кончает убопомешательством.

Человек в своем нормальном и естественном состоянии есть общественное существо. Сожительство с другими, ибо это для него естественно и необходимо: работает, ибо ему естественно необходимо тратить излишки своей энергии. И только в ненормальном состоянии, или под влиянием какогонибудь ненормального состояния совершает акты вредные для других людей. Но в таких случаях его нужно лечить, а не казнить.

Так что не благодаря государству существует общество, и не благодаря насилию правителей, люди живут в солидарности, взаимности и любви. Как раз наоборот. Под влиянием привилегий, которые дает власть, правящие слои извращаются, терпят человеческие чувства и превращаются в кровожадных животных. Чтобы удерживать эти свои привилегии, ненормальные по своей сущности, они вынуждены прибегать к самым безчеловечным актам, употребляют насилие и принуждение над ненормальными людьми и все больше и больше усиливать Государство и Власть в данном обществе. Но так как ненормальные люди не могут подчиниться добровольно насилию и власти, происходят бунты и волнения народных масс, восстания, гражданские войны и революции.

Ни одно животное в природе, живущее обществами, не знает власти себе подобного над собой. Более опытные, больше знающие всегда впереди во всяком действии и во всяком акте.

Гуси собираются стаями в десятки, а иногда и сотни тысяч, совершают перелеты за тысячи верст именно туда, куда им нужно. Но у них нет ни правителей, ни во-

ждей. Единственное что доказано изучением, это что впереди обыкновенно летят более опытные птицы, и что часто более сильные помогают более слабым в таких перелетах.

Кто же их заставляет совершать перелеты вместе с другими? Кто ими правит? Кто ими руководит, кто им предписывает и их заставляет жить этой, а не другой жизнью. Никто. Их инстинкты и их чувства взаимопомощи и солидарности.

Когда стая птиц отдыхает, кто ставит кругом сторожевых птиц? Или кто ставит сторожевых самцов вокруг табуна лошадей, или стаи обезьян? Никто, они сами.

От земного червяка до любого зверя и примитивного человека, все живут обществами, работают, творят, защищаются совместно, делая все это без властителей, без правителей.

Только люди современного общества признают над собой начальников, властителей и правителей. Признают, ибо правители имеют силу заставить людей жить как им это заблагорассудится. Знание, наука, техника и прогресс, вместо того, чтобы служить интересам людей и человечеству, служат лишь интересам привилегированных и власть имущих.

Люди, все народные массы, не пользующиеся привилегиями, возмущаются, протестуют, бастуют и восстают, но до сих пор еще не poznали как избавиться от зла власти и уничтожить привилегии.

Но жизнь идет вперед. Сознание растет и прогрессирует, и недалек день, когда не будет больше существовать ни правителей, ни привилегии, когда солидарность, взаимопомощь, терпимость и любовь будут руководить актами и поступками людей. Борьба за новую и лучшую жизнь в полном жару и за кем будет победа, сомнений быть не может — победит свобода, довольство и любовь.

Но может быть власть и правители хоть в чемнибудь полезны будут в человеческих общелитиях? Может быть, пользуясь привилегиями и властью они все таки делают это для блага человеческих масс

и помогают прогрессу жизни, науки и всеобщего благосостояния?

К великому сожалению даже и этого нельзя о них сказать. Достаточно просмотреть всю историю человечества, чтобы убедиться, что они всегда только тормозили прогресс, душили свободную мысль и уничтожали все великое и прекрасное.

Всех тех, кто позволял себе мыслить свободно и по человечески, преследовали, насиловали и казнили. И лишь после смерти этих идеалистов и гениев человечества позволяли возносить их, ставить им памятники и чтить их память.

Сократа в Греции заставили выпить яд. Архимеду в Сиракузах отрубили голову. Христа в Иудее распяли на кресте. Джордано Бруно сожгли на костре в Италии. Галилей спасся от смерти, но после долгих мук. Спиноза был атакован парубаз. Томаса Мора казнили в Англии. Вольтер знал преследования и ссылки. Лавуазье отрубили голову. Ганди неоднократно сидел за решетками. Самые лучшие люди мысли и науки и сейчас преследуются во многих странах мира. Эйнштейн за то, что он еврей, Ремарк за то, что он против войны. Томас Ман за то, что он не мыслит как властвующие в его стране. Имя этих преследовавшихся и преследуемых — легион.

И будь это в Греции, или в Сиракузах, в Иудее или в Риме, в Италии или в Англии, во Франции или в Голландии; будь это в Европе или в Азии, в Африке или Америке или Австрии, история Государства и Власти одна и та же.

Такая же история роли Государства и Власти и в России. Радищев преследовали. Пестеля казнили. Пушкин из одной ссылки попадал в другую. Герцен умер в изгнании. У смертного одра Белинского стояли жандармы с приказом о его аресте. Достоевский видел смерть перед глазами. И если спасся от эшафота, познал все муки сибирской каторги. Бакунин был осужден на смертную казнь трижды. Правительствa Германии, Австрии и России спорили за честь задушить его. Кропоткин прожил 45 лет в изгнании и умер ли-

нный возможности сказать во всеуслышание свое предсмертное слово. Не лучше была судьба Толстого. Если правительство не осмелилось казнить его, то хоть отрезали его от церкви.

В любой стране в мире все правители — будь они монархисты, республиканцы или социалисты, всегда только способны задерживать прогресс человечества, преследовать всех прогрессивно мыслящих людей и увековечивать свою власть и свои привилегии.

Во всех странах и при любой форме государственной власти, правители всегда только мешали народу и его великим людям в их творческой работе по улучшению и усовершенствованию жизни и жизненных условий. И разрушили все богатства, создаваемые народом в бесконечных войнах и в борьбе за власть.

Из всего этого может быть только одно, что Власть и Государство никогда не содействовали и не содействуют и сейчас созданию новой лучшей жизни, ни прогрессивному развитию жизни. И ясно, что пока люди будут вручать переустройство или организацию лучшей жизни правителям, жизнь не сможет измениться радикально. Только сами люди поместно, в своей деревне, в своем квартале в силах заложить здоровый фундамент для новых лучших взаимоотношений между людьми. Только тогда, когда люди будут способны устроить свою жизнь без правителей, без власти и начальников, они будут жить в довольстве, терпимости, солидарности и любви. И их общезнания будут человеческими и прогрессивными.

Единение внутри вида, взаимопомощь, солидарность и любовь суть главенствующие силы природы в борьбе каждого вида и общезнания за свое существование. Это истины, которые приняты почти всеми людьми мысли и науки в настоящее время.

Поэтому единственная база для создания новой свободной и лучшей общественности и жизни без правителей, без начальников всегда имеется. Необходимо только, чтобы эти естественные чувства и истины

ты нашли поле для свободного выявления, нашли бы возможность практиковаться и развиваться, а не душились бы, заглушались и убивались. А такое поле для своего выявления эти инстинкты и чувства будут иметь только тогда, когда будет отсутствовать всякое насилие и принуждение человека человеком. Но свободное объединение людей — первая база для возможности строительства новой лучшей жизни — только возможно, но и вполне осуществимо в любой момент, когда исчезнут власть и принуждение из человеческих общезнаний.

Единственные и главные опасности для добровольных и свободных объединений будут: голод, недостаток, зависть, злоба и другие аномальные или ненормальные состояния людей, которые могут быть помехой для создания свободного общезнания и человеческих взаимоотношений. Поэтому крайне важно создавать такие формы сожительства, где бы никто и ни в какой форме не насиловался, не принуждался, где бы никто не нуждался, не голодал и мог гармонически развиваться физически и духовно, т. е., чтобы все богатства, как материальные, так и духовные были доступны всем, чтобы каждый человек имел все возможно — необходимое и мог бы удовлетворять максимально свои главные потребности.

Такое сравнительное благосостояние вполне возможно даже и в настоящее время, при современном состоянии науки, техники и человеческих знаний. Даже при существующих машинах один человек выработывает на 12—15 человек. Так что, если бы пустить в ход все имеющиеся машины для производства полезных и нужных для потребления и жизни вещей, а не для интересов капиталистов, правителей и военицизма, и все взрослое население отдавало свой труд на производительную и полезную работу, а не на принуждение, борьбу и разрушение, то при 4—5-часовом рабочем дне можно было бы не только удовлетворить все потребности населения, но еще и накопить громадные запасы товаров в городах и продуктов первой необ-

ходности в деревнях. Во всяком случае недостатка в продуктах первой необходимости не было бы.

Еще лучшие результаты могло бы дать свободное производство, если бы город и деревня слились воедино и труд человека стал бы интегральным, т. е. работы в поле и на фабрике чередовались бы. Понятно, это не совершится в один день, так просто и так легко, чтобы люди сейчас же начали практиковать эти человеческие и рациональные методы труда. Фабрики слишком далеки сейчас от крестьян и поле от рабочих, чтобы сейчас же люди смогли производить и жить в полной солидарности, взаимности и единении. Пока удастся объединить город и деревню и слить их воедино, людям придется искать такие свободные формы прямого обмена своими продуктами и товаров, помимо посредников, купцов или чиновников, когда бы фабрика могла бы работать на нужды и деревни, и деревня производила бы для нужд города. Помимо того, что это позволило бы городу и деревне удовлетворить свои взаимные нужды, оно бы дало возможность познать себя взаимно и даже сблизиться в общей работе по созданию лучших взаимоотношений между людьми. В таковом объединении города и деревни, между прочим, лежит залог удачи свободного социального переустройства.

Также важно, чтобы исчезли все эти различия, существующие сейчас между людьми по их специальности в работе, по их идеологии, по их национальности или расе. Все трудящиеся без различия, все люди, живущие за счет своего труда, должны объединиться в общем желании освободиться от эксплуатации хозяина и насилия правителей. Должны научиться быть терпимыми к чужим идеям, предоставив друг другу полную свободу в строительстве своей жизни, стараясь общими усилиями двигаться к общему лучшему будущему. Ибо никто не может предписать как можно устраиваться свободно и в довольстве. И еще меньше может кто бы то ни было разработать план

как будут жить люди в таковом общегитии. Таких докторов нет и быть не может. Каждый врач по своему понимает болезнь, и одну и ту же болезнь очень часто разные врачи разно лечат. Еще более сложна болезнь общества. И каждый общественный работник по своему объясняет эту болезнь и поэтому думает, что подобным методом ее и лечить можно. Именно в этой диагнозе болезненного состояния общества и заключаются все основные расхождения между анархистами, синдикалистами, коммунистами, социалистами и другими идеологическими группировками. Эти расхождения иногда крайне глубоки. Ибо общество не только отдельный больной, а еще и массовый.

Поэтому люди — каждый человек — должны научиться слушать всех, знать все диагнозы болезни и все методы лечения ее, но и принимать должны только то, что они считают хорошим, разумным и полезным и отбрасывать все, что по их мнению может мешать переустройству жизни. Но должны также научиться быть терпимыми к мнениям других людей, предоставив всем экспериментировать практически свои идеи, чтобы на опыте проверить какой метод общинного творчества лучше и какие способы взаимоотношения дают лучшие результаты.

Жизни приказами нельзя переделать. Передают ее сами люди, и в каждой местности по своему. И из всех этих местных опытов выработаются практически новые формы общегития и взаимоотношения между людьми.

Поэтому свобода в строительстве для каждого человека в отдельности и для целых общин и коммун вместе, есть одно из основных условий для возможности создания новой лучшей жизни.

Также важно, чтобы люди поняли, что кто отказывается жить от трудов других людей уже не враг трудящихся и наоборот, что всякий, кто хотя и жил всю жизнь своим трудом, но стремится стать правителем или жить за счет труда других уже становится врагом трудящихся и человечества. Равенство есть также одно из условий для

устройства жизни в довольстве и свободе для всех людей.

Возразят, что такая свобода и такое равенство могут привести к тому, что найдутся люди, которые захотят опять захитить за счет других и что это может быть опасно для общественного переустройства.

Но таких людей может найтись небольшой процент в сравнении с большими человеческими массами. И их силы ничтожны против единения, солидарности и взаимности широких человеческих масс, жаждущих свободной, равной и довольной жизни.

Во всяком обществе имеется известное количество людей ненормальных, маниаков и даже помешанных, но ни один нормально мыслящий человек не станет из-за этого отстаивать, чтобы все общество было превращено в сумасшедший дом. Так же глупо и бессмысленно превращать человеческие общества в тюрьмы и выбирать себе начальников и правителей только потому, что кто-нибудь, быть может, не захочет работать, а жить за счет чужого труда.

Труд — естественная необходимость для каждого живого существа, и если труд будет добровольным и свободным и каждый сможет работать по своим способностям, и в особенности, если каждый будет иметь все необходимое для удовлетворения своих потребностей, очень мало людей найдется, которые будут тратить время и энергию на то, чтобы грабить, а не на производительный труд. А если найдутся такие, то их придется лечить, а не наказывать, и тем паче, не казнить.

В свободном обществе не будет места для безделья, ибо «обществу, в котором труд будет свободен, нечего бояться паразитов». В таком обществе труд будет радостью и гордостью для человека, а не проклятием и наказанием, когда человек должен отказаться от своей жизни, своей свободы, от самого себя и превратиться в раба другого человека. И все это только для того, чтобы иметь кусок хлеба и не умереть с голоду.

Человек в настоящее время ненави-

дит не работу, не труд, а рабство. Так что вопрос не в том, чтобы провозгласить: «работающий да не ест, а самим жить не работая и делать работу для других проклятием». Что необходимо это сделать работу свободной, доступной и радостной для всех людей без исключения. А это может создаваться только добровольными усилиями всех людей. Никакие декреты, приказы, угрозы или наказания этого создать не могут.

Из практики хорошо известно, что человеку легче и приятнее работать 20 часов в сутки добровольно и без принуждения, чем 8 или 6 часов на хозяина или государство.

Тяжесть работы не в труде, а в условиях, в каких человек работает.

Свободный и добровольный труд — радость для человека, повинный, принудительный труд — проклятие и рабство.

Поэтому отсутствие правителей, свобода, равенство, единение, солидарность и вольный труд суть первые основы для возможности начать строить новую жизнь довольства и свободы для всех людей.

Возможностей как начать строить новую, лучшую жизнь — много. Их не мало уже предлагали и описывали. Не малое количество опытов и экспериментов было сделано также в этом отношении. Многие из них выдержали преследования. Но не мало погибло и вследствие того, что члены общины не могли отделаться от старых предрассудков и верований и поэтому не были способны жить по братски, в терпимости и любви.

Немало таких свободнических экспериментов было совершено в России уже во время царизма. Особенно же в первые годы революции.

Ибо в людях естественно стремление жить вольными обществами. Они это стремление получили в наследство от животных. Именно поэтому люди и практикуют взаимопомощь, проявляют солидарность и прибегают к добровольной взаимопомощи. Как дети природы, они на природе учатся, что инстинкты общности основные силы для лучшей будущей жизни.

Во время Российской Революции крестьяне почти элиминировали посредников в своем товарообмене. Кооперативная или сельская лавка вытеснила частных лавочников и превратилась в центр обмена для деревни. Крестьянин сдавал в лавку все свои продукты и через нее покупал и получал все необходимое.

В городах большинство заводов обзавелись своими лавками, пекарнями, огородами и даже полями, так что сами снабжались всем необходимым посредством взаимобмена с деревней или с другими фабриками и заводами.

Укрепление большевиков у власти положило конец этим начинаниям. Они самих рабочих и крестьян превратили в рабов государства, а все богатства передали в руки правительства, которое награждало и миловало рабочих и крестьян по своей воле в зависимости от степени подчинения их своей власти. Таким образом большевики дело изрода превратили в дело правительственной клики. Вместо земледельческих коммун и артелей, насадили в деревне советские хозяйства, а вместо производственных коммун и артелей, насадили в городах государственные заводы. Земледельцев превратили в советских батраков, а рабочих в государственных рабов.

Опыт России показывает, что властнические формы общежития не могут переустроить общественную жизнь на основах довольства и свободы. Поэтому крайне важно выяснить не смогут ли люди организовать свою жизнь на началах добровольных, свободных взаимоотношений и терпимостей.

Понятно, никто не в состоянии устроить лучшую жизнь для людей помимо самих людей, ни даже составить конкретный план, как ее устроят люди. Ибо живая жизнь создается всеми людьми, каждым человеком в своей местности, в своем обществе.

Отдельные люди могут только рассказывать как они ее себе представляют, narrовать картины того общежития, которое они себе воображают.

Такие советы, описания и картины, понятно, не бесполезны. Но они не обязательны. И не всегда осуществимы, жизнь будет таковой, каковой ее создадут живые люди. И формы взаимоотношений будут вырабатываться в каждой местности свои, часто схожие, а иногда и разные, в зависимости от естественных, социальных, индивидуальных и других причин. Но если они будут свободные и добровольные, они будут связаны общим духом свободы, солидарности, довольства, равенства, братства и любви. И эта практика, эти жизненные опыты будут служить людям самым лучшим путеводителем в вечно изменяющихся формах общежительского благоустройства.

Имеется, понятно, крайне важный вопрос об удержании свободно созданных общежитий и защите их от новых и старых искателей власти. Но таковая опасность сведется к минимуму, если люди почувствуют прямую выгоду от уничтожения насилия и эксплуатации человека человеком.

Опасность действительная может существовать только тогда, если вместо создания свободы и благосостояния для всех людей, угнетенные превратятся в привилегированных, если вместо одной формы власти создадут другую, вместо уничтожения всякой власти и всякого начальства, одни властители заменят других и одни чиновники займут место других.

Если можно социалисту, коммунисту, рабочему или крестьянину быть у власти, то почему и другим людям не желать этого? Но если не будет вообще власти и правителей, то стремиться усесться у власти не так легко. А если и найдутся такие охотники, то на каждого такого авантюриста найдется не меньше чем 20—25 свободолюбивых людей и готовых на жертву для ее защиты.

В обществе, где люди свободны, нет места тиранам. Только рабы способны переносить без протеста насилие и привилегии правителей и власть имущих.

Но свобода каждого отдельного человека в общине и независимость каждой общины в федерации общин не значит, что они не будут объединены между собой добровольно и свободно. Эти объединения будут на почве потребления, производства, обмена, культурных, научных и других интересов и т. д.

Но для такого объединения людей не нужны ни власть, ни начальники. Существует в каждой стране бесконечное количество свободно и добровольно организованных объединений на основе общих материальных, духовных и нравственных потребностей и стремлений людей, которые не знают ни власти ни принуждения.

Существует даже целый ряд международных объединений такого типа, особенно интересны международные телеграфные, почтовые и железнодорожные союзы. Чисто коммунистические объединения, они не знают никаких властных центров. И все таки поезда движутся через границы с удивительной точностью, письма развозятся по всему миру с одного конца земли в другой, телеграммы передаются с невероятной быстротой.

Существует также бесконечное количество научных идейных, культурных, религиозных, спортивных и других международных объединений. И несмотря на то, что отсутствует в них всякая центральная власть, что они добровольно и свободно создавались и объединены, они существуют и процветают.

Эти добровольные и свободнические объединения, не только местного, но интернационального характера, не только показали и доказали свою жизнеспособность, но оказались и самыми дельными, практичными и продуктивными учреждениями социального типа. Раз налаженные, они работают, развиваются и производят без необходимости в каком нибудь правителе, или правителях. Ибо всю работу делают те люди, которые работают на этой работе, а не правители или начальники.

Из изучения именно этой практики,

многие люди и пришли к заключению, что только свободное и добровольное объединение как в каждой общине, так и общин между собою, на почве потребностей, интересов и стремлений, будет жизненно и полезно для человеческих обществ и для каждого человека в отдельности.

На вкус и на цвет товарища нет, так же не на все головы одна и та же шапка годна. И ясно, что создать по указке лучшую жизнь для всех одинаковую и неизменную — невозможно. Но стоит людям понять, они могут жить без правителей и начальников и самим начать ее добровольно строить, и свободные, трудовые общины начнут создаваться, расти и процветать. Они возможно будут разные по форме в разных местах. Но все они будут объединены общим духом и общим содержанием. Все будут иметь в своей основе принципы Довольства, Равенства и Свободы для всех людей и все будут стремиться к наибольшему счастью каждого человека и всех людей.

А создастся свободническая социальная жизнь, и она зацветет полным цветом. Каждый человек станет сильным, развитым нравственно и физически красивым существом, превратится в гармонически развитую личность, и общезнать его в гармонические объединения людей.

Изберут люди свободнический и добровольный путь строительства новых лучших общественных взаимоотношений и жизнь двинется полным ходом по пути усиленного прогресса и человечество начнет превращаться в новый более высший вид в природе.

Освобождение людей от ига капитала и власти — в руках самих людей. Стоит им только проснуться, отбросить предрассудки и самим взяться за переустройство своей личной и общественной жизни и заря новой жизни загорится прекрасным веселым солнцем... Но заря новой жизни не за горами.

Анатолий Горелик.

Б. А. 1 января 1937 г.

КАТОРЖНАЯ

Вырву из глупого неба
 Дикий разгульный удар:
 Бери сколько хочешь хлеба,
 А мне оставляй пожар!

Воскресни, воскресни,
 Кружись веселей,
 Новая песня
 Раздолбных степен!

Ты хочешь нажраться до отвала
 И развалиться на земле.

Блеск моего Идеала
 Чужд твоей жадной душе.
 А мне лишь бы было пламя:
 Огонь ведь дороже хлеба,
 Я гордое черное Знамя
 Вдымаю до самого неба.

На помощь ко мне, товарищи!
 Ко мне босяки, проститутки!
 В вихревой пляске пожарниц
 Быть одинокому жутко.
 Эй! все кто спрятался по подвалам!
 Кто душу промывает в кабаках!
 Гоним разбоем удалым
 Свой вековечный страх!
 Еще не пали крепости,
 Еще торжествуют мешане,
 Пусть будут в боях нелепости!
 Пусть мы возстали на рани!
 Но уж пенится девятым валом,
 Но уж огнит, как пламя яркое
 В свете предзорном, алом
 Святое слова: Анархия,
 Сверкая летит полоумная
 На бешеном рыжем коне,
 Земля отсыревшая, сумная
 Под нею горит, как в огне.
 Вы, живущие в подвалах и под крышей!
 Обездоленные воины мои!
 Нищие, бездомные, оборвыши,
 Суенеры, воры, босяки!
 Вы, продавшие душу и тело
 Жадным торгашам!
 Идите свободно и смело
 По новым широким путям.
 Эй кандалники, смертники, каторжане!
 Все погребенные в темницах!

Пусть залечатся ваши раны,
 Пусть ваша грудь загнойт!
 Дикий крик низвергает небо,
 Гроном гремит в сердцах народа;
 Свобода!

Бери сколько хочешь хлеба!
 Разгулялась девка шальная,
 Заблуждалась огнем по земле.
 Эй! смотри! смотри я какая:
 Ничего не жалостно мне!
 Шутя сожгу село,
 Шутя разграблю город.
 Не страшен мне никто
 Со мною Смерть и Голод.
 Идет и шатается
 Пьяная от крови,
 С каждым встречным играет:
 Подойди ка ко мне! подойди!
 Подходи, голытьба безпризорная!
 Горемычный бедняк, подходи!
 Поведу вас в палаты узорные,
 Поведу в дорогие дворцы.
 А кто озяб в подвалах,
 У кого не топилась печь,
 Для того могу я зажечь,
 Целые кварталы.
 Или может быть нужно вина?
 Из подвала выкачу бочку
 Гуляй день и ночь
 Да вспоминай меня.
 А в это время где-то вдали
 В смешно-уцелевшем оазисе
 Буржуазия

Разсылала повсюду моления жаркие:
 О скорей приходите спасти
 Нас от разгула Анархии!
 Гремит набат, на бой зовет,
 Бойцов кликает смелых:
 Кто честен, пусть вперед идет!
 На приступ озверелый!
 Сверкая летит полоумная
 На бешеном рыжем коне,
 Земля отсыревшая, сумная
 Под нею горит, как в огне.
 Эй! вы, пасынки города!
 Вы батраки деревень!
 Кто не хочет носить железного ворота,

Кому защищаться не зень?
И от края до края великой земли,
Как костры зажигаются ярине,
Пронеслись могучие крики любви:
Умрем за тебя, Анархия!
Пока не избыли стрелы,
Пока не сломился лук,
Наше Черное Знамя никто не посмеет
Ворвать из наших рук!
Не в открытом бою убивали,
Не погибла она от огня,
Нет, свои же Иуды предатели,
Растерзали тело ея.
Слушайте: это было в тринадцатую ночь.
Великого боя,
Когда обнаглевшая сволочь
На нее накинулась с воєм.
И тушили огни.
В эту ночь «Они»
Делали страшное дело.
А на утро пропивали совесть,
На утро водкой давились...
Эй! слушайте нашу новость!
С каторжной мы расправились!
И топтали свежую могилу

Пьяными ногами.
Каторжную мы убили,
Как собаку, бросили в яму!
В тринадцатую ночь дрогнули ряды,
И бойцы бежали позорно;
В тринадцатую ночь Знамя Черное
С бою взяли враги.
И на полях кровью облитых
Писали телеграммы:
Всем! всем! каторжная убита!
Победа всюду за нами!
С тех пор по стране родимой
Пошел разгул озверелый;
Хоронят Святое Имя
В дыму роковых расстрелов.
Но напрасно смывают кровью,
Заглушают оргией шумной:
Память народа любовью
Отмечает смерть полоумной.

Одну легенду чудесную
Упорно хранит народ:
В ней сказано, что на Новый год
Каторжанка воскреснет.

Анатолий Консе.

КО ВСЕМ АНАРХИСТАМ И СОЧУВСТВУЮЩИМ

Уважаемые товарищи!

Передо мной лежит финансовая книга Комитета Помощи Заключенным Анархистам в России, свидетельствующая о том, что некоторое время тому назад мы прилагали все свои усилия к тому, чтобы помочь нашим товарищам заключенным, томившимся в русских тюрьмах на протяжении последних полуторадесяти лет.

Многие из них давно умерли от холода, голода и тяжелого тюремного режима. Более сильные физически несут тяжелое бремя каторги и доныне, и, как видно, должны будут оставаться в заключении до смерти.

Благодаря тяжелому политическому режиму, под которым изнывает весь русский народ, оставшиеся на «воле» тов. лишены всякой возможности чем либо помочь заключенным. Эта обязанность лежит на нас, потому что мы, находящиеся в Америке, имеем большую возможность чем все остальные товарищи, находящиеся в разных

странах.

Нас здесь много, много анархистов, а еще больше сочувствующих, у нас много друзей, сочувствующих нашему делу, и безусловно сочувствующих горю и тяжелой жизни заключенных анархистов в России.

Я глубоко верю, что если каждый из нас внесет свою небольшую долю заработка в общий фонд на это благородное дело, мы сможем по возможности облегчить тяжелое положение наших товарищей заключенных.

Мы своей маленькой помощью подыдем падающую их энергию. Мы покажем, что и мы, находящиеся на расстоянии нескольких тысяч миль от них, помним о тяжелой судьбе выпавшей на их долю и готовы прийти на помощь при первой возможности.

Давайте же, товарищи, еще раз соберемся с силами, внесем кто сколько может в общую житницу для спасения жизней и в чем невинных мучеников, ставших жертвой наглых большевистских тиранов.

АНАРХИСТЫ ПОД СТАЛИНСКИМ САПОГОМ

В Л А С Т Ь

По современным понятиям, государственная власть (правительство) является необходимым народным учреждением, занимающимся введением и установлением справедливых и наилучших основ общежития. На деле же всякая насильственная власть (другой власти нет) никоим образом не может явиться необходимым для людей учреждением, ибо господство одних над другими (главная цель всякой власти) само по себе есть самый крайний акт несправедливости. Всякая власть, претендующая на свое исключительное право господства над другими, подобно фанатической религии, затемняет сознание людей; прикрываясь маской правосудия, она легко подчиняет себе общественное мнение и держит в полном закреплении волю и разум человека. Власть только тем и проявляет себя, что одурачивает массы, да жестоко и безсердечно карает за непослушание.

И поэтому неудивительно, что государственная власть никак не может установить прочный, благоразумный порядок и дружественные отношения среди людей. Так-же нет ничего загадочного в том, что власть, несмотря на многочисленность прислужников своих, превосходящих во много раз количество преступников, не в состоянии не только искоренить преступления, но даже не может ни одно из них предотвратить. Зато всякая власть своими многочисленными ненужными законами и ограничениями унижает и — подобно проказе — ожесточает человека.

Власти милосердной, чистосердечной, справедливой не бывает. Ее священная обязанность господствовать над людьми, владеть над землей, насильно управлять делами людей, принимать прямое и косвенное участие в их порабощении, подтверждают правоту этой мрачной истины о ней. Воистину, чудовищным кажется, что взрослые люди, подобно детям, не только повинуются нескольким, но даже преклоняются перед придуманными ими законами, которые до крайности смешны и до ужаса

жестоки.

Сейчас ни для кого не тайна, что от божественного значения власти и следа не осталось, ибо это понятие рассеялось вместе с неведением и фанатизмом, породившими ее. Тем не менее, не привыкшие еще к свободе, а потому и неспособные мыслить свободно, люди все еще идут на поводу у других и попадают под влияние власти ищущих.

Весьма понятно, что те, которые всегда стремятся к незаслуженному неравенству и власти, не могут проявить себя доброжелателями народными, на что они всегда претендуют. Отказаться же от власти, а с этим и от насилия, как главного способа удержания ее, люди ищущие первенства, не могут. А желание завладеть чем либо, чемнибудь хотя на миг, — это большая страсть человека — эгоиста.

Вот почему так много рук тянется на всем протяжении человеческой истории к власти. А вместе с тем, ведь каждый знает, что по справедливости ни один человек ни в чем не должен и не может взять верх над другими, если тот не согласен добровольно признать первенство другого. Передовой, правдивый человек не ищет первенства и власти. Таким образом, правый или правдивый ни чем и никем не завладевает, но освобождает и других от гнета нравственного и физического.

Государственная власть, господствуя над другими людьми и распоряжаясь судьбой и жизнью других, доказывает не только непереданность, но явную недоброжелательность свою к подвластным. И такое отношение одних людей к другим недостойно человека и в корне неверно. А поэтому никакая власть не может оправдать «особенного» назначения своего, претендующего на способность «умиротворять» своих подданных.

Власть даже «умиротворяя» насильственным путем, только закрепощает людей. И не может быть ни согласия, ни мира там, где есть власть. Благодать, мир и

справедливость только там торжествуют, где нет насилия и коварства.

Всякая власть считает себя совершенной и примерной руководительницей народной, и защищающей своих подданных от «врагов» внутренних и внешних. И удивительно то, что все правительства одинаково признают, что для возможности верно-го благополучия граждан данной страны, необходимы тысячи чиновников, десятки тысяч полицейских, сотни тысяч солдат, множество военных кораблей и аэропланов, казармы, суды и тюрьмы, страшные истребительные орудия, которыми одни ежеминутно готовы опустошить землю других, уничтожить плоды многолетних трудов людей и самую их жизнь.

Для покрытия же расходов по содержанию всей этой чудовищной организации, именуемой государством, правительство взимает с людей невероятные налоги. Таким образом, добрая половина всех трудов людей, часто незаметным для них образом и против их воли, отнимается властью на покрытие ее невероятных расходов. Если бы всякому стало ясно, что люди страдают благодаря существующей ложной системе государственной, то каждый, кому для полного материального обеспечения потребуется лишь несколько часов труда в день восстал бы против этой системы. И действительно, такое недобросовестное и безчувственное истребительство власти на человеческую личность до ужаса чудовищно.

Всякий честный и трудолюбивый человек, не имея ни наклонностей, ни потребностей отнимать что либо у ближнего, не нуждается в такой грандиозной «защите». Очевидно, защита эта нужна тем, которые сами не трудятся, или вообще ничего существенного не производят. Присвоив себе самовластно львиную долю всего, как природных богатств, так и плоды трудящихся, они нуждаются в этой защите, без которой они не могли бы сохранить свои позиции ни единого дня. Благодаря существующей узаконенной власти с ее громадной защитой для поддержания своих привилегий, да прав тех, которые завладевают плодами трудов народных, бремя,

наложенное на подвластных, таково, что большинство не только не в состоянии пожирать плоды трудов своих, но даже лишены возможности заниматься любимым делом, проявить себя на том поприще, которое ему близко и дорого.

Что всякая, без исключения государственная власть, претендующая на свои «справедливые и гуманные» цели, всецело обанкротилась, в этом отношении нет никакого сомнения. Существующая государственная система правления, всегда создающая все новые и новые ненужные законы о наказаниях за неповиновение власти, лишней раз подтверждает бессмысленность существования всяких систем управления с их «законной» не только никому ненужной, но и не нелезя бредной карательной властью.

Всякое правительство старается доказать необходимость своего существования во имя возможности разрешения «наилучшим образом» споров и сохранения «долженствующего быта» - порядка. Эта горсть людей, очугтившись у власти, всегда настойчиво и дерзко выставляет себя впереди всех и считает себя «передовым и более прозорливым элементом данного общества, а потому и более подходящим для правления, умеющим лучше остальных людей выявить и удовлетворить волю народа».

Но так ли дело обстоит на самом деле? Нет. Уже потому оно не так, что большинство людей, даже не сознавая настоящих причин своей тяжелой участи и своего трагического положения, всегда недовольны своей судьбой; но и «довольные» часто не сознают существенного значения своего положения. Всякое правительство утверждает, что оно «оберегает свой народ от хаоса», который, по его мнению, разразился бы в стране, если бы правительства не было, но на самом деле, правительство только не желает расстаться с привилегированным положением, в котором оно находится. А разговоры о защите своих граждан от чужестранцев уже совсем неправдоподобны. Народ без всякого правления сумел бы отстоять свою страну; он и так сам всегда ведет войны правительственные, тем более повел бы войну народную. По-

тому правительство беспокоится не за судьбу своих граждан, а за свою собственную участь, не за благополучие своих подданных, а за свою неограниченную власть, которая дает им всякие блага и почести.

Благодаря легкомыслию масс, они попадают под влияние властвующих. Всякая правящая власть пользуется этим удобным случаем и для своей выгоды создает такие условия общежития, благодаря которым одни эксплуатируют других, что и порождает недовольство, а с этим неурядицы и вражду между всеми. А в таких отношениях людей неминуемо пробуждение зависти и проявление жестокости и преступности. Власть же усердно занята наблюдением за преступниками, да отыскиванием все новых, более «совершенных и современных» (ни к чему в сущности негодных) законов, чтобы «лучше судить виновников нарушения упорядоченной» жизни общества. Сама же власть не видит, или закрывает глаза на первопричины, породившие существующее социальное зло, но являясь одной из главных виновниц в его существовании, всякая власть ищет других виновников. Власть, неизменно поддерживающая социальное и политическое неравенство, сама таким образом оправдывает существующее несправедливое устройство общежития и без особого труда распоряжается волей многих миллионов.

Да и как может власть доказать на деле «дружелюбие и чистосердечность» по отношению к народу, когда традиционное насилие — ее единственный способ, обеспечивающий самое ее существование. Если бы люди, стоящие у власти, были действительными доброжелателями, то они должны были бы, поступая по чистой совести, отказаться от своих обязанностей и этим освободить людей от своего никому не нужного, да притом насильного владычества; они сами занялись бы честным и полезным трудом. И можно заранее с уверенностью предсказать, что худшего порядка не было бы, если бы только вместо них не появились другие такие же непростые народные «доброжелатели».

Нельзя сказать, что не настало еще время, чтобы люди не согласны были совсем освободиться от власти, навязанной и совершенно чуждой им по духу. Ведь большинство людей устраивают свои личные и вообще частные дела без постороннего вмешательства.

Сила, даже «примиряющая», создает врагов. Таким образом власть с ее законами является безпомощной в деле примирения людей, если у них самих нет согласия, подкаazanного совестью, этого единственного руководителя в деле мирного и свободного сотрудничества людей. Добровольное устройство всех дел человеческих, как в общественной, так и в личной жизни, как прямой путь к достижению свободы, это первый и главный удел в жизни человека. Быть свободным, не чувствовать над собой тяжести цепей полицейского, социального и экономического порабощения, быть в состоянии близости к природе и благословить ее, ощутить ее прелесть, это — большая радость для человека. Но как может человек испытывать благодать природы, когда все сокровища, им добытые, отняты у него таким же человеком, как и он. А власть гарантирует неприкосновенность всех достояний природных тому, кто их захватил путем насилия и эксплуатации. Но если бы люди сами устраивали дела свои, надеясь на чистую совесть ближнего, да только ей и повиновались-бы, то никакое правительство, никакая власть им не нужна была бы, равно как и все придуманные властвующими, никому ненужные законы, только осложняющие и обременяющие их жизнь, да ограничивающие поле деятельности.

Люди по природе своей не только не нуждаются во власти, но явно противятся ей. Ибо ни один человек, сознавая свое человеческое достоинство, не желает преклоняться перед другими. В течение долгих веков, с той самой поры, когда человек почувствовал и осознал свою душу и разум, он неустанно борется со всяким владычеством над собою, ибо оно всегда способствовало лишению его свободы и угнетению. Владычествовать же может только

жестокый и неспособный к труду человек; таким путем легко может обеспечить себе свое беззаботное существование.

Человек, в отличие от всех остальных животных, одарен высшими природными способностями: мыслить и чувствовать; благодаря этому он стремится ко всему возвышенному и совершенному. Всякий же человек, стремящийся к каким либо достижениям, никогда почти не имеет исключительно себя самого в виду, но непременно желает, чтобы кто-то еще, кроме его самого, делил-бы с ним плоды трудов его. И в этом желании его заключается необходимость сближения с подобными себе; в самом же этом отношении к ближним выражается чувство заботы, преданности и любви к другим. Большинство людей, трудолюбивы, значит — созидательны; и по складу души никакой человек уже не так эгоистичен на самом деле, как им он часто проявляет себя в жизни.

Хотя материальная необходимость человека суть главный фактор его существования и его деяний, тем не менее, он ограничен в своем стремлении к достижению этого блага для себя, ибо приобретя вдоволь всего, человек в конце концов может отвернуться от своего желания и потерять волю и энергию в этом направлении, а то и вообще всякое желание трудиться. Его интересы и замыслы при подобном нолжении вещей не могут быть бесконечными; конец его «творчеству» наступает тогда, когда положение его гарантирует ему полную обеспеченность. Если он не имеет достойной цели в жизни — служения людям, то и дела его не могут иметь большого значения. Иную ценность имеют деяния человека, побуждаемого внутренними потребностями, душою. Такое творчество безгранично и бесконечно. Ибо вместо служения одному себе, человек в состоянии служить многим, а воодушевленный такими порывами — служением ближнему — он в стремлениях к творчеству не имеет границ.

Вот почему всякий человек, любящий и чувствующий душу другого, никогда уже

не перестает трудиться. Он сознает и чувствует, что границ такому деянию и творчеству нет и не может быть конца, пока дышит жизнью наравне с ним миллионы ему подобных людей, жизнь которых, как и его собственная, может и должна иметь осмысленное значение. Долг всякого человека заключается в служении друг другу. И нет более возвышенного, более достойного образа жизни, чем с свободным служением людям. Воистину безгранична и бесконечна такого рода деятельность человеческая. Только такая духовная мощь, как фундамент всех наших отношений, может создать, подобающие роду человеческому, справедливые устои общечеловеческие.

Существующая же материалистическая и эгоистическая государственная власть, с ее несправедливым социальным устройством, никогда не служит людям. Власть делает одно дело: одурачивает массы и подчиняет их себе. Люди же, подчиняясь власти, всегда лишают себя самих свободы и поддерживают общественную несправедливость.

Напрасно правительства занимаются отыскиванием способов для установления всеобщего мира среди всех народов, если одновременно увеличивают свою военную силу. Ясно, что ничего путного из этого получиться не может. Заботы (если таковые есть) об установлении общего мира между народами дело не правительственное. (власть мирного пути не знает), а народное обще-человеческое. Люди без всякой помощи и вмешательства правителей могут сами стовориться и жить в дружбе и мире.

Все подразделения между людьми, да сиеяние вражды, все это создано самой властью, потому-то и не дело никаких правительств говорить о мире. Войны возникают главным образом вследствие эгоизма и алчности самих правительств и сильных мира сего — богачей, которые желают все и всех покорить себе, увеличить свои владения и богатства за счет других. Но для того, чтобы общему миру было положено начало, необходимо всем народам, всем лю-

ням в корне переменить свои взаимоотношения.

Только любовь к ближнему, ко всякому известному и неизвестному мне человеку, положит начало общему и вечному миру. Война! Кто же не видит и не ощущает, что не чувствует и не испытывает это грязное, самое жестокое и зверское явление среди человеческих существ, так беспощадно разрушающее плоды многовековых трудов его, столь тяжело калечащее физически и духовно весь род человеческий и преждевременно уничтожающее миллионы людей? Кто же знает и не чувствует всем существом своим, что война не должно быть? И кто их устраивает, как не правительства? А власть, являющаяся прямым виновником всякой войны, занимается исследованием причин, порождающих войну, да отыскиванием способов ее прекращения.

Покуда одни будут распоряжаться судьбой и жизнью других, не будет мира на земле. Не будет мира между разными народами, не будет мира ни в какой стране внутри. Ибо никакой человек по природе своей не желает быть чьим либо подчиненным, или в зависимости от кого-либо. Люди остаются в рабстве только по-

тому, что живут под гнетом правительственной власти, которая всегда своими законами и повелениями лишает их всесторонней свободы; пропагандой же своей закрепощает дух и волю людей. Если же люди сумеют полюбить друг друга и никто никому зла не пожелает, тогда то и освободятся все от оков власти, столь пресыщенной злом и всякой несправедливостью. Люди должны освободиться от эгоизма, пресытившего их души и пробудить в себе заложенное в их природе братское чувство по отношению к другим. Тогда немислимы будут среди людей ни зависть, ни вражда, ни ревность, ни обман, ни вообще, всякое зло; тогда и лишней окажется всякая власть и невозможными станут и войны. И уже раздастся голос народный, зовущий всех людей к братству. Все чаще слышится возглас, исходящий из гущи масс, о необходимости устройства такого образа жизни, чтобы не было недовольных.

Люди пробуждаются и начинают сознавать, что благо их зиждется на благо ближних. А трудящиеся добровольно друг для друга, добрые и разумные люди, не нуждаются во власти и не могут оставаться в неволе.

Б. Гершенфельд.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 2.

(Окончание)

Теперь еще есть время! Завтра может быть поздно! Будем действовать быстро!

Сорганизуемся по образцу Н.К.Т. и И. Ф.А.! Дадим нашим испанским братьям необходимое оружие, заставим прекратить подлую блокаду, оставляющую без защиты целый народ и будем действовать как настоящие анархо-синдикалисты. Мы дадим возможность испанским рабочим разбить фашизм и построить новый мир, где не будет тунеядцев. Уже некоторые достижения проведены в жизнь в Арагоне, Каталонии и на Востоке. Наши друзья надеются завершить свою победу при поддержке международного пролетариата. Пусть каждый осознает свой долг! «Благополучие и свобода» станут реальностью только тогда, когда мы уничтожим капитализм путем Социальной Революции.

Да здравствует Н.К.Т. и И.Ф.А.!

РЕВОЛЮЦИОННО - ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ВАЛЬХУНКУЕРЕ

Это — деревня в 1,198 жителей. За редкими исключениями, все они мелкие собственники. Никаких объединенных синдикатов не существовало, хотя некоторые из товарищей принадлежали к Н.К.Т.

Эта деревня, как и многие другие, пребывала в сонном состоянии и потребовались значительные усилия, чтобы ее вывести из этой летаргии. И, несмотря на это, был создан коллектив приблизительно из двухсот крестьян. Этому было много сказано сопротивления со стороны фашистских и скрытых полуфашистских элементов и все же несмотря на это, его формирование продолжалось.

Деревня получает освещение из Костелоты. Здесь нет телефона, но когда подобные линии будут проведены, эта деревня также получит свою установку, не прибегая к изнурительным хлопотам, так как соседние деревни этой области, отдав вальхункуерцам один день своего труда, дадут

им возможность произвести необходимые работы по установке телефона, как это уже имело место в других деревнях.

В деревне нет воды и по воду нужно ходить за 400 метров. И здесь революция произвела громадные улучшения. Через короткое время Вальхункуеро будет иметь свою воду как для орошения, так и для питья.

Нет мельниц, но зато 12 гидравлических прессов для надавливания масла из слив. Существует также фабрика для обработки остатков от сжатых слив, из которых надеются выделять масло.

В качестве продуктов вывоза имеются оливковое масло, рожь, ячмень, а также шерсть, древесный уголь, овощи, молоко и т. д. Была попытка провалить коллективизацию и теперь все следят за тем, чтобы ничего подобного не повторилось.

Мы уже публично заявили, что всякое пренебрежение, всякий саботаж в ходе революции будет дорого обходиться виновникам. Одновременно товарищи этой деревни, также как и всех других, беспрерывно работают и строго следуют своей цели коллективизации.

ПЛЕНУМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Пленум М.Т.Р., имевший место в Париже 15, 16, 17 ноября с.г.

Помимо обычных административных вопросов, он должен был обсудить два очень важных вопроса: положение в Испании и его влияние в международном масштабе. Эти вопросы вызвали очень большие споры. Они позволили представителям национальных секций выработать мотивированное мнение, а заслушивание докладов делегатов Н.К.Т. позволило составить ясное представление о положении в Испании.

С другой стороны, всеобщие прения о последствиях этого положения в Европе и во всем мире позволили выяснить все сто-

роны международной проблемы; констатировать опасность особенно грозящую некоторым секторам со стороны фашизма, неизбежность военного конфликта, установить театр грядущих военных действий и указать способы борьбы с военным конфликтом. Все это было выражено в резолюции, текст которой мы приводим ниже.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Собравшись в Париже 15, 16, 17 ноября 1936 года Пленум М.Т.Р. подтверждает свою полную солидарность с Н.К.Т. Испании в ее борьбе с интернациональным фашизмом. Он посылает свой восторженный привет милиционерам Н.К.Т. и И.Ф.А. и товарищам других стран, борющимся вместе с ними, на всех фронтах гражданской войны.

Заслушав доклад делегатов НКТ об общем положении Пленум заявляет, что он понимает причины, побудившие НКТ принять те решения, которые она сдала. Он отмечает стремление НКТ довести в Испании до победы Анархо - Синдикализм и по плану этой доктрины, доктрины МТР, расширять достижения Социальной Революции по мере того, как эти достижения проводятся в жизнь. Пленум утверждает постановления НКТ и Национальные Секции заявляют, что они придут на помощь НКТ всеми средствами, чтобы принципы МТР восторжествовали в Испании.

Чтобы эта помощь стала реальной и как можно скорей, Пленум предлагает всем Национальным Секциям делегировать всех свободных членов в распоряжение НКТ и ее районов для участия, совместно с членами НКТ, в работе по экономическому строительству и социальному переустройству.

Кроме того, Пленум решил, что МТР должно взять в свои руки, в согласии с НКТ и ее органов, заграничную пропаганду Испанской Секции, на основании предложенного плана, получившего одобрение делегатов НКТ и как только этот план будет ратифицирован Национальным Комитетом НКТ. Этот план будет представлен Национальному Комитету НКТ, секретарем

МТР или его представителем.

Наконец, находя, что борьба с фашизмом в Испании есть только отдельный акт всеобщей борьбы мировых сил труда с силами современного капитализма, представляемого фашизмом, Пленум решил направить все усилия секции МАР на наиболее опасные секторы, которыми являются за исключением Испании, Франции и Бельгии; последнее решение в согласии с НКТ при его полном и всемерном сотрудничестве.

Пленум также заявляет, что между империалистическими целями так называемых демократических стран и фашистских государств нет никакой разницы и что М.Т.Р. борется не за установление буржуазной республики, а безвластного коммунизма.

Уверенный, что фашизм не установится в Испании и убежденный, что секции МТР смогут сделать все необходимые усилия для создания непреодолимой преграды продвижению фашизма, Пленум подтверждает свою уверенность в ближайшей полной победе трудящихся над варварскими системами насильственных режимов, представляющих ненавистное навсегда осужденное прошлое.

Да здравствует Н.К.Т.

Да здравствует М.Т.Р.

Да здравствует безвластный коммунизм и Социальная Революция!

Пленум утвердил тов. П. Бенара в должности секретаря МТР и назначил тов. Александра Миранда постоянным делегатом при секции и в особенности при НКТ; единогласно принял проект реорганизации международной пропаганды НКТ и И.Ф.А. Ниже приводим текст этого проекта.

ПРОЕКТ

Принятый Пленумом

Считая, что задача пропаганды заграницей лежит на обязанности МТР, Пленум, согласно своей резолюции, решил произвести рациональную реорганизацию этой пропаганды, на основании нижеследующего проекта, определяющего структуру и деятельность новой организации.

Делегация пропаганды М.Т.Р.

а) Состав делегации: — Будет послан из Парижа генеральный делегат, на обязанности которого лежит: набор необходимого персонала и наблюдение за общим наведением работ. Будут организованы 12 специальных Бюро пропаганды: английское, французское, немецкое, итальянское, русское, португальское, скандинавское, голландское, эсперанто, польское, болгарское и арабское.

Каждое бюро будет состоять из одного ответственного работника (редакция и радио), его помощника или машинистки и по возможности, одного наборщика - типографа, выполняющего все работы по печати (см. ниже: издательство).

б) Функционирование — Несколько раз в неделю, в присутствии делегата НКТ, будут происходить собрания ответственных работников Бюро, для обмена мнений по следующим вопросам: обсуждение внутреннего и внешнего положений, самокритика произведенной работы, практические предположения на будущее, перспективы и т.д. Эти собрания необходимы, чтобы обеспечить связную работу всех бюро и полное использование инициативы каждого. Они должны проходить в атмосфере личной и коллективной ответственности. Все решения будут сообщаться уполномоченным представителям НКТ для утверждения.

в) Издательство. — Коллективизация или реквизиция всех полиграфических предприятий в Барселоне создает чрезвычайно благоприятные условия для издания всевозможного печатного материала с минимумом расходов. Было приступлено к созданию, как независимой организации, графического справочника анархо - синдикалистов и международных анархистов.

Технический персонал, умеющий набирать на различных европейских языках уже, частично, находится в Барселоне.

Печатный материал, подготовленный Бюро, состоящим из делегатов МТР, будет печататься на месте без излишних расходов. Специальный технический доклад, все стороны разбирающий тот вопрос, будет представлен заинтересованным сторонами.

г) Радио. — Первую реформу, которую необходимо произвести, это — увеличить мощность и, быть может, изменить длину волны существующей радио - станции. Будет составлено расписание эмисий, принимающих во внимание все факторы, влияющие на качества передачи в каждой стране и на возможно большое распространение нашей радио - программы.

Текст эмисий на иностранных языках будет контролироваться соответствующим бюро и эти передачи будут официально представляемы как исходящие от Международного Товарищества Рабочих.

Средства исполнения

Практические меры и способы исполнения будут установлены в согласии с районными и национальными органами НКТ.

Практические мероприятия

Н.К.Т., ее районы и синдикаты предоставят помещение международному отделу пропаганды и снабдят его необходимыми предметами для выполнения его миссии.

Финансовые мероприятия

М.Т.Р. оплачивает расходы своего постоянного делегата или районного делегата в Испании.

Н.К.Т. и ее районы оплачивают расходы делегатов секций и необходимый для функционирования международного отдела пропаганды персонал.

Делегаты М.Т.Р. и его секции приложат все усилия для координации внутренних и внешней пропаганды и материальной поддержки в согласии с ответственными органами Н.К.Т.

Разное

В случае, если необходимость заставит прибегнуть к новым постановлениям, они будут приняты специально назначенными делегатами М.Т.Р. и его секций и представителями Н.К.Т. и ее района.

НОВОЕ КАТАЛОНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ИСПАНИИ

Каталонское Правительство только что произвело четвертое с начала гражданской войны изменение в своем составе. 31-го июля, под председательством Хуан Казанова, было составлено коалиционное прави-

тельство, в котором каталонские левые (Эс-куера) были представлены 9 членами, социалистическая партия 3, Каталонское действие (сепаратисты), Союз Арендаторов Земли (рабассеры) по одному. Оборона была поручена технику полковнику авиации Сандино.

Но анархисты И.Ф.А. и Н.К.Т. немедленно отнеслись с недоверием к этому новообразовавшемуся правительству, в котором синдикалисты являлись ставленниками Всеобщего Союза Трудящихся, враждующего с НКТ и довольно малочисленному в районе. И они добились отставки советников - социалистов, которые, во избежание более серьезных столкновений, покинули правительство. 5-го августа правительство было реорганизовано. Вышедшие из него социалисты были заменены членами Каталонской Лево́й. Такое положение длилось до конца сентября. Каталонское правительство не имело достаточного авторитета, будучи ограничено со стороны второй власти — влияния НКТ и ИФА, анархо-синдикалистов. Это увеличило трудности в тот самый момент, когда Франко, пользуясь отсутствием единого военного командования, с успехом вел наступление.

Тогда и НКТ решила принять непосредственное участие в правительстве. Для спасения... принципов, НКТ потребовала, чтобы новый кабинет назывался «Советом Генералитета Каталонии», вместо «Совет Правительства Генералитета Каталонии». Новое правительство было составлено из трех представителей НКТ, двух — Объединенной Социалистической Партии (по одному — от Рабочей Партии Марксистского Единения и Союза Арендаторов. Каталонское Действие было представлено министром без портфеля, а оборона осталась порученной полковнику Сандино. Компетентная исполнительная власть не Хуану Казановас, а Хозе — Республиканской лево́й, министру финансов. Правительство 25 сентября представляло наиболее широкую концентрацию, которая имела место в Каталонии, так как все партии и антифашистские организации были в ней представлены. Но, с течением времени, в по-

литическом положении произошли крупные перемены. Каталонская социалистическая партия сдвинулась к коммунистической, образовав Объединенную Социалистическую Партию, в которой от социалистов осталось только название, ибо эта партия просто на просто превратилась в коммунистическую, входящую в Коммунистический Интернационал. Немногочисленная в начале, получавшая крупную помощь от русских товарищей и пользуясь вполне понятным престижем, вытекающим из факта активной помощи Советской России в обороне Испании против ита́ло - германо - марокканского нападения О.С.П. быстро увеличилась.

Усиление вышеуказанной партии быстро привело к конфликтам, в особенности Рабочей Партией Марксистского Единения, тропкинского или, точнее, максималистического направления, представленной в Совете Генералитета министром правосудия Андре Нином. С своей стороны Р.П.М.Е. жестоко критиковала «сталинскую диктатуру» в России и оспаривала политические лозунги О.С.П., как оппортунистические (защита республиканских свобод, восстановление парламентского режима, сохранение частной собственности).

Эта борьба закончилась выходом Р. П. М. Е. из правительства Генералитета. Одновременно был исключен и делегат Каталонского Действия за сепаратистские тенденции этой группировки.

Новое правительство, составленное 17 декабря, и в котором Террадайнс остался первым советником имеет четыре представителя от Н.К.Т., три — от О.С.П., но в качестве представителей В.С.Т., три — от Каталонской Лево́й, и все тот же представитель Союза Арендаторов. Отметим, что О.С.П., для получения согласия Н.К.Т. на исключение Р.П.М.Е., — чему раньше противилась Н.К.Т., согласилась доверить ей наиболее важные посты: Оборону, Экономии и Общественные службы.

Каковы будут последствия новой структуры Каталонского Правительства? Мы полагаем, что необходимость совместной борьбы возьмет верх над попытками захвата или гегемонии со стороны того или другого

политического движения. Во всяком случае, только что прошедший кризис доказывает, что в СССР не мечтают о «Собетской» Каталонии, отделенной от остальной Испании, но что она приняла позицию против сепаратистских тенденций за единое правительство и единое военное командование. Манифест испанской компартии лишь раз заявил: «Чтобы выиграть войну необходимо обеспечить республиканский порядок и уважение республиканских законов».

«Попюлер», орган социалистической французской партии.

Мелкая буржуазия и коллективизация

Мелкая буржуазия, средний класс, весь этот обширный сектор мелких собственников, мелких коммерсантов, мелких промышленников и конторских служащих, живущих очень скромной жизнью, в нашей стране всегда оставались, в значительной своей части, безучастными к социальной действительности. Происходящие события, потрясающие политическую и социальную жизнь страны, не затрагивают мелкую буржуазию, остающуюся вдали от них и совершенно к ним безучастную.

Для всех нас, привыкших жить ежедневно в бурном кипении социальной жизни; для всех нас, непосредственно работавших над созданием бунтарского духа, сознания справедливости в массе, крушение режима не могло застать врасплох, а так же и наступление новой эры. Мы знали, что, в конечном счете, несправедливость, беспечность и произвол приведут к развалу этот режим, проклинаемый свободной мыслью. Не так обстояло дело с теми, кто хоть и вынужденный жить скромно, получил буржуазное воспитание. Этих последних новая обстановка застала совершенно врасплох.

Мелкая буржуазия требует, в значительной своей части, известного периода восприятия действительности данного момента, так как она еще остается насквозь пронизанной пороками, неотъемлемыми от экономической системы, дающей ей кое-какие льготы. Сугубый эгоизм собственника, ограниченный взгляд на вещи, вы-

текающий из того, что все рассматривается под углом зрения личного интереса, все это возбуждает у них известный страх к экспериментам, направленным в сторону коллективизации.

Совершенно необходимо, чтобы мелкие собственники, коммерсанты и др., как в деревне, так и в городе, переломили себя и восприняли новый порядок, построенный на принципе общего интереса. Архаическая система, устанавливающая привилегию кучки, больше существовать не может. Нужно окончательно покончить с буржуазным эгоизмом, на котором покоится капиталистическое общество. И совершенно необходимо, чтобы все, кто призван жить по другим правилам, хорошо их поняли.

Труд, ставший обязанностью каждого, и когда эксплуатация человека человеком, признанная как основа тирании у всех людей и во все времена, исчезла, существовавшие эгоистический частной собственности не оправдывается никаким здравым смыслом. Она будет заменена коллективной системой, которая займется производством и потреблением.

В Каталонии, где уже зародилась коммунальная собственность на вещи и общественный труд, отмечают значительные достижения и прогресс. Если эти опыты окончательно восторжествуют и примут более широкий размах, то нет никакого сомнения, что эти новые обычаи завоюют себе симпатию и твердо установятся как только фашизм будет побежден, который теперь отнимает значительную часть нашей энергии.

Постараемся, чтобы мелкая буржуазия поборолa свой страх и оказалась на высоте исторического момента. Постараемся, чтобы она объединила свои усилия с усилиями рабочего класса, чтобы все мы вместе могли приступить к постройке новой социальной организации на более солидных началах, к той самой организации, которая должна сделать из Испании образец для организации жизни во всем мире.

Час, когда мы должны встать выше предрассудков и старых эгоизмов, отразивших сознание, пробоял. Все мы дез-

Интернациональный анархический конгресс

Федерация Анархистов Пиренейского Полуострова (ФАИ)

Всем анархическим организациям, группам и отдельным товарищам всего мира

Решение созвать Интернациональный Анархический Конгресс, принятое национальным Пленумом Ф.А.И. еще очень давно и принимая во внимание международные конвульсии, вызванные борьбой народов Пиренейского полуострова против интернационального фашизма, борьбой, в которой участие анархистов решительно, Федерация Анархистов Пиренейского Полуострова (ФАИ) считает, что час приведения в исполнение вышеуказанного решения теперь настал.

Для этого была создана комиссия, которой было поручено заняться всеми подготовительными работами по созыву названного Конгресса. Эта Комиссия, получившая имя Комиссии по Организации Интернационального Анархического Конгресса, будет пропечатывать свою корреспонденцию круглой печатью, на которой, кроме названия комиссии, будет стоять: Федерация Анархистов Пиренейского Полуострова (ФАИ), снабженной подписью Фидель Миро, ответственного представителя. Чтобы обеспечить ему наибольший успех, на этот Конгресс будут приглашены все группы, организации, редакции журналов и отдельные товарищи всего мира. Мы просим товарищей всех частей света, теперь же приложить все усилия к тому, чтобы все анархисты смогли присутствовать на этом Конгрессе.

Комиссия немедленно же войдет в самые тесные сношения со всеми группами, организациями и отдельными товарищами, чтобы получить от них максимум инициативы, информации и пропаганды, которые должны будут обеспечить наибольший успех Анархического Конгресса. Следовательно,

мы должны показать, что мы сможем, способны сделать из понятия взаимопомощи правило жизни. Мы должны братски объединить нашу волю под честной эгидой труда для всех и со всеми.

мы просим всех, как только получают или узнают об этом извещении, войти немедленно в сношения с Организационной Комиссией.

По мере возможности, Комиссия будет сообщать организациям и группам все сведения и подробности, которые у нее будут иметься.

Но мы все таки указываем на необходимость, вызываемую быстро развивающимися событиями, чтобы мы приложили все усилия, как можно скорее созвать Интернациональный Анархический Конгресс.

За Федерацию Анархистов Пиренейского Полуострова (ФАИ)

Секретарь.

ЦИРКУЛЯР № 1

Комиссия по организации Интернационального Анархического Конгресса (ФАИ)

Отдавая себя ясно отчет в международных конвульсиях и важности исторического момента, который мы переживаем, Ф.А.И. считает необходимым созвать Интернациональный Анархический Конгресс, на котором соберутся анархисты всего мира и зафиксируют в точных и ясных выражениях свою позицию по отношению к полному распаду, как в области политической, так и в области экономической, капиталистического общества и по отношению к тем грандиозным событиям, которые приближаются.

Чтобы придать этому Конгрессу наибольшее значение и обеспечить ему наибольший успех, мы считаем необходимым обратиться с просьбой дать свое мнение на следующие вопросы:

- 1) Важность Интернационального Анархического Конгресса.
- 2) Вопросы, которые должны быть возбуждены на этом Конгрессе.
- 3) Предложения, могущие ему обеспечить наибольший успех.

Принимая во внимание быстрый ход событий, мы просим ответить на настоящие вопросы в наиболее краткий срок.

С братским анархическим приветом
Комиссия.

ЦИРКУЛЯР № 2.

Комиссия по Организации Интернационального Анархического конгресса (ФАИ)

Товарищам.....

В циркуляре «Комитета Пиренейского Полуострова ФАИ», который известил об организации настоящей Комиссии, а также и в нашем первом извещении, мы указывали на своевременность и необходимость созыва Интернационального Анархического Конгресса. Количество ответов, полученных нами, было сравнительно небольшое, но мы все таки считаем, что вы вполне с нами согласны в необходимости его созыва.

Тяжелые события, которые переживает Испания, неустойчивое положение во всех странах и в частности, в европейских, заставляют нас действовать более энергично и решительно тем более, что социалисты и коммунисты окончательно потеряли революционную и классовую силу и идеализм. Народы, усыпленные реформистскими мероприятиями социал - демократов, большевиков и тред - юнионистов, начинают определяться в сторону революционной борьбы. Теперь, больше чем когда бы то ни было, анархизм имеет все условия для того и должен выработать точные и ясные линии поведения в классовой борьбе. Для этого совершенно необходимо, чтобы революционный анархизм наиболее тесно связался и координировал свои действия в международном масштабе.

Мы должны приготовить себя, чтобы дать ответ хорошо сплоченному международному капитализму, прибегнув к нашему революционному действию, которое также должно быть связано тесными узами на всей земной поверхности.

Чтобы продвинуть, поскольку это возможно, открытие Конгресса, которое предполагается на 1 мая сего года, мы просили бы, чтобы товарищи ответили, в более или менее конкретной форме на следующие вопросы:

- 1) Какие могут встать перед вами трудности для прибытия вашего на Конгресс?
- 2) Какие имеются возможности для их устранения?
- 3) Считаете ли целесообразным, чтобы

открытие Конгресса было в Барселоне?

Чтобы не терять слишком много времени, мы сообщаем вам порядок дня, который имеет временный характер и будет переработан в окончательном виде после того, как мы получим от вас ответ со всеми указаниями к нему, которые вы найдете нужным сделать.

ПОРЯДОК ДНЯ:

1. Доклад Комитета Пиренейского Полуострова Ф.А.И. об испанских событиях и нашем участии в них.
2. Интернациональное Анархическое движение и борьба в Испании.
3. Отчет делегатов.
4. Интернациональная Анархическая Организация.
 - а) Декларация наших принципов
 - б) Тактика борьбы (совместные действия, участие синдикатов, организация юношества, подготовка и проведение в действие революционных методов и т. д.
 - в) Способы международной и национальной организации.
 - г) Представительство в международной организации и ее миссия.
5. Позиция анархистов в возможной международной борьбе.
6. Анархизм и социальная реконструкция.
7. Позиция анархических организаций в отношении связи с той страной, в которой анархическое движение взяло бы верх в революционном движении.

Мы рассчитываем, что товарищи немедленно приступят к обсуждению намеченных вопросов и сообщат нам те дополнения к порядку дня, которые они сочтут нужным сделать. Мы просим это сделать в возможно короткий срок, чтобы мы могли все полученные дополнения отправить для окончательной их обработки.

В ожидании вашего ответа, с братским приветом

Комиссия.

Адрес:

Direccion para correspondencia:

Jean Emile AY

42 Route Thuir

Perpignan—P. O.

FRANCIA.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ Н.К.Т.
(СНТ)—И.Ф.Д. (ФАИ).

Товарищи!

Вот уже шесть месяцев прошло с того момента, когда вооруженный фашизм, руководимый испанскими генералами по заранее выработанному плану международным капитализмом пытался задуть последнюю возможность самозащиты рабочих Испании. Это ему не удалось. С голыми руками рабочие бросались против фашистских орудий и пулеметов. И, несмотря на это, враг дрогнул, отступил. Он потерпел первое поражение, на которое он рассчитывал: на легкую победу, государственный переворот. Фашистские пушки оказались в руках рабочих, которые они не замедлили повернуть против врага. Рабочий не сдался — он вступил в борьбу, в борьбу, в которой он хочет победить или умереть, в которой он хочет раз и навсегда положить конец подлым заговорам своих вековых насилильников и эксплуататоров. Но для этого есть только одно средство: Социальная Революция. Борьба на фронте, Революция в тылу. Вот тот путь, на который вступил сейчас весь борющийся, революционный народ Испании. Мировому капиталу он противопоставляет международную солидарность всего мира. И вот уже шесть месяцев он ведет борьбу, твердо зная, что его победа есть смерть мирового капитализма, освобождение трудящихся и угнетенных всех стран и всех народов. Он не сомневается в своей победе, так как умереть он все таки не может, но он — весь народ.

Революционная Испания — не дело какой либо кучки людей или политической партии, это — стихийный порыв всего испанского народа, его чаяния, его стремления.

Достаточно взглянуть на любой боевой участок фронта, достаточно посмотреть, с каким самоотвержением, с каким героизмом отражаются самые отчаянные атаки вооруженных до зубов, дисциплинированных, обученных по последнему слову военной техники фашистов, достаточно взглянуть на

эти тысячи, десятки и сотни тысяч самоотверженных героев, которых никто не посылал, никто не приказывал, никто не заставлял идти на фронт и на смерть. Достаточно все это увидеть, чтобы понять, что все это может быть создано всем народом. Тот же героизм, ту же самоотверженность, то же твердое и ясное сознание своего долга и ответственности можно встретить на фабрике, на заводе, на улице, в конторе, всюду, где нужно приложить свой труд на общее дело создания нового общества. Капитализм, при отступлении, не оставил камня на камне: он сделал все, чтобы обеспечить за собой победу. Но и здесь он потерпел поражение. Из ничего, без знаний, часто, без нужных специалистов, с теми же голыми руками, с какими он бросился на фашистские пушки, испанский трудящийся сейчас создает свою новую жизнь. Он строит, создает и организует. Не по приказу, по собственному почину, добровольно он встает на работу. Вот почему он с такой легкостью идет на все лишения и не жалеет своих сил. Его никто не звал, никто ему не приказывал, он сам все начал делать и сам теперь он организует свою деятельность.

С быстротою молнии, на глазах у врага, при громе пушек вырастают фабрично-заводские советы и деревенские коллективные хозяйства. Рабочий, крестьянин и всякий другой честный труженик знает, что он не может терять ни одного дня, ни одного часа, он должен сейчас же приступить к работе, чтобы выйти победителем. Он это делает. Все, что сделано (а сделано уже очень много), есть результат его трудов, трудов испанского революционного народа, его личного почину и есть его достоинство. Все это создает естественную любовь к тому, что он сейчас защищает и нет той силы, которая способна была бы вырвать у него все это. Достаточно это понять, чтобы сказать, что в Испании фашизм нашел себе могилу.

Трудящиеся всего мира, угнетенные всех стран, на вас рассчитывает испанский революционный народ, к вам обращается за помощью и от вас и только от вас он рас-

чинивает ее подучить. Он верит вам и не ошибается в этом. Тысячи добровольцев спешат на помощь к испанским братьям, тысячи уже отдали свою жизнь. Ни кары, ни запреты своих правительств не останавливают их. Неоднобратно пролетариат всего мира проявил в самых различных формах свою братскую солидарность. Но это — еще не все. Враг еще не побежден и мы непрерывно, неустанно должны это помнить. Мы должны прилагать все усилия, чтобы он был как можно скорее стерт с лица земли. И с этим призывом обращаются теперь к вам, угнетенные всех стран, Н.К.Т. (СНТ) — И.Ф.А. (ФАИ) от имени всего испанского народа.

МАНИФЕСТ ИБЕРИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АНАРХИСТОВ (ФАИ).

И.Ф.А. (ФАИ) не остается в стороне от событий. Она в них принимает участие или в качестве борца или в качестве созидателя. Представляя из себя революционную силу, она не только указывает путь угнетенным пролетарским масса — она идет впереди них: она захватывает оружие, берет машины, борется и создает.

Вместе с народом она переносит его страдания. Она борется за идеал своего народа. Вот почему она не допустит никогда диктатуру и не позволит, чтобы ей ее навязали другие.

Когда И.Ф.А. (ФАИ) борется, члены ее, вкладывают в жар своей крови, в мочь своих мускулов еще и другое, чем только веру в свой идеал: они вкладывают все чаяния своего народа, Свободу, о которой мечтает весь мир.

Когда нужно что либо осуществить (ФАИ) не декламирует, не кричит о своих доблестях, не гремит тоном демагога: но работает, борется, продвигается вперед.

Война еще не выиграна. Революция также еще не сделана. Для первого, И.Ф.А. (ФАИ) дала и продолжает давать лучших из своих людей. Для второго, она хочет, чтобы народ приступил к действию, так как только тот народ может быть свободным, который сам создает. На войне она

была с Асказо и Дуррути, со своими героями миллионерами, со всеми этими людьми как в уличных боях, так и на фронте. Для Революции она работает в тылу, посвящая себя новому строительству, увлекая за собой, так как она знает, что Революция скоро начнется и что нужно установить равенство, свободу, довольство для всех, не позволяя себя снова заковать в цепи.

Не нужно себе говорить, что мы должны быть авангардом народа. Им нужно просто быть. И И.Ф.А. (ФАИ) показала в Испании, что она была и остается авангардом в борьбе за свободу.

Она всегда отвергала людей — пешек. Она обесценила бы свое прошлое и свой идеал, если бы она этого хотела. Анархисты приступили к организации в период наиболее тяжелых репрессий. Теперь же они должны увеличить, так как теперь они являются душой народа и представляют самую могущественную гарантию Революции.

Анархист был всегда борцом. Государственность, беспомощность, продолжительная бездеятельность всегда были чужды его революционному сознанию. Когда он вступает в борьбу с встречающимися преградами, он вступает в нее, чтобы победить или умереть. Так как цель его — построить новый мир, он собирает все предельные до него эксперименты, изучает предшествующие революции, сравнивает с окружающими его условиями, зондирует требования народа и создает.

Всем товарищам фронтовикам, всем тем, которые стремятся внести в сознание антифашистских колонн чувство свободы, анархистам, всем тем, кто первые бросаются в атаку и готовы умереть во имя победы, всем товарищам мы говорим: И.Ф.А. (ФАИ), дорогая вам И.Ф.А. (ФАИ) подняла свое символическое знамя Революции благодаря вашему усилению, благодаря вашему героизму, благодаря вашему примеру. Имея ее в тылу, необходимо беспрерывно следовать по пути исторической миссии строительства нового мира. Под знаменами ее знамени (черно-красным) группируются те,

кому написаны страдания на земле, кто должен идти к победе.

Товарищи, в тылу, мы говорим вам: никогда не забывайте, что никто не может покушаться на волю народа. И что эта воля есть та воля, которую воплощают идеи анархизма, это — та, которая стремится уничтожить рабство во всех его формах, это — та, которая стремится построить настоящий социализм и настоящую свободу.

НОРМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Конференция Фабрично - заводских Советов Валенсии приняла, в середине декабря, единогласно следующие положения:

Гражданская война ставит рабочих и синдикаты перед очень большой и в высшей степени ответственной задачей. Наши попытки сводились к тому, чтобы дезорганизацию индустрии, получившуюся вследствие революционных событий, привести в порядок с помощью контроля местных организаций. Но получились противоречия хозяйственного и профсоюзного характера в междубабычных отношениях.

Эти трудности доказывают нам, что эта свобода местной самостоятельности хозяйственных органов не гарантирует функционирования бесконфликтного развития промышленности. Социализация должна проводиться на основании общенационального плана.

В нашей легкой индустрии существует много заводов, которые, в силу их незначительности, не могли себе позволить сотрудничество специалистов, которые составляют основу хозяйственного развития. Эгоизм большинства фабрикантов мешал соединению индустрии, усовершенствованию техники и осуществлению рациональной эксплуатации. Они занимались междоусобной борьбой на жизнь и смерть, вместо того, чтобы координировать свои действия. Революция положила конец буржуазному хозяйству в основном его принципе: спроса и предложения. Наша социализация должна устранить ошибки старого хозяйства и приступить к организации всех отраслей промышленности. Все отрасли и секторы промышленности и индустрии должны быть включены в один общий органический план. Это поможет

нам избежать конфликтов между союзами разных отраслей. Дальнейшим шагом, должно быть непосредственное сношение производственных органов с органами распределения, чтобы тем самым уничтожить всякую возможность спекуляции.

Организационная схема индустрии должна принять следующий вид: фабричный совет: он составляется из одного техника, одного служащего и по одному представителю рабочих от каждого цеха. Он несет ответственность за распределение работы в соответствии с указаниями районного совета. Фабричный совет избирается всеобщим собранием завода. Районный совет контролирует фабричное управление своего района. Он распределяет заказы и производственные материалы соответственно потребностям района. Он изучает возможности производства новых товаров и ищет рынков для их сбыта. Кроме того он изучает методы производства и работает в направлении технического усовершенствования. Он занимается организацией технических профессиональных школ. Районный совет избирается всеобщим собранием рабочих этой области.

Совет индустрии держит связь между всеми местными, районными и национальными отраслями производства. Он устанавливает генеральный план для всей промышленности на индустриальный сезон или на один год. В согласии с районными советами, он устанавливает стоимость продукции, а также заботится о поднятии морального и материального положения рабочих всей индустрии. Через индустриальные советы других индустрий, он держит связь с национальным хозяйственным советом, который является центральным органом всей индустрии всей страны. Этот индустриальный совет избирается конгрессом представителей и районных советов данной индустрии.

Социализации должно предшествовать основное изучение хозяйственного положения всех индустрий. Для этой цели все секции должны представлять в хозяйственный совет свои планы, которые должны показать мощность продукции специализиро-

ванных индустрий, а также и число рабочих, происхождение сырых материалов, возможности сбыта и возможности развития этой индустрии.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АРМИИ

(Три выдержки из «Солидад Обреро»)

По окончании войны и изгнании неприятеля, перед народной армией предстанут новые задачи, не менее важные, чем в изстоящий момент. Пролетариат имеет дело с серьезными противниками. Международный фашизм, вооруженный до зубов, будет представлять для Европы, в течение некоторого времени, крупную опасность. То, что СССР вынужден охранять свои границы с оружием в руках, заставляет серьезно призадуматься. Трудящиеся вынуждены создать свою армию, которая будет, не что иное, как вооруженный народ. Не только нельзя поручить такой могущественный военный аппарат милиции в том виде, как она организована в настоящий момент, но и крайняя необходимость спасения революции требует организации регулярных полков, дивизий и т. д. с их ответственным командованием и пополнением их современной техникой. Необходимо также обеспечение семей солдат этой новой армии.

По вопросу о создании народной армии существовало полное единогласие. Такое же единогласие существовало в отношении ее внешности и структуры. Все фракции, которые вошли в антифашистский фронт, пришли к полному согласию в необходимости серьезно организовать силы, которыми они располагают. Что касается нас, то мы не были последними, призывавшими к этой организации, необходимой для того, чтобы добиться полной победы. Наш орган, выступивший с первого дня на борьбу за Революцию, энергично защищал установление единого командования с полной его ответственностью и с координацией всех его действий. Подобное же постановление вынесли все антифашистские фракции. Мы были наиболее горячие защитники единого командования в тот момент, когда он еще

не был проведен на практике, хотя об этом все говорят и за это ратуют, но не имеют достаточной воли, чтобы довести это до нужного конца. В данный момент мы предлагаем организацию милиции в полки и дивизии, чтобы достигнуть трех вышеуказанных пунктов, без чего победа становится невозможной.

Генеральный штаб, на который мы рассчитываем и который должен сам себя показать, будет управляющим органом, составленным из лояльных элементов, техников и соответствующих своему назначению, готовых работать не за страх, а за совесть; этот генеральный штаб, снабженный всем необходимым, будет руководить борьбой, поведет людей, распределит оружие и снабжение не будучи ограничен ничем другим, как только тем, что диктуется общественной безопасностью и возможностью данного момента.

Этот генеральный штаб должен составлять общие оперативные действия, принимая во внимание соображения отдельных секторов. В его руках должны сосредоточиваться все сведения, относящиеся к каждой операции, учет людей и оружия и других средств, необходимых для борьбы.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СТАРОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Валенсия, 23-12-36. Министр правосудия имел беседу с журналистами по поводу создания рабочих лагерей. Он заявил, что эта мера будет немедленно проведена в жизнь. Первый лагерь, наверное, будет основан в гор. Тотана. Муниципалитет, Народный Фронт и Синдикальные организации пошли целиком этому начинанию навстречу, уступив министру старый монастырь.

Как в рабочем лагере, так и в старых исправительных заведениях исчезнет старая исправительная система, добавил Гарсия Оливер. Заключенных больше не будут заставлять мотать клубки, плести сандали, делать пояса, но им будут давать работу, имеющую большее значение и более нужных предметов. В настоящее время разрабатывается декрет об амнистии на социальные, политические и уголовные преступления, совершенные до 15-го июля, ко-

ПРОЛОГ РОМАНА «ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ»

На Юге Украины, в озаренном свободой Гуляй-Польском районе, проникнутые анархическими идеями, бьются не на жизнь, а на смерть, с напуганными со всех сторон реакционерами, — крестьяне-повстанцы.

Люди от сохи, с пришедшими к ним на помощь людьми от станков, предоставленные самим себе, ведут ожесточенное вооруженное соревнование за интересы идеи, обеспечивающей независимость трудовых масс, за вольный человеческий труд и за основанное на свободе, равенстве и высшей солидарности, мирное сожительство, при котором не должно быть ни бедных, ни богатых, ни обладающих правом, ни бесправных, ни повелителей, ни подчиненных и, наконец, ни угнетателей, ни угнетенных.

Предводительствуемые безземельным крестьянином села Гуляй - Поле, Нестором Махно, называемом среди повстанцев: «Первым среди равных», трудящиеся представляют из себя грозный «форт-пост», окруженный неприятелем, который ни за что не желает уступить своих позиций реакционерам всех оттенков и мастей, несущим на своих штыках обгосударствление, нетер-

пимость к свободе и экономическое порабощение масс.

Случи о самоотверженности, героичности и полной преданности анархическим идеям крестьянско - рабочих повстанцев, с Махно во главе, разносятся далеко за пределы Гуляй - Польского района и достигают Анархической Конфедерации «Набат», которая, учитывая важность совершающихся в Гуляй - Поле событий, а также и серьезность текущего момента, командирует в распоряжение повстанческих войск трех ответственных и преданных делу революционной борьбы, членов конфедерации. Всеволода Волина, Марка Мрачного и Иосифа Эмигранта.

Таким образом под черные знамена, знамена мира, свободы и вольного труда собираются товарищи анархисты со всех концов России, а некоторые приезжают даже из далекой Америки. Яркими обликами на колоритном фоне партизанской борьбы мелькают фигуры анархистов: Федерация Щуся, Елены Келлер, Галины Кузьменко, Виктора Безаша, Петра Зонова, Александра Калашникова, Якова Домашенко, Исидора Лютого, Семена Каретника, Алексея Марченко, Моисея Когана и Абрама Шней-

торый отметит законодательство народной воли, существовавшей до военного мятежа, за исключением преступлений, совершенных фашистами, на которых он не распространяется, как на бывших преступников, подлежащих аннулированию, которые будут произведены в регистрах «наказуемых и мятежников», на основании уже опубликованного декрета.

Новый состав Арагонского Районного совета Обороны

Он был сконструирован в следующем составе:
Председатель Х. Асказо Н.К.Т. (СНТ)
Информация и пропаганда Е. Виньяоалефс Н.К.Т. (СНТ)
Общественной безопасности А. Вайонс Н. К. Т. (СНТ)
Земледелия А. Арнал Н.К.Т. (СНТ)

Труда М. Чиска Н.К.Т. (СНТ)
Путей сообщ. Л. Монтолпу Н.К.Т. (СНТ)
Снабжения Е. Мартинец Н.К.Т. (СНТ)
Правосудия Ж. П. Мантекон (Л.Р.)
Финансов Ж. Грация (Л.Р.)
Просвещения М. Латоре (Л.Р.)
Гигиены и общественного призрения

Ж. Дуке (К.П.)

Торговли и промышленности С. Пеньяроча (К.П.)

Ген.секретарь В. Павон (К.П.)

ПРИМЕЧАНИЕ:

Н.К.Т. (СНТ) — Национальная Конфедерация Труда (анархо - синдикалисты). В.С.Т. — Всеобщий Союз Труженников (общесиндикалистический синдикат) Л.Р. — Левые Рес- публиканцы (радикалы) Н.К. — Коммунистическая партия.

дсра.

Спаянные братской солидарностью анархизма в одну семью, в которой «ни есть ели, ни есть пудей», в чрезвычайно неблагоприятной обстановке творят величайшее дело защиты от притеснителей прав Человека и гражданина, повстанцы.

Там, где во всем величии торжествует свобода, в условиях окружения разнородным противником, совершаются величайшие трагедии людей, гордо и смело поднявших черное знамя против духовного и физического порабощения — наследия мрачного прошлого.

Борющиеся, как и всякие люди подвержены разного рода переживаниям до чувств любви включительно, любви горячей, искренней и очень часто готовой на подвиги и самопожертвования.

Движение растет и ширится, армия повстанцев, по мере передвижения с места на место увеличивается подобно снежному кому.

Но исконные враги свободы и народа не дремлют, сияясь в адовой злобе погасить разгоревшееся ярким пламенем Махновское (анархическое) движение: против двадцати тысяч сабель крестьян повстанцев большевики — государственники, опасаящиеся за свое существование и за свой режим, бросают миллионную армию, которая начинает постепенно зажимать повстанческие отряды «в железные тиски».

Тем не менее, не взирая на неравенство борющихся сил, повстанцы, проникнутые преданностью анархическим идеям, продолжают титаническую вооруженную бо-

рьбу с врагом, покрывая себя неуязвимой, бессмертной славой героев и стойких революционеров.

В разгар неравной борьбы случайное опасное ранение руководителя движения Н. Махно, принуждает эвакуировать его за границу, там обрушиваются на него: голод, холод, страдания по тюрьмам, хождения по мукам и наконец... двухкошная мансарда в Париже.

Великий, однако, остается великим: в трудно-описуемых, тяжелых условиях Махно, со свойственным ему стоицизмом, остается прежним Махно: он безропотно переносит невзгоды, лишения и болезни, смело шагая по жизненным вехам со своей верной подругой Галиной Кузьменко.

Обрадованный полученными письмами с родины, идеолог крестьянского движения рвется на Украину, чтобы, приобщаясь к родному ему по крови, духу и идеям народу, вновь вступить в доселе неслыханное, вооруженное соревнование с угнетателями свободы и народа — большевиками.

Мечтам его однако не суждено было сбыться, так как подкараулившая смерть настигает в Париже.

Скромная в два слова надпись на барельефе — крематория в Пер-ляшез: «Нестор Махно» говорит о том, что Махно был из строя борцов за правое дело, но за то сознание приводит к мысли, что идея Махновщины (анархизма) жива, так как она БЕССМЕРТНА.

Алексей Николаев.

Рага.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд студельный?
Будь прав или виновен он,
Пред нашей правдою земною,
На век он Высшею рукою
В царевницы заклеямен.
А ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о, тень поэта,
Мир светлый праху твоёму!..
На зло людскому тщеславию,
Велик и свят был жребий твой...
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил
И, осененный, опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь,
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Ф. Тютчев.

Погиб поэт... Невольник чести
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и с жаждой мести,
Поникнув гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид;
Восстал он против мнений света
Один, как прежде — и убит...
Убит... К чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья —
Судьбы свершился приговор.
Не вы ль сперва так долго гнали
Его свободный, чуждый дар
И, для потехи, возбуждали
Чуть затавившийся пожар...
Что ж. Веселитесь... Он мучений
Последних перенести не мог.
Угас, как свечот, дивный гений,
Увял торжественный венок...
Его убийца хладнокровно

Навел удар — спасенья нет:
Пустое сердце бьется робко,
В руке не дрогнет пистолет.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока,
Смеясь, но дерзко презирая,
Земли чужой закон и нравы:
Не мог упасть он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку подымал.

И он погиб и взят могилей.
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности немой.
Боспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы протоптан-
ной
Вступил он в этот свет, завистливый и
душный

Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам безбожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?
И прежний снят венок, другой венок, тер-
новый,

Убитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Извили славное чело...
Отравлены его последние мновенья
Коварным шопотом безчувственных невежд.
И умер он с глубокой жаждой мненья,
С досадою тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки дивных песен,
Не раздаваться им опять.
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов
Пятою рабскою поправшие обломки
Грою счастья обиженных родов
Вы, жадною толпою стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи.
Танцуете вы под сению закона,

Недопетая песня

(В сотую годовщину трагической смерти русского поэта).

Погиб поэт, невольник чести,
Пал оклеветанный толпой..

М. Лермонтов.

I.

Замки оков я разбиваю!
И всех врагов я вызываю
На грозный суд,—на суд кровавый
За честь свою и подвиг правый!!!
А мир слепых, услышав это,
Пусть он в живых убьет поэта:
Ему не мил ваш свет двуликий—
Ваш прах могил, ваш праздник дикий.
Ему не мил ваш свет разврата.
Без добрых дел, без друга-брата,
Где только ложь поет вам оды,
Где ржавый исж—ваш клич Свободы..

II

Жестокий ты, народ России!
Твои мечты, твои стихи—
С лихвой мордвы, с раздольем ширя,
С тульбой Москвы, с пургой Сибири...
В них слышен звон набатов нежных
И плач и стон цепей железных;
Рыданье вьюг, разливы весен,
Брежчанье дуг и посвист сосен.
В твою любовь и сердце фата
Вилеспузлась кровь от Азиата,
Что ты велик в труде-терпении,
Но груб и дик в властоуменности.

III.

Твой лучший сын всегда в изгнании
Кончает жизнь в лихом скитании;
Твой лучший брат ума и знания
Уходит в мир за подающим..

Пред вами суд и правда—все молчи.
Но есть, есть божий суд, наперсники раз-
врата,

Есть грозный Судия: Он ждет,
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

М. Лермонтов.

Твоя жена—твоя гордыня,
Она всегда тебе — рабыня:
А твой певец, поэт, мыслитель,
Пророк, борец и Вдохновитель,—
Чтобы роковой избежать казни,
Своей рукой и без боязни
Казнит себя. И.. умирая
Вопит любя и проклиная:
— Жестокий ты, народ России!
Твои кресты, твои витии —
Лишь символ твой святых проклятых,
Твоей рукой на крест распятых...

IV.

Пришел я в свет с душой нетленной,
Чтоб в нем воспеть красу Вселенной,
Но в нем нашел я вас — убогих,—
Слепых, глухих существ двуногих,
Кому ни я, ни песнь, ни лира,
А кровь моя нужна для пира..
Хмельная кровь из вен поэта,
Который вновь не дашь для света.
Суровый ты, народ России!
Твои мечты, твои стихи
И песни всех твоих поэтов—
Сильны лишь тем, что недопеты..

Максим Стоцкий.

**

СМЕРТЬ БОГОВ

Умрут, исчезнут в прах, все боги!
Без крепостнических оков
Останется в своей дороге
Один лишь голый человек...

М. С.

—О—

Не потому ли мы, как пыль дорог
Рассеяны безсвязно так по миру,
Что ниспровергнут наш природный бог,
Что поклоняемся мы все—кумиру;
Что хитрый грек торгашеским перстом
Нам подменил былого Громоверзца
Прискорбным, хилым, немощным Христом,
И нас крестил насильем самодержца?

Не потому ль великий наш народ
В позорном рабстве пребывал веками
И навек рабский свой из рода в род

ЦАРЬ СОЛОМОН

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас». Если даже эти горькие слова Экклезиаста написаны и не самим Соломоном, то трудно найти лучший эпиграф или лучшее заключение к рассказу о жизни мудрого царя, который дан г-жей Ж. Табуи в только что вышедшей большой книге *).

Иегова, наделяя Соломона «сердцем мудрым и разумным, подобного которому не было прежде его», обещал, «что и после тебя не возстанет подобный тебе». Библия изображает Соломона, над которым исполнилось это обещание, как «царя безподобного». Историк гораздо ближе к скептическому Экклезиасту. На расстоянии почти тридцати веков он показывает нам Соломона, очень похожего на многих других царей, далекого зачинателя тех явлений, которые мы считаем «новыми», а в действительности бывших «в веках прежде нас». Г-жа Табуи свела с легендарных высот и мудрость библейского владыки. «Нужно, — пишет она, — быть сдержанным, когда го-

воришь о мудрости Соломона. Судя по наиболее древним документам, его мудрость состояла в политической ловкости». Книга г-жи Табуи и представляет нам царя Соломона, прежде всего, как искуснейшего политика. Он был одним из древнейших «империалистов», отцов того империалистического вихря, к которому можно применить другое слово Экклезиаста: «Идет ветер в югу и переходит к северу; кружится на ходу своем и возвращается ветер на круги свои». Вот, в какой глубине веков мог рассмотреть историк первые «круги» империализма. И отдельным главам своего рассказа о Соломоне он дает без всякой натяжки самые злободневные названия: «Если хочешь мира, готовься к войне».. «Мое будущее — на морях». Так, если не проповедывал, то действовал подлинный Экклезиаст, «сын Давида, царя над Израилем».

Может быть, и образ Соломона — империалиста столь же легендарен, как и его библейское изображение. Ведь историческая наука, говорят, примерно, каждые 50 лет пересматривает свои оценки. Но сейчас г-жа Табуи нарисовала портрет Соломона не только во весь рост, и с большим талантом, но и на основании большого, в

*) G. R. Tabouis. Salomon Roi d'Israel. Preface de N. Politis (Payot).

Передавал невольными грехами? —
Как в барщину помещичьих щенят
Кормили грудью женскою Агаши,
Так и теперь колхозных поросят
Там кормят матери и сестры наши?

Не потому-ль весь мир упал к ногам
Всей этой рабской крепостной культуры —
И строит храмы умершим богам,
Дворцы деньгам, а для людей — конуры,
Которая нас учит понимать
Не сущность смысла бытия земного,
А учит всем и всюду торговать,
Обманывать, поработать другого?

Но чтобы заглушить в душе сей спор
Безверия и Веры и сомненья,

В века минувшего устремив свой взор
Я в них ищу себе успокоенья.
И твердою рукой касаюсь струн,
Пою молитву не раба земного,
А гимн Свободы, чтоб воскрес Перун
И громами очистил от слепого.

Моления рабов свой дивный храм,
Где долги и черными ночами
Все служит тот-же древний креп и хам.
Все торгует телом, кровью и грехами...
Да, я отверг религию рабов
Пред идолом свою главу согнувших
Зато и я отвергнут у богов
На всех Олимпах уж давно уснувших.
Максим Стоцкий.

значительной мере нового и широкой публике недоступного, материала археологических и иных исследований. И этот портрет нашел одобрение у такого авторитетного ценителя, как Н. Политис, написавшего к книге г-жи Табуи интересное предисловие, в котором поясняет, какие и в наше время можно извлечь полезные уроки из государственного опыта Соломона.

Среди разных форм империализма, Политис выделяет империализм еврейский. В отличие от других, он искал лишь духовного господства, но Соломон этим не удовлетворился. «Как смелый новатор, он старался присоединить к духовному владычеству и материальную гегемонию.

Это ему не удалось, и не могло удасться, так как прививка, которую он хотел сделать старому еврейскому дереву, была отравленной. Вместо того, чтобы укрепить душу Израиля, он рисковал ее развратить, давая ей вкус к роскоши и наживе и вместе с ним яд земной суеты. Случилось то, что всегда случается при таких попытках — светская власть умалила власть духовную... В течение своего долгого царствования, Соломон направлял свою энергию к наиболее высоким целям, какие может ставить себе глава народа, достойный этого имени. Он хотел сделать из своего народа великую и цветущую нацию. Но он мало разбирался в средствах и строил свое грандиозное здание на зыбкой почве. «Несмотря на ошибки, Соломон и до сих пор дает нам уроки вечной политической мудрости, и один из них — «Мир не достигается только стремлением к нему». «Если хочешь мира, готовься к войне», — этот принцип Соломона остается верным и теперь и еще на долго. Так заключает современный политик свою оценку мудрого израильского царя.

Соломон не был по натуре человеком воинственным. Империалистических целей — экономического владычества над другими народами, укрепления границ своего царства он стремился достичь мирными средствами. Для этого он создал сильное и устойчивое правительство, точное законодательство, беспристрастное правосудие, ди-

циплинированное, светской власти подчиненное духовенство. Для «внешней политики» он брал за образец соседнюю Финикию, могущество и богатство которой основывалось на обширной торговле, разнообразной промышленности и искусствах, чего не было у евреев.

Первым средством объединения Израиля явилось создание единого храма, воплощенного единого Бога и единую власть царя. Постройка храма, неразрывно связанная с именем Соломона, была актом политическим. В живой и подробный рассказ о торжестве освящения храма г-жа Табуи вносит современные ноты. Молитву царя, обращенную к собранию израильтян, после перенесения в храм ковчега завета, она представляет, как своего рода трюнную речь. «Здесь нет никакой страсти и мистицизма. Все полно холодной логики. Именно благодаря этому холодному разуму — единобожие — главная духовная сила Израиля, — вошло в историю религий прочнее, чем если бы оно основывалось только на влечении душ. И разве важно, что тут действовали политические соображения?»

Собрание израильтян перед храмом, который только что наполнила слава Господня в виде облака, напоминает парламент. Справа от царя — молодой Израиль, «его советники, начальники — министры и «приставники», генералы, представители армий — опора нового режима. Все они знают намерения Соломона и им сочувствуют. И их собственные мысли повторяют царь, когда говорит, что иноплеменники услышат «об имени великом, сильной руке и мышце простертой» Того, Кому воздвигнут храм, и что если выйдет Израиль на войну против врага, то Бог услышит молитву народа Своего и даст ему победу. И тоже политической нотой звучало напоминание о божественном происхождении власти царя, отцу которого Давиду Иегова обещал, что не прекратится его потомство на престоле Израиля, если сын его «будут ходить по закону Божию».

А «слева» слушала, с иными чувства-

ми, — «оппозиция»: вожди старого Изра-
иля, старейшины двенадцати колен, пасту-
хи, кочевники и пророки, среди которых
был и главный враг царя Ахия, суровый
пастушеский демагог. С построением хра-
ма место пророков занимало бесчисленное
духовенство — храмовые чиновники, а
власть старейшин двенадцати колен заме-
щали двенадцать царских «приставников»
над Израилем, которые должны были до-
ставлять «продовольствие», налоги натурой,
для царя и его дворца. И в сердцах сто-
явших налево уже рождались смутно те
мысли, которые через два века выразил
грозный пророк Иеремия, грозя тех, кто
«надеялся на обманчивые слова». «Здесь
храм Господень, храм Господень, храм Го-
сподень, — вертепом разбойников в гла-
зах ваших дом сей, над которым нарече-
но имя Мое?»

Храм не был еще «вертепом разбой-
ников» при жизни его строителя, но и то-
гда уже он имел большой, тоже «империа-
листический», порок — был выстроен в
кредит. Царь Тирский, Хирам, давший Со-
ломену в жены свою дочь, продавал ему и
материалы, нужные для колоссальной по-
стройки — кипарисовое и кедровое дерево,
золото, драгоценные камни, отпускал так-
же рабочих, и за это получал плату нату-
рой — пшеницу и масло. Но храм принял
громатные размеры, затем началась пост-
ройка столь же великолепного царского
дворца, платежи делались неаккуратно. И,
в конце концов, чтоб как нибудь расчи-
таться с Хирамом, Соломон уступил ему
20 городов в земле Галилейской: Хирам
был недоволен ими, но взял, конечно, так
как «наличными» долга не мог получить.

Храм, дворцы, содержание великолеп-
ного двора, жены, наложницы, украшение
Иерусалима, крепости по всей границе, ар-
мия, колесницы и лошади для них, целые
«колесничные города», корабли — все это
великолепие царской славы и военного ме-
лущества требовало огромных денег. Когда
после смерти Соломона народ молил ново-
го царя Ровоама облегчить «жестокую ра-
боту и тяжелое иго», которое наложил его
отец, разумелся, прежде всего, принуди-

тельный труд на постройках, непосильные
налоги, дороговизна жизни — всегдашнее
следствие империализма» в бедных странах.
Ни работа, ни налоги с пастухов и земле-
дельцев не могли дать Соломону нужного
ему золота. И он стал искать драгоцен-
ный металл — опору экономического могу-
щества. Для этого от израильтян потре-
бовались новые жертвы — постройка фло-
та для торговли. Хирам, главный креди-
тор, сам обладатель многочисленных кораб-
лей, снова помог: — дал материалы, стро-
ителей и «спецов»-моряков. Он надеялся,
что часть дохода с заморской еврейской тор-
говли пойдет на покрытие долга его. Ко-
рабли были построены в Средиземном мо-
ре, совершили далекое плавание, но ре-
зультат оказался скромный — торговать
было нечем, так как нужных для обмена
товаров земледельческая Пудея почти не
производила.

Но Соломон не отчаялся. Если на
Средиземном море новые мореплаватели-
евреи не могли соперничать с финикияна-
ми, нужно искать золота там, откуда оно
приходит с караванами и в Иудею и в Фи-
никию, — в таинственной стране золота
Офир, в Аравии.

Об этой морской экспедиции Соломона
упоминают несколько строк «Книги царств».
«Царь Соломон сделал корабль в Егип-
те Гавер, что при Елафе, на берегу Черм-
ного (Красного) моря, в земле Идумейской.
И послал Хирам на корабле своих поддан-
ных корабельщиков, знающих море, с под-
данными соломоновыми, и отправились они
в Офир и взяли оттуда золота четыреста
двадцать талантов и привезли царю Соло-
мону». Потом, в три года раз, тот же фар-
сисский корабль вместе с кораблями Хира-
ма, привозил золото, серебро, слоновую
кость, обезьян, и павлинов. О местонахо-
ждении этой «страны золота» много спори-
ли. Некоторые искали «копи царя Соломо-
на» даже в далеком Перу. Теперь можно
считать установленным, что Офир находи-
лся в Аравии, на южном побережье Красно-
го моря, между Аденом (библейским Еде-
ном) и Кане. Золотые рудники — кажет-
ся, не особенно богатые, — были в глубин-

не страны. Возможно, что корабли Храма и Соломона доходили до Малайских островов, где существование золота было известно в глубокой древности, и до Индии, этой главной тогдашней «страны золота». Названия товаров, которые привозил флот Соломона, обозначены в Библии санскритскими, а не семитскими именами. Так по-санскритски названо сандаловое дерево, обезьяны и павлины. Отсюда можно заключить, что корабли Соломона бывали в Индии.

Г-жа Табуи очень искусно возманизм картину этого заморского путешествия евреев за «золотым тельцом». Она описывает нам маленький еврейский порт, откуда ушли в Красное море четыре фарсисских корабля, имевшие, как можно судить по финикийским монетам, «аэродинамическую» внешность. На палубах лежали товары, предназначенные для обмена, — грубые ткани, стеклянные изделия, пестрые украшения, в обмен за которые предстояло получить золото, серебро и драгоценности. Капитаны были финикийцами, гребцы и матросы в большинстве евреи. Но даже многоопытные мореплаватели Храма не знали бурного Красного моря, и плавание представляло большие трудности. Корабли двигались вдоль берегов, и непрерывно приходилось опускаться в глубину глубокие воды. Днем шли со скоростью пяти узлов в час, а ночью укрывались в заливах. Первой большой остановкой был Аден. Здесь отдохнули и починились, так как самая трудная часть пути была еще впереди — вдоль скалистых берегов, где стояли на вершинах крепости — жилища вождов бродячих арабских племен, одновременно и раз-

бойники, и стражи караванов. Это было выгоднейшее занятие, и полудикие арабские племена собирали огромные богатства: золото, серебро, драгоценные камни были у них обыкновенной вещью. Конечно, эти царьки пустыни враждебно смотрели на корабли иудейского царя, который хотел переманить к себе их торговлю, монополизированную до сих пор «кораблями пустыни», на которых доставляли товары в разные концы Востока.

Эта конкуренция смутила и владычицу одного из южно-аравийских государств. — царицу Савскую, которая сама отправилась в Иерусалим к Соломону. Библия посвятила этому путешествию несколько строк, а восточные легенды расцвели его тысячами красок и самых причудливых узоров. Действительность была, насколько можно представить себе по данным раскопкам — гораздо прозаичнее. Царица тряслась около полугода на верблюде от своей столицы до Иерусалима, вовсе не для того, чтобы «испытать загадками» царя, слава которого дошла и до нее. Она хотела защитить торговлю своего царства и шедшие оттуда караваны. «Царь, — говорит Библия, — дал ей все, чего она желала и просила», впрочем, в обмен на 120 талантов золота и великое множество благовоний и драгоценных камней. Если говорить нашим языком, между ними был заключен «торговый договор».

Г-жа Табуи возманизм картину вероятный путь царицы так же занимательно, как и перепетии соломоновых кораблей. Правда, и о царице Савской, и о Соломоне не упоминает по интересу легендам о них.

Р. Словцов.

Иос. МАЕВСКИЙ.

КООПЕРАЦИЯ И АНАРХИЗМ

В чем выражается, главным образом, современное анархическое движение? Это вопрос далеко не праздный, а, напротив, главный, кардинальный вопрос для нас теперь — от того, в чем мы видим сущность анархического движения, непосредственно зависит определение нашей линии поведения, т. е. того, что принято называть тактикой движения, а тактикою, в свою очередь, определяется возможность достижения цели движения, т. е. определяется успех его или поражение.

Обычно, в политических и социальных партиях и течениях, сущность движения видят в размерах группировок, в распространенности прессы и во всех тех действиях, которые вызываются сознательной волей данной группировки. Согласно этому взгляду, обычно считают, что все анархическое движение складывается из всех анархических групп, федераций и конфедераций, из размеров анархической прессы разных стран, из успеха действий этих организаций и из того сочувствия, которое распространяемые нами взгляды и совершаемые нами действия встречают в трудящихся массах.

Если стоять на этой точке зрения, то, обозревая современное анархическое движение, нельзя не прийти к весьма грустным выводам, так как не подлежит сомнению, что, понимаемое в этом смысле анархическое движение, со времен 1-го Интернационала, откатилось далеко назад. Было время, когда анархизм пользовался величайшей популярностью в революционных массах, когда люди, сочувствующие анархизму, составляли в социально - революционном движении — большинство, между тем, как сейчас они составляют небольшое и маловлиятельное меньшинство. Социально-революционное движение идет не по путям прокладываемым анархистами, а по другим руслам, чуждым анархизму и часто противоположным ему.

Вследствие этого, многие товарищи не видят в анархическом движении возможности использовать свои силы с надеждою

на успех, и уходят в другие партии и течения, где, как им кажется, их усилия дадут более реальные результаты. Другие, более стойкие и более убежденные, остаются в рядах анархистов, но с грустью констатируют, что социалистическое движение идет неправильным путем и потому приведет трудящихся к неизбежному поражению, и утешаются тем, что после этого кровавого урока оно (социальное движение) придет к признанию истинности нашего учения и наших предостережений, и тогда уж, наверное, мы, анархисты, займем в нем подобающее место...

Между тем стоит присмотреться внимательнее к современной действительности; стоит отделаться от многочисленных предразсудков и застоявшихся взглядов, которые неизбежно заводятся в каждом политическом, социальном или религиозном движении стоит принять учение наших славных учителей (Кропоткина, Бакунина, Реклю и др.) не как окостенелые догматы, а как живые мысли, меняющиеся с течением времени, растущие по мере того, как в жизни нарастают и развиваются новые факты и явления («Ищите», говорил П. А. Кропоткин незадолго до смерти, «ищите — я сам ищу») — и мы неизбежно придем к другим, более радостным выводам, перед нами откроются новые горизонты, новые области для применения к живой жизни своих идеалов и своих сил.

Русская революция беспощадно разрушила много иллюзий, выявила безосновательность многих социалистических утопий. Между прочим, она показала всю беспочвенность бредней социал-демократии, мечтавшей создать «социалистическое» общество по инициативе государственной власти, регулировать производство и потребление бюрократическим путем. Но, с другой стороны, она показала также, что не менее фантастичны и бесплодны надежды на то, что социалистический строй создается усилиями самостоятельно нарождающихся

групп, свободной и внезапно проснувшейся инициативой революционного народа, который, как мы думали до революции, как только почувствует свободу, возьмет в свои руки производство и распределение и организует их так, что мы сразу очутимся в коммунистическом раю.

Русская революция, как и все революции социалистического характера XIX-го века (1848, 1871), показала, с неопровержимой ясностью, что революция есть явление разрушительного, а не творческого характера. Революция ничего создать не может. Революция только разрушает те препятствия, которые встречала на своем пути жизнь, и, таким образом, она дает возможность развиваться тем социальным явлениям и формам, которые народились еще в старом режиме, но которых развитие было стеснено этим последним. Развивается после революции только то, что нарастало и назревало в старом режиме; но не может возникнуть во время революции то, что жизнь не выпирает наружу сквозь оболочку прошлого. Переход земли в руки трудового крестьянства — это было требованием русской жизни в течении целых десятилетий, даже столетий; крестьянство имело готовую форму для принятия этой земли и использования ее — это было крестьянское трудовое хозяйство; и революция дала крестьянам землю, которая тотчас же вошла в народно-хозяйственный обиход.

В области же обрабатывающей промышленности, при старом режиме не создавалось такой хозяйственной формы, при помощи которой народ мог бы овладеть производством и распределением и вести их согласно своим интересам — поэтому мы видим, что в этой области, несмотря на все старания, никакого социализма не получается. Не имея в своих руках готовой формы для ведения социалистического производства, народ, когда получил в свои руки все средства производства, оказался совершенно не в состоянии организовать при их помощи общественное производство. Такой формой вообще не может служить государственный аппарат буржуазного общества — и мы наглядно видим, как все попытки

приспособить его для этой цели терпят неудачу. Других же форм не имеется, потому что при царском режиме им не дали развиваться. В современной стадии культурно-экономического развития общества, такой формой могла бы быть только кооперация (потребительская и сельско-хозяйственная), и теперь в России все, начиная с правительства и правящей партии, пытаются насильем создать кооперацию. Но создать кооперацию по заказу нельзя.

Для того, чтобы кооперация могла служить фундаментом социалистического строя, она должна развиваться до революции, и к моменту революции она должна быть уже в состоянии овладеть производством и распределением, т. е. должна иметь готовый и достаточно мощный аппарат и достаточно многочисленные кадры хорошо подготовленных кооперативных работников.

Точно такое же положение мы видим и в области политической. Революция на одно мгновение разрушила центральную государственную власть и предоставила народу возможность создать новый политический строй на таких началах, которые соответствовали бы его интересам. Но народ оказался совершенно неподготовленным для этой задачи; он только растерялся под бременем легкой на него ответственности, так как у него не оказалось никакого плана нового политического устройства, никаких определенных политических принципов, кроме туманного желания устроить свою жизнь «на более справедливых началах».

Во время революции появилась идея советского строя — но было уже поздно: подготовка нового строя должна совершаться до революции, а во время революции здание его надо быстро воздвигать по готовому плану и с готовыми материалами. Во время революции народ держит экзамен на аттестат зрелости, и тот народ, который в это время пытается спешно пройти курс пригласительного класса — проиграл революцию. Русский народ проиграл революцию, и, после разрушения самодержавного режима, снова создался строй государственный, и притом такой, о котором даже Н. Ленин говорил, что он «ровно никуда не

годится и перенят нами целиком от прежней эпохи», (ст. «О Кооперации» от 6 ян. 1923 г.).

Самодержавный режим, свирепо преследуя свободную мысль и всякое проявление народной инициативы, не дал русскому народу возможности своевременно выработать план и подготовить материалы для нового строя. Это не спасло старый режим, наоборот, это только ускорило и обострило революционный процесс. Но в то же время это послужило основной причиной того хаоса и того бессилия, которые наступили после революции. Этот хаос и это бессилие были неизбежны, и всего менее виноват в них русский народ.

И вот, переходя к вопросу о революционной подготовке других стран, спрашивается: возникают ли в недрах современного капиталистического общества элементы для осуществления свободного социалистического хозяйства и свободного, безгосударственного политического строя, и насколько далеко подвинулось вперед их развитие. Понятно, что если бы оказалось, что таких элементов не имеется, или что они еще слишком незначительны, то мечтать о близких революционных потрясениях было бы прямо таки преступно, потому что эти потрясения ничего не дали бы кроме разрухи и страданий. Но с другой стороны, если также элементы имеются, то необходимо определить отношение к ним сознательных анархистов.

В области хозяйственной, успех революции определится прежде всего тем, в каком состоянии будет в этот момент находиться кооперация. Посмотрим же, что такое кооперация.

Кооперация в ее современных формах возникла в 30-х годах XIX столетия. В течении нескольких десятилетий она развивалась довольно медленно, с продолжительными остановками и отступлениями назад, но когда она выработала свои нынешние совершенные формы и достаточно окрепла, то дальнейшее развитие ее пошло вперед гигантскими шагами. Кооперация мало-помалу охватывает весь мир, даже самые от-

сталые и некультурные страны; она привлекает все стороны хозяйственной деятельности, создает тысячи лавок, складов, мастерских, фабрик, заводов, даже рудники, железно-дорожные и пароходные линии. Все эти бесчисленные предприятия создаются по инициативе свободно возникающих групп трудящегося народа, находятся целиком в руках народа, служат интересам народа.

В этих народных хозяйственных объединениях, капитал не имеет никакой силы, никакой власти, никакого значения: в них на первое место выдвигается человеческая личность, ее труд и ее интересы. Стремление к прибыли, отличительная черта всех предприятий капиталистического характера, отсутствует; их цель — не прибыль, не нажива, а удовлетворение потребностей.

Бок о бок с капиталистическим хозяйством в самых недрах капиталистического общества возникает новая форма хозяйства, в основе своей противоположная ему, новая система производства и распределения, вдохновляемая не интересами частных лиц и групп, а интересами широких народных масс. Когда то П. А. Кропоткин мечтал о такой политической экономии, которая будет исходить не от частных интересов производителей, подобно нынешней, а от интересов потребителей, т. е. всего общества. В лице же кооперации мы имеем уже нечто большее чем наука, которая могла бы дать нам указания по вопросу о том, как перестроить народное хозяйство в интересах всего народа — мы имеем уже целую готовую систему социалистического хозяйства, далеко опередившую и науку и... социалистическое движение.

Система эта выросла без шума и без барабанного боя, в самых недрах рабочих и крестьянских масс, в то самое время, когда «социалисты» брали утопистами ее вдохновителей (Фурье, Оуэна и др.), а сами, на место их «утоний» изобретали только карикатуры на социализм, в виде казарменного быта и государственного деспотизма подкрашенных красным цветом революционного социализма.

В течение целых десятилетий, на па-

циональных и международных съездах социал - демократии, кооперацию понимали как буржуазную выдумку, как пустую и вредную мечту, и только когда кооперация достигла таких колоссальных размеров и такой популярности в рабочих массах, что прежнее отношение к ней могло вызвать (и кое где уже и вызвало) раскол в социал-демократической партии, то на этих самых съездах пришлось раскланиваться перед нею и принять меры к тому, чтобы использовать ее огромную материальную мощь в интересах партии. Но, пока что, это последнее удалось сделать только бельгийской соц.-демократии, превратившей бельгийскую кооперацию в свою дойную корову.

Кооперация развивается вопреки препятствиям, которые ей создавали социалистические партии, и не взирая на все старания социалистических партий приостановить ее развитие путем систематического извлечения из нее доходов в пользу партий. И такое отношение авторитарного социализма к кооперации — отнюдь не есть ни случайность, ни простое желание усилить за ее счет свои финансовые средства.

Ознакомьтесь с яростными нападками социал - демократов на кооперацию со времен Лассалля до Каутского, и вы с удивлением спросите себя: откуда берется столько страсти и столько яда против таких безобидных объединений, которые политикой не занимаются, значит конкурентами не являются, а только тихо и мирно торгуют себе мылом, спичками и мануфактурой. Но дело в том, что социал - демократы давным давно разгадали то, о чем долго не догадывались и сами кооператоры, а именно, что: широкое, всеохватывающее развитие кооперации делает ненужным и немислимым государственный социализм и все, что с ним связано — парламентарную борьбу (и министерские портфели), захват власти, диктатуру и т. д., что самостоятельность народа делает ненужными и невозможными всяких там руководителей, вождей и правителей.

В самом деле, разве не утопия мечтать о захвате власти и об организации социалистического производства и распреде-

ления путем правительственных декретов и на началах государственной централизации и бюрократизма, когда народные массы, рабочие и крестьяне, сами непосредственно организуют и то и другое с таким блестящим успехом, о котором социалисты и мечтать не смеют.

Разве не ясно, что если к моменту социальной революции народные массы будут иметь в руках достаточно мощный аппарат кооперации и достаточное количество подготовленных людей (кооператоров) для управления всею промышленностью и всею торговлею на кооперативных началах, то всякие попытки к государственной организации социализма встретят только дружный хохот и надлежащий отпор? Развитие кооперации, это — смертельный удар всем бредням социал - демократии, это крушение всей социал - демократической программы.

Какой же смысл имеет развитие кооперации для нас, анархистов? Увы, и мы по отношению к ней оказались грешными — слепотою. Пока мы мечтали и писали о том времени, когда расцветет личная инициатива и возникнут самостоятельные группы коммунистов, которые организуют производство и распределение на новых началах, эти группы выросли вокруг нас, пышно расцвели, организовались в вольные национальные федерации и приступили к совместной деятельности в международном масштабе. Но мы их проглядели. Прочтите то, что сказано в нашей литературе о неизбежности возникновения таких свободных группировок в момент революции, и сравните это с тем, что происходило в России в начале революции, и вы увидите, что и мы долгое время занимались только пошлого маниловщиной, что от жизни и ее запросов мы находились на противоположном полюсе — и тогда вы поймете почему анархизм проявил столько бессилия в русской революции, почему эта революция повернула не туда, куда следовало, и почему многие анархисты и теперь еще не знают какое дать практическое применение своим принципам и своим силам. А между тем, если мы внимательно присмотримся к

современной кооперации, если мы вдумчиво исследуем ее основы с точки зрения наших идей, то мы неизбежно увидим, что кооперация, это — не что иное, как осуществление жизнью наших заветных принципов и идеалов. Те «свободные группировки», от которых отдает таким пошлым фантазерством, когда мы их приурочиваем к тому моменту, о сущности которого мы до сих пор не имели представления — к моменту революции, становятся живою реальностью, воплощением нашего идеала, живым зародышем будущего строя, когда они возникают под требованием самой жизни, когда они пугны рабочему народу сегодня же и еще сегодня же приносят ему материальную и духовную пользу — в виде свободных, самоуправляющихся и самоснабжающихся кооперативных организаций.

В лице кооперации, принципы анархизма торжествуют в области экономических отношений; в ее лице, социалистическое хозяйство организуется в недрах капиталистического общества — на началах анархизма, и это дает нам уверенность в том, что социальная революция явится преддверием именно анархического строя. Эта уверенность тем более уместна, что до сих пор все попытки социалистов организовать хозяйственную жизнь на иных началах давали либо материальный крах, либо поворот к капитализму — такова была судьба и производительных товариществ, и коммунистических колоний, и «национальных мастерских», и всяких муниципализаций, и всех опытов государственного социализма. И только кооперация, построенная на началах полной свободы, совершенного самоуправления, конфедеративного объединения и полного отсутствия власти и подчинения — растет, ширится, развивается, крепнет и стремится охватить все человечество.

Правда, мы, анархисты, в развитии кооперации неповинны: не нашими усилиями она зародилась, не наша деятельность лежит в основе ее развития. Это свидетельствует о слабости и малосознательности нашего организованного движения, о недостаточной связи его с жизнью, и, наконец, о нашей малодетельности.

Кооперация есть всецело создание народных масс; ее выпирает наверх сама жизнь, она — органический продукт социальной эволюции. Но в этом и заключается величие, торжествующих в ее лице анархических начал: никто их не селл, никто не ростили, без всяких искусственных мер и стараний, без насилий, без агитации, без программы, резолюций и постановлений выросло грандиозное дерево кооперации, под пышной сенью которого за какихнибудь полстолетия приютилось более 200 миллионов трудящихся. Миллионы людей, работающая на ниве кооперации, бессознательно подготавливают социалистический строй на анархических началах — притом подавляющее большинство этих людей не только не анархисты, не социалисты, а многие-многие из них ярые враги социализма, искренно возмущающиеся, что кооперация предупреждает социализм и является громомоводом для революционной энергии.

Нас, сознательных анархистов, — не много. Но истинная сила и значение анархического движения, а в том, что сотни миллионов людей, гораздо раньше чем столкнуться с анархическими идеями, применяют на практике анархические начала в своих исканиях более высоких и разумных общественных отношений. Это показывает, что наши учителя были правы, когда из комплекса социальных идей выделяли идею анархизма и завещали нам ее как путеводную звезду.

Итак, кооперация это — зародыш анархо-социалистического строя будущего, который, в силу социальной эволюции, развивается в недрах буржуазного общества. Следует ли из этого, что мы должны стоять в стороне от нее, предоставить ей развиваться далее без нашего воздействия? Конечно, нет. Чем больше развивается кооперация, чем больше растет масса ее членов, чем больше определяется связь кооперации с социальным движением нашего века и с грядущей социальной революцией, более настоятельно требуется участие сознательных анархических элементов и воздействие разработанной анархической этики и анархического идеала.

В повседневной работе кооперации — много темных сторон. Тут мы встретим и противопоставление личных интересов общественным, и недалекую жадность (напр., «дивидендную болезнь»), и попытки захвата власти и подавления воли массы, и нечестность или нерадение должностных лиц, и недостаточное внимание к духовным запросам, и старание авторитарных партий использовать движение в своекорыстных целях, и гнет правительственных мероприятий, и ожесточенное противодействие буржуазии и косность масс, инертность членов и не разработанность кооперативных теорий, блуждания, ошибки, злоупотребления — длинный ряд зол, нередко ведущих к моральному и материальному краху, встретим и недостаточное развитие кооперативной сети, отсутствие кооперации в тысячах мест, где она до крайности нужна.

В борьбе с бесчисленными невзгодами кооперации, кооператор, связанный пред-рассудками старого режима, сбитый с толку авторитарными обычаями окружающей его среды, с трудом находит истинный путь. Вот здесь то и требуется сознательная поддержка просвещенного анархиста — ибо только анархист сумеет в каждом вопросе, при каждом затруднении найти то

именно решение, которое наиболее соответствует истинно кооперативным началам, началам анархизма.

В рядах кооперации каждый анархист найдет непосредственное применение для своей энергии: в качестве простого члена, он будет охранять права кооперативной массы и своим примером воспитывать в массе самодисциплину, т. е. умение подчиняться требованиям необходимости без всякого ущерба для своей воли и свободы; в качестве должностного лица — он явит собою пример руководителя, чуждого властолюбивых стремлений; в качестве инструктора — он будет раздвигать рамки кооперации высоко держать ее идейный факел; в качестве писателя — он разработает ее теорию, выяснит смысл и революционное значение движения. И в качестве чего бы он ни участвовал в кооперативном движении, он будет всегда охранять чистоту кооперативной этики, будет всегда бороться против всех попыток внесения в кооперативную работу чуждых и губительных для нее авторитарных начал.

Товарищи, кооперация ждет вас, а кооперации нужны все живые, все активные силы современного анархизма, ибо она обеспечивает торжество анархического идеала.

ГОСУДАРСТВА ВООРУЖАЮТСЯ

В настоящее время все великие и малые державы Европы, Азии и Америки заняты вопросами усиления вооружений и выбором лучших средств для ведения войны. Все штабы армий ставят своей задачей — создание наиболее подвижных воинских частей и наиболее ускоренное передвижение армий.

Эксперты одних штабов утверждают, что первый же натиск танков и быстроходных воинских частей приведет к прорыву границейного фронта и переносу боя в открытое поле, поэтому не будет смысла рыть траншеи. Другие же эксперты, признавая прорыв фронта вполне возможным, доказывают, что траншеи все же будут играть важную роль, хотя скорость передвижения изменит характер будущей войны. Все военные эксперты указывают при этом на необходимость установления связи и полной кооперации между танками, броневиками и самолетами.

Намнания за увеличение скорости передвижения войск привела уже к моторизации кавалерии, полевой и даже тяжелой артиллерии и к спешному строительству танков. Теперь выясняется только вопрос, сколько потребуется самолетов для прекращения наступления танков и их повреждения, так как война будет технической на 80%. Она будет вестись военными инженерами и техниками, в ведение которых перейдут национальные индустрии и все технические средства стран. На долю армий выпадет лишь занятие и удержание разрушенных войной территорий.

Ныне изобретены и выработаны чрезвычайно сильные орудия человекоистребления: уничтожения целых вражеских армий, технических приспособлений и разрушения огромных территорий. Современные танки, вооруженные 3-х дюймовой пушкой и пулеметом, передвигаются в 7 раз быстрее, чем в прошлую мировую войну 1914-1918 г.г., пробегая в час 100 миль и преодолевают на своем пути преграды высотой в 10 футов. Многобашенные танки, вооружен-

ные 3 орудиями, 3 пушками и 18 пулеметами и обслуживаемые 100 человеками команды, представляют собой настоящий подвижной форт. Кроме того, имеются земноводные танки (в Германии), двигающиеся со скоростью 90 миль в час на суше и 15 миль в час на воде; в Японии же имеются танки без команды, управляемые посредством радио волн и предназначенные для взрывов неприятельских рядов.

Авиация также сделала огромный шаг вперед. Давно уже изобретены инструменты, при помощи которых летчики могут летать вслепую: автоматический указатель направления приводит самолет к месту назначения, не смотря на туман, облака, дожди и т. п. препятствия, мешающие летчику ориентироваться. Другой инструмент дает возможность даже внезапно ослепшему летчику вести свой аппарат к цели. Изобретен также твердый газолин для самолетов. Он тем удобен, что его можно взять в большом количестве и он не взрывается.

Сейчас изобретатели заняты постройкой таких самолетов, которые могли бы нести под собой легкие танки, спускаемые в тылу неприятельской армии на парашютах, или сами после спуска на землю превращались бы в быстроходный танк. Имеются также аэропланы - роботы, управляемые посредством радио волн. Замечательный полет аэроплана был проделан в мае 1935 года в Соед. Штатах: в течение 11 часов самолет перелетел из Лос-Анжелоса в Нью-Йорк при помощи автомата. Летчик Томилсон и его два пассажира сидели за обеденным столом и беседовали, когда их самолет летел со скоростью 200 миль в час.

Телемеханика сводится к управлению самолетами, кораблями, автомобилями или другими двигающимися предметами на расстоянии. Для этого устанавливается на нем радио-приемник, который, получая издалека сигналы, приводящие в действие тот или иной рычаг механизма, приводит в дейст-

вие движущийся предмет без экипажа. При этой системе ход предмета зависит от воли управляющего маневрами лица и от сигналов, которые он посылает. Эндомеханика же превращает движущийся предмет в робота, который слепо выполняет раз данное ему поручение. Достигается это при помощи катушки обыкновенной бумаги, которая сматывается с одного медного цилиндра на другой. Разматываясь, катушка трется о медную щетку, которая, как и цилиндры, соединена с полюсами электробатарей. Так как бумага электричества не проводит, то она продырявливается соответствующим образом, чтобы появился контакт между щеткой и цилиндрами и привел в действие известные части механизма. Таким образом, роботы выполняют все, что им прикажет катушка бумаги.

Ежегодно изобретается химиками до 5,000 ядовитых газов, которые в большинстве случаев идут на изготовление удушливых бомб для отравления ими людей в будущей войне. Многие изобретатели полагают, что пожары в тылу неприятеля могут вызвать большую панику и деморализацию, чем бомбы с ядовитыми газами. Поэтому теперь изготавливаются чрезвычайно сильные зажигательные бомбы, которые могут быть взяты на аэроплан в количестве 2,000 штук. Таким образом, 10 самолетов могут вызвать массу пожаров, с которыми не справятся никакие пожарные команды.

Изобретены пневматические и электрические пулеметы и скорострельные ружья. В прошлую мировую войну одна дивизия могла дать из своих винтовок и пулеметов 103,900 выстрелов в 1 минуту, а теперь она делает 322,000 выстрелов в минуту.

Прежде артиллеристы делали длительную пристрелку и вычисления для направления орудийных снарядов к цели, а ныне особый аппарат, называемый автоматом, направляет на цель свой телескопный глаз и через 30 секунд автоматически направляет батарею к цели и автоматически же может открыть бомбардировку. При этом офицеры батарей могут находиться на расстоянии миль от автомата и не подвер-

гать себя опасности неприятельского огня. Изобретены также дальнобойные орудия, посылающие снаряды на 100 миль и больше.

Большую роль в окопной войне сыграет сухопутная торпеда, похожая на мину Вайтхеда, поставленная на колеса и управляемая на расстоянии при помощи герцевых волн. По установленным на этих торпедах сигнальным огням за их движением можно следить и ночью. Сухопутные торпеды предназначаются для штурма блиндированных окопов. Изобретен также особый газ, взрывающийся моторы. Газ этот распространяется посредством снарядов и втягивается вместе с воздухом работающим мотором, который взрывается через несколько секунд от гремучей смеси, образующейся из газа и паров бензина.

Новые аппараты дают ныне возможность определить присутствие неприятельского корабля на расстоянии 50 миль от берега даже в том случае, если его машины не работают. Невидимые лучи определяют также точное местонахождение аэроплана, высоко летающего над землей ночью или невидимого из-за облаков и тумана. Особый аппарат, действующий при помощи инфра-красных лучей, слишком чувствительных к теплоте отработанных газов, улавливает на расстоянии 5 миль присутствие работающего мотора и точно определяет место его нахождения.

Употребляемые для борьбы с вредными насекомыми радио-лучи могут при усилении убивать и людей, попадающих в полосу их действия. Во многих военных лабораториях производится опыты с лучами, которые могут останавливать автомобили, самолеты и корабли на огромных расстояниях и убивать людей. Они имеют способность проникать даже сквозь толстую броню.

Современный способ приготовления ядовитых газов делает их активными в течение нескольких дней. Особая глина пропитывается ядовитыми газами, затем высушивается и размалывается в порошок, которым и посыпают землю. Посыпавшая им полоса представляет смертельную гра-

виду, через которую не может пройти ни одно живое существо. Комбинации ядовитых газов бесконечны.

Одновременно с орудиями человекоистребления изобретаются и средства их противодействия, но они далеко несовершенны, далеко позади смертоносных средств.

Чтобы обезопасить человека от действия любых газовых примесей в воздухе, его надо полностью изолировать от окружающей атмосферы и создать для него собственную атмосферу, соответствующую нормальной. Это может быть достигнуто обеспечением человека с головы до ног в спецодежду, изготавливаемую из толстой прорезиненной материи с разными прокладками и предохраняющей его в течение определенного времени от любой газовой пылинки или молекулы. «Спецовки», похожие на водолазные костюмы, снабжены окислителем — смесью натрия и калия, перекисленных до насыщения, — обладающей способностью поглощать углекислоту, пары воды и одновременно выделять в избытке кислород, необходимый для дыхания. Этот аппарат для дыхания весит 15 фунтов, не считая весьма тяжелой и неудобной для ношения противогазовой спецовки, и слишком дорог. Поэтому он недоступен для населения.

Специалисты, изобретающие средства защиты от ядовитых газов, нашли, что если к химическому фильтру, нейтрализующему ту или иную группу газов, прибавить фильтр физический, основанный на процессе поглощения, — газовые молекулы задерживаются на поверхности поглощающего физического фильтра из активизированного угля, приготовляемого из растительных веществ, которые сжигаются и очищаются от смолистых примесей, затем пропитываются хлористым цинком и снова сжигаются в атмосфере кислорода при температуре в 1,000 градусов. Таким образом, получается порошок, каждый грамм которого покрывает поверхность в 1,000 кв. метров. Такой уголь поглощает все наиболее опасные ядовитые газы, как фосген, хлор, иприт, лезивит и др. Прибавление соды предохраняет проникновение через

фильтр кислых продуктов. Эти поглощающие фильтры задерживают все газы, кроме слишком тяжелых и слишком легких, дающие мельчайшую пыль, проходящую через любой поглощающий фильтр. Но и против них специалистам удалось найти защиту: пылинки эти задерживаются различными видами тонкопористого войлока.

Тем не менее никакая маска не является верным средством защиты против разнообразнейших ядовитых газов, проникающих через обыкновенную одежду. От них можно уберечься, надев только спецовку — противогазовый костюм.

С особенным вниманием изобретатели работают над аппаратами, облегчающими военные операции. Обращено особое внимание на иконоскоп, который, будучи открытым позади вражеской армии, может передавать в виде картин все, что вокруг него происходит. Наблюдательный самолет, парящий на огромной высоте, получая картины иконоскопа, передает их затем по радио в штаб-квартиру.

Изобретена мина, пускаемая с корабля или с берега, которая движется глубоко под водой и даже ночью сама находит свою цель, так как она снабжена фотоэлектрической пластинкой, на которую действует притягательно тень корабля. В общем, новая война народов будет вестись не только на полях сражений и на море, но и в глубоком тылу, а в особенности в химических лабораториях при помощи роботов, радиоволн, электрических глаз и ушей и громкоговорителей, которые будут выкрикивать команды на полях сражений во сто раз громче шума Ниагарского водопада.

Так идет усиленная подготовка к новой мировой войне. Все большие и малые державы лихорадочно вооружаются техническими и химическими средствами войны.

Но почему правительства, увеличивая армии, морские и воздушные флоты, бешено вооружаются? Почему большинство правителей восхваляют войну после столь ощутительных уроков мировой войны 1914-18 годов? Неужели нельзя добиться того, чтобы миллионы людей не стояли бы перед ежедневной возможностью погибнуть в клу-

бах удушливых иперитов и фосгенов и что бы гибель не угрожала вообще человеческой культуре?

Благодаря пропсам поставщиков смерти, организованных в мощный интернационал, все конференции по разоружению окончились полным провалом. Благодаря подкумам оружейными и амуниционными ко ролями печати, общественных и политических деятелей, членов правительства, министерских чиновников, журналистов и т. д., благодаря их постоянной военной пропаганде, — все страны бешено вооружаются.

Многие государственные деятели осуждают войну, как величайшее зло. Совсем недавно (30 июля 1936 г.) английский премьер — министр Болдвин заявил в произнесенной им в зале Вестминстера, речи, что «лучше пусть погибнет мир, если суждено быть новой войне! Если бы участники войны теперь воскресли, то они были бы во главе государств и войны тогда, уверяю вас, никогда уже не было бы».

Подобно Болдвину, осудившему в небывало — резкой форме сторонников войны, президент Рузвельт в своей речи, произнесенной 14-го августа 1936 года в Чаттакве, Н. И., о международной политике Соединенных Штатов, заявил, что, несмотря на все усилия Америки изолировать себя от Европы, она снова может быть втянута в новую войну. Осуждая войну, как зло, Рузвельт сказал следующее:

«Я видел войну на море и на суше. Я видел раненых, истекающих кровью. Я видел людей, задыхающихся от ядовитых газов. Я видел убитых, валявшихся в

грязи. Я видел 200 искалеченных, измученных человек, вышедших из траншей. уцелевших из полка в 1,000 человек, знаявшего эти траншеи 48 часов раньше. Я видел детей, умирающих от голода. Я видел агонию матерей и жен. Я ненавижу войну!»

Официальная Германия диктаторствующего капрала Гитлера, наиболее отсталого и некультурного из всех правителей, была возмущена вышеупомянутой речью Рузвельта, который осуждал также нарушения договоров, нетерпимость и расовые преследования. Нацистские газеты, всячески восхваляющие войну, объявили речь Рузвельта «недопустимым вмешательством во внутренние дела других стран». Повидимому, цивилизованным варварам не нравятся антивоенные речи.

Гитлеры да Муссолини, являющиеся наиболее любимыми слугами всеильных поставщиков смерти, пропагандируют и возвеличивают войну. Они так же, как и все остальные правители защищают капитализм, требующий прибылей и человеческих жизней. Для них совершенно безразлично, что мир подвергнется новым разрушениям и опустошениям и что погибнут десятки миллионов невинных людей, лишь бы все это давало им новые прибыли, а не все остальное — на море крови и слез, на страдания — им наплевать!

Поэтому надо всеми силами и средствами бороться с диктаторами и капитализмом!

М. С.

БЕДСТВИЯ КИТАЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Землепользование в Китае, как и во многих других странах, распределено крайне неравномерно. Согласно статистическим данным из 430 миллионов акров земли, пригодной для земледелия, беднейшее крестьянство, владеющее от 1 до 10 му (му — 1/10 гектара) и составляющее 44 проц населения, пользуется всего-навсего — 6% земли; крупные помещики, владеющие 100 му и больше и составляющие 9% населения, имеют в своем распоряже-

нии 44% всей обрабатываемой земли. Ос- тальное крестьянское население — батраки и арендаторы.

Вследствие ужасной эксплуатации, количество безземельных крестьян растет с каждым годом. Крестьяне массами покидают деревни и вливаются в города, где они становятся ризшами или нищенствуют на улицах. В общем китайское крестьянство находится в чрезвычайно тяжелом положении, а земледелие — в полном раз-

вале,

Главными причинами крестьянских бед и горя являются — непомерные налоги, высокая арендная рента, ростовщические проценты по ссудам и беспощадная эксплуатация крестьян китайскими генералами и купцами, грабящих и выжимающих из крестьянства последние жизненные соки.

Достаточно указать лишь на то, что в наиболее благополучных районах Китая крестьянская семья получает не более 35 китайских долларов годового дохода, а во многих местах — только 10 дол. Свыше 50% своего дохода крестьянин отдает помещику, а остальное идет на уплату налогов и на поборы, при чем обычные земельные налоги «чрезвычайные» — взыскиваются с крестьян наперед за многие годы, а ростовщики за 40-дневные ссуды взимают по 100%. Таким образом из рук китайского крестьянина уходит весь продукт его труда, но зато остаются неоплаченные долги, обременительные налоги и нищенское полуголодное существование.

В прошлом году Китай перенес большие бедствия. Засуха, наводнения, саранча и чума поразили целый ряд провинций — Цзянсу, Чжецзян, Аньхуэй, Цзяньси, Хунань, Хубэй, Хенань, Шанси, Гуйчжоу, Ганьсуй и многих других. В текущем году положение еще больше ухудшилось. Сообщения из 270 округов говорят о том, что засуха поразила свыше 130 млн. му земли; в одной только провинции Хунань поражено около 15 млн. му и общее количество голодающих крестьян превышает 13 млн. человек. В провинции Цзянси почти все крестьянское население питается травой и древесной корой, а в провинции Чжецзян население питается исключительно сорными травами, так как кора с деревьев давно уже съедена. Среди голодающих крестьян участились массовые самоубийства, ибо они обречены на голодную смерть.

Сельско-хозяйственная продукция слишком сократилась во многих провинциях, а в некоторых — совсем нет урожая. Сообщения из Нанкина говорят о том, что в провинциях Юнань, Юньнань и Аньхой

свершевается страшный голод, что большая часть жителей давно уже питается древесной корой, корнями и даже глиной, что смертность от голода приняла колоссальные размеры, что на почве голода развились эпидемии и участилась продажа родителями детей и что более чем 12 млн. человек угрожает голодная смерть, если им не будет оказана немедленная помощь.

Из вышеприведенных данных видно, что миллионы китайских крестьян лишились не только клочков земли, но и всех средств существования, миллионы погибли, а многие миллионы обречены на медленную смерть от голода. Крестьяне, разоренные междоусобной войной китайских генералов, налагающих на них невыполнимые налоги, стихийными бедствиями, неурожаем, ростовщиками и бандитами, — вынуждены продавать своих детей на продукты питания, при чем девочки до 10 лет продаются по 30 д., а от 10 до 14 лет — по 50 д. за каждую, хотя торговцы живым товаром никогда не выдают родителям условленной суммы за проданных детей на произвол судьбы, обрекая их на голодную смерть. Иностранные корреспонденты, ознакомившиеся с положением китайского крестьянства, говорят, что бедствия крестьян не поддаются описанию: их можно сравнить только с бедствиями украинских крестьян в 1933 г., когда они тысячами умирали от голода.

По сообщению шанхайских газет — «в бесчисленном множестве китайских деревень — улицы пустыны; в жалких хижинах никого нет... Крестьяне находятся в неоплатном долгу у ростовщиков и налоговых чиновников. Положение крестьянских масс во многих провинциях стало катастрофическим в связи с обрушившимся на них стихийными бедствиями». Вследствие разлива реки Желтой, в провинции Хубэй погибло 20,000 человек, а в районе верхнего течения Янцзы голодает 12 млн. человек.

На раздираемый междоусобицей Китай обрушились всякие беды и напасти: засуха, наводнения, голод и эпидемии. Слабостью Китая пользуются недоброжелательные соседи, в особенности — Япония, захватившая Манчжурию, Джехон, Чахар и

теперь оккупирующая северный Китай, не могущий оказать должного сопротивления захватчикам — японским империалистам, вследствие внутреннего развала. В настоящее время наблюдается в Китае не только упадок в земледелии, но и в промышленности.

По данным Чен-Хай-Фына — директора китайского отделения международного бюро труда, в прошлом году промышленные условия Китая все ухудшались. Экспорт и импорт снизились еще больше, а безработица увеличилась и продолжает расти. Положение рабочих не лучше положения крестьян.

Из 200 фарфоровых фабрик в Цзяпци с 200,000 рабочих в течение 1936 года закрылось 100 и количество рабочих снизилось до 40,000 человек. Такие же условия наблюдаются в производстве сатина в Нанкине, где закрылось 80% фабрик сатиновых изделий и 150,000 рабочих остались без занятий. Не менее катастрофическое положение и в шелковой промышленности: несмотря на резкое падение цен, экспорт шелка — сырья снизился с 80,000 тюков в 1931 г. до 25,000 тюков в 1936 г.; в Шанхае из 200 шелковых фабрик, в которых было занято 200,000 рабочих, осталось всего лишь 33 фабрики с 13,000 рабочих.

Что же касается текстильной промышленности, то и в ней наблюдается также безотрадная картина: за последних 10 меся-

цев закрылось 12 крупнейших фабрик с 500,000 веретен и 30,00 рабочих, а фабрики, оставшиеся не закрытыми, сокращают свое производство. Многие фабрики переходят в руки японцев. Такой же упадок царит и в других отраслях промышленности.

Вследствие страшной эксплуатации, увольнений и сокращения заработной платы, китайские рабочие, голодающие так же, как и крестьяне, прибегают в отчаянии к забастовкам, которые редко дают благоприятные результаты. Будучи неорганизованными, рабочие терпят поражения в борьбе с капиталистами. В этом и заключается главная причина всяких неудач.

Бедствия, ненужные человеческие страдания и муки будут продолжаться до тех пор, пока трудящиеся не освободятся от эксплуатации поработавших их господ, пока человеческое общество, разделенное на классы и касты, не достигнет полного равенства в правах и обязанностях и пока будет существовать социальная несправедливость и экономическое неравенство. А для того, чтобы достигнуть экономического равенства, социальной справедливости и свободы, надо организоваться в свои рабочие организации и общими силами да организованно защищать свои человеческие права на жизнь и свободу. Только посредством организации достигаются великие завоевания.

М. Степной.

ЯПОНИЯ И БРАЗИЛИЯ

В последние годы бразильское правительство было слишком обеспокоено нашествием японцев и их мирным завоеванием Бразилии, т. е. усиленной японской иммиграцией, которая началась в 1890 году, а усилилась после большого землетрясения в 1913 году. После закрытия японской иммиграции в Северную Америку и Австралию главная масса японских иммигрантов стала двигаться в Южную Америку, а особенно в Бразилию.

По данным бразильского правительства, только в одном штате Сао-Паоло японское население достигает 160,000 человек,

из которых большинство являются кофейными плантаторами. Количество японцев, ежегодно переселяющихся в Бразилию, так же велико, как и число португальцев, которых привлекает страна, говорящая на их языке и сохранившая многие из их обычаев.

Объясняется это тем, что японская иммиграция хорошо организована самим японским правительством, учредившим в 1930 году в Токио Амазонский Институт, слушатели которого после прохождения специального годичного курса направляются в штат Амазонку для прохождения дополнительного

курса в отделении Токийского Института, откуда после года учебы переходят в образовательную колонию на реке Андаре. Отсюда они выходят колонизаторскими руководителями, число которых достигает 300 человек для японской колонизации в Бразилии.

Потому японская иммиграция стала для Бразилии важным вопросом, вызвавшим горячие споры между противниками и сторонниками японской иммиграции. Одни доказывали и настаивали на сохранении «чистоты бразильской нации», а другие требовали удовлетворения практических интересов хозяйства. Выяснилось, что в Бразилии не хватает рабочих рук в сельском хозяйстве и что японские иммигранты, как рабочие, обходятся дешевле немецких или итальянских иммигрантов, отличаясь от последних скромностью и трудолюбием.

Ежегодное требование из бразильской деревни на японских рабочих с каждым годом все повышается. Так, например, в 1933 году земледельцы требовали 8,200 японских семейств, а министерство труда направило им только 3,800 семейств. Зато в следующем году японская иммиграция в Бразилию повысилась и достигла почти 30 тысяч человек, тогда как иммиграция всех других национальностей, вместе взятых, в том же 1934 году составляла всего 35,000 человек.

Многие японцы приняли бразильское гражданство, но они попрежнему остаются японцами, которые основали в Бразилии много чисто японских городов, не смешиваясь с другими национальными элементами. Потому возник вопрос: могут ли вообще японцы ассимилироваться в Бразилии?

Некоторые утверждают, что «да», ибо японцы изучают португальский язык, тогда как среди немецких колонистов встречаются семьи, которые уже в третьем по-

колении говорят только по-немецки и совсем не знают португальского языка, а в добавок население внутренней Бразилии само монгольского происхождения.

Другие же считают, что азиаты неразстворимы. Смешанные браки у них весьма редки, так как японцы образуют свои национальные островки и массы бразильского населения или отдельные колонии и городки. Большинство бразильского населения склонилось к последней точке зрения и в 1935 году правительство запретило японскую иммиграцию в Бразилию.

Вследствие этого запрещения, японцы решили колонизовать Чако и повели с Парагваем переговоры об учреждении там японской колонии, подобно в Сао-Паоло.

В Аргентине и Уругвае японцы построили фабрики - холодильники для мяса, которым снабжают японскую армию. На одном из островов на реке Ла-Плате в Аргентине японцы устроили склад для металлического лома, который вывозят в Японию.

Но главное завоевание Японией Южной и Центральной Америки — торговое. Японцы захватывают, главным образом, рынки в Аргентине, Бразилии, Уругвае, Перу, Колумбии, Панаме, Мексике, Кубе, Гаити, Порто-Рико и на Филиппинах, куда Япония ввозит в значительном количестве хлопчатобумажные и шелковые изделия, текстильное оборудование, запасные части машин, рыбные консервы и много других товаров, конкурируя с американскими и европейскими товарами, которые она быстро вытесняет. Для сбыта своих товаров Япония использует банки, торговые и пароходные компании и своих резидентов. Она заключает с южно-американскими странами торговые договоры и сама закупает в большом количестве аргентинскую шерсть, чилинскую селитру, медь и пр.

М. С-ной.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАРХИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

На состоявшемся недавно съезде Испанской Анархической Федерации (Ф.А.И.) было принято решение о созыве всемирного или интернационального конгресса анар-

хистов. Для этой цели была избрана комиссия по организации и созыву конгресса. Из полученного секретарем нашей Федерации циркулярного письма видно, что пред-

полагаемый конгресс назначен на 1-ое мая. Предварительный порядок дня конгресса следующий:

1. Доклад комитета Ф.А.И. об испанских событиях и участии анархистов в них.
 2. Отношение иностранных анархистов к испанской революции.
 3. Отчет делегатов.
 4. Интернациональная анархическая организация:
- а) декларация принципов;
 - б) тактика борьбы (совместные действия анархистов и синдикалистов, организация юношества, употребление революционных методов и т. п.);
 - в) способы анархической связи в национальном и интернациональном масштабе.
 5. Позиция анархистов в возможной международной борьбе.
 6. Анархизм и социальная реконструкция.

Этот порядок дня, вероятно, будет расширен и дополнен некоторыми новыми пунктами. Но приведенных шесть вопросов, я думаю, достаточно будет, чтобы иметь ясное представление о возможности их решения созываемым анархическим конгрессом.

Нет никакого сомнения, что интернациональный анархический конгресс в настоящее время необходим. Эта необходимость давно уже ощущается, и последние события в Испании только ускорили ее. Правда, анархическое движение ряда стран в настоящий момент незавидное: в Германии, Италии, Португалии, СССР, Польше, Болгарии и Аргентине многие анархисты находятся в тюрьмах, ссылках и концлагерях, а другие в условиях «свободы» ведут нелегальное существование; во Франции, в Англии и Голландии хотя и существуют небольшие анархические организации, но они не оказывают заметного влияния на ход социальной жизни: в Америке нет коренного анархического движения, а существующие язычные анархические организации, в том числе и объединенные в две федерации русские группы, разпылены и

слабы. Вполне понятно, поэтому, что здесь не может быть и речи о сильном международном анархическом движении, как не может быть и речи о мировой силе анархизма. Ведь, единственной страной, в которой анархическое движение сильно развито, насчитывая в своих рядах десятки и сотни тысяч анархистов, является Испания. Но, опять-таки... одна ласточка весны не делает.

Однако, несмотря на такое печальное положение, интернациональный анархический конгресс, повторяю, необходим и своевременный. Он тем более необходим, что со времени последнего анархического конгресса в 1921 году анархисты не принимали еще такого активного и широкого участия в революционной борьбе, какое мы наблюдаем в настоящее время в Испании. Испанские анархисты, наученные горьким опытом суровой антифашистской борьбы и движимые стремлением к новой социальной жизни, находятся на пути осуществления своих заветных идеалов, и они лучше других знают нужды анархического движения. И в этом отношении иностранные анархисты, как слабо организованные и не пережившие этапа социальной революции, должны хорошенько прислушиваться к голосу испанских анархистов, знающих как надо делать революцию.

В этом отношении анархический конгресс должен обратить серьезное внимание на главные недостатки и слабости международного анархического движения, происходящие, по-моему, из трех источников:

Во-первых, оторванность анархизма от жизни, т. е. от социально - политических вопросов текущей действительности. Игнорируя политическую деятельность, анархисты проходят мимо самых жгучих и серьезных моментов борьбы труда с капиталом и властью, забывая при этом, что борьба против последних и есть та необходимая социально - политическая борьба, которая обязывает их принимать активное участие во всех социальных выступлениях.

Во-вторых, несплоченность или неорганизованность анархистов. Организационная проблема не решена еще и до сих пор, и

недаром интернациональная анархическая пресса уделяет ей много внимания. Эту проблему необходимо решить в определенном смысле, ибо отсутствие организации, базирующейся на определенной идеологии и тактике, является одной из главных причин слабости анархического движения.

И в третьих, хаотичность анархического движения, т. е. неопределенность его задач, стремлений и целей и пребывание в старом, традиционном положении, при старых лозунгах и расплывчатых формах борьбы. Необходима ясная анархическая платформа; нужна определенная выработка принципов и положений как для настоящего дня, так и для ближайшего будущего.

Чтобы добиться победы своего идеала, анархисты должны прежде всего стать активной революционной силой, силой, стремящейся к перевоспитанию массы в духе свободной самостоятельности и преследующей определенные анархические идеалы.

Указанные вкратце недостатки необходимо преодолеть и изжить, в противном случае международное анархическое движение не будет прогрессировать. И в надежде, что интернациональный анархический конгресс сделает все возможное в этом направлении и успешно разрешит поставленные в порядке дня вопросы, мы шлем ему пламенный товарищеский привет и лучшие пожелания в его плодотворной работе.

Л. Липоткин.

СТАХАНОВЩИНА

Глава из ненапечатанной книги.

Алексей Стаханов — Первый Съезд Работать должны больше и по принципу: дому по его труду». — Большевики иска стахановцы о себе? — Американец о ста а человек для машины. — Писатель Андре тяжелая поймажа. — Сталинская стаханов деревней. — Вторая годовщина стаханов стахановщиной. — Огнем и мечом подавля

стахановцев. — Сталин о стахановщине. — «от каждого — по его способностям, кажд зиди лозунг М. Бакунина. — Что говорят хановщине. — Не машина для человека, Жид о стахановщине. — Тощая лошадь и щина и троцкистская «смычка» города с щины. — Советский рабочий борется со ется всякая оппозиция Сталину. — Новые жертвы для социализма.

31-го августа 1935 года молодому шахтеру в Донбассе — Алексею Стаханову — первому пришла мысль распределить работу в шахте так, чтобы все работали в шахте без перебоев, не теряя ни одной минуты времени. В шахте, где работал Стаханов, забойщик, окончив свою работу, должен был ожидать, пока крепильщик не закрепит ее... При такой работе производительность шахтера составляла 13-14 тонн угля в смену, а при стахановском распределении производительность достигла 50-60 тонн.

Если эту производительность распределить и на крепильщиков, работающих вместе с забойщиками, то в среднем получится 30—32 тонны на человека. Таким образом, вместо 250 тонн в сутки добыча угля возросла до 300 тонн, штат людей на

шахте уменьшился с 117 до 98 человек и за первых 18 дней Стаханов заработал 1,050 рублей, его товарищ Дюканов — 1,338 рублей, а Кавцедамов — 1,618 руб. К 15 октября 1935 года на шахте уже имелось 480 рабочих, выработавших по 2—3—4 и больше норм.

Об этом сам Стаханов рассказал на первом съезде «стахановцев», состоявшемся 15-го ноября 1935 года в Большом кремлевском дворце, куда, они призваны были советским правительством.

Задолго до съезда стахановцев кремлевские правители повели ударную кампанию по всему так называемому «советскому союзу», чтобы провести в жизнь стахановщину — поднять производительность труда. На этом съезде стахановцев некор-

нованный самодержец России — диктатор Сталин произнес длинную речь, в которой он сказал, что «дело не в стахановщине», а в том, что в стране назрела необходимость поднять производительность труда до такой степени, чтобы она соответствовала новой технике, насаждаемой в СССР. Если судить по речи Сталина, положение в советской России сложилось так:

1) Назрела потребность в «коренном улучшении материального положения рабочих», ибо «жить стало лучше, жить стало веселее». (Если «жить стало лучше и веселее», то зачем понадобилась потребность «коренного улучшения материального положения рабочих?» — Явное противоречие). О «веселой жизни» Сталина советская молодежь просто шутит, говоря: «На воротах серп и молот, а на квартире... смерть и голод».

2) По утверждению Сталина, в СССР «работают не на эксплуататоров, не на обогащение туеядцев, а на себя, на свой класс, на свое советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса».

Так думает диктатор Сталин, но совсем иное думают труженики СССР, работающие на кремлевских эксплуататоров и туеядцев, заполняющих различные комиссариаты.

О своем бесклассовом обществе большевики много говорили и писали. Раз в СССР нет больше классов, то зачем тогда говорить о «своем классе»? Сталинские «лучшие люди рабочего класса» — это волки в овечьей шкуре, а сталинская власть — это крыловская лиса, хвалившая ворону для того, чтобы выманить у нее лакомый кусочек сыра. Рабочие промышленных стран нигде так жестоко не эксплуатируются капиталистами, как они эксплуатируются «советским обществом» в СССР. Это я наблюдал лично два года тому назад. Это говорит б. большевистский писатель А. Жид, проживший в СССР около 6 месяцев в 1936 году и совсем разочаровавшийся в «советском обществе». Это говорят и многие другие, побывавшие в СССР.

Советский гражданин боится даже вслух сказать о своем горьком житье-бытье. Только в многочисленных частушках отражается подлинная советская жизнь и, как эта, передается от одного к другому. Вот одна из них:

«Товарищ Сталин приказал
И наказывал,
Чтобы хлеба не давать
И сала не показывать».

3) Сталин говорит о наличии новой техники, родившей стахановщину. «Без новой техники, без новых заводов и фабрик, без нового оборудования стахановское движение не могло бы у нас зародиться». И тут противоречие, ибо оказывается, что дело не в Стаханове и не в стахановщине, а в наличии «новой техники», без которой не могла бы родиться стахановщина. Значит, не яйцо учит курицу, где положить, а курица сама кладет яйцо. Стахановщина — ширма сталинской власти.

4) Чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работников, способных стать во главе техники и двинуть ее вперед».

Сказано верно. Но зачем тогда понадобилось Сталину искусственно создавать стахановщину, если нет кадров, способных двинуть технику вперед? А если они имеются, тогда не нужно было и создавать стахановщину. Все промышленные страны, развиваясь технически, одновременно выдвигают и технические кадры людей, способных обслуживать разного рода технику.

5) «Зарождение и рост стахановского движения означает, что у нас уже народились такие кадры рабочих и работников», — говорит Сталин. Уже 20 лет идет в СССР строительство новейшей техники, 20 лет «догоняли и перегоняли Америку» и только через 20 лет увидели, что уже «народились кадры рабочих и работников. Глуших всегда позже видят. Но лучше поздно, чем никогда».

В конце своей речи Сталин говорит, что надо «развернуть дальше стахановское движение и распространить его шире и вглубь на все области и районы СССР, помочь перестроиться стахановцам».

В советской России принято считать, что все то, что делается большевизмским правительством, хорошо и полезно для трудового народа, потому что правительство это «вышло из народа», говорит от его имени, «строит социализм» и не может действовать во вред народа или социализма. Так думает Сталин и сталинцы, напоминаящие собою услужливого медведя из крыловской басни «Пустынник и медведь».

Насаждая стахановщину, большевизкая власть выбросила такой лозунг: «Если ты, советский рабочий, хочешь лучше жить, то успевай за техникой, работай быстрее и получишь больше». — «Каждому по его труду». Ибо Сталин считает, что для перехода к развитию социалистического общества надо получить «от каждого по его способности» и дать «каждому по его труду».

Сталин изрек известный лозунг М. Бакунина: «От каждого по способностям и каждому по потребностям», переделав его в большевизкий — «от каждого — по способности, каждому — по его труду».

Знаменитый анархист и мировой бунтарь — М. Бакунин думал, что в анархическом обществе, принимая во внимание интеллектуальное и физическое неравенство людей, граждане будут трудиться по своим силам и получать по своим потребностям, ибо люди, слабые физически, или менее развитые умственно, могут употреблять не меньше пищи, обуви, одежды, жилища и т. д., чем более сильные и умственно развитые их собратья, хотя производительность труда первых может быть меньшей последних. Все люди, живущие под солнцем, которое их всех одинаково ласкает и греет, имеют одинаковые права на жизнь и равные права на пользование благами жизни, которыми располагает общество.

На лозунге Бакунина анархисты строят свой идеал производства и распределения. Совсем иначе поступают марксисты-большевики, которые вот уже 20 лет находятся у власти в России и то и дело только «переходят к развитию социалистического общества». Их лозунг — «ка-

ждому по его труду» — чисто капиталистический лозунг; все предприниматели — капиталисты оплачивают рабочих по их труду: кто больше выработает, тот больше и получает. То же самое и в СССР, где на рынках продается все за деньги. Поэтому тот, кто больше зарабатывает, может купить больше пищи, лучшую одежду, обувь, жить в лучшей квартире, чаще посещать театр и т. д. Таким путем можно прийти не к «развитию социалистического общества», а к развитию более грубого капиталистического неравенства, существующего при буржуазной демократии, более грубого потому, что в СССР существует больше категорий оплаты труда, чем в капиталистическом обществе, а стало быть, и больше неравенства.

Как, где и каким образом проводится стахановщина в СССР? И что думает советский рабочий о стахановщине?

Вся советская пресса с восторгом писала и пишет об успехах стахановцев. Ее восторг и ликование продолжают и теперь. Жизнь же советского рабочего стала «лучше и веселее» только на бумаге, а на деле — советский рабочий продолжает влачить жалкое существование, терпя нужды и лишения в «единственной в мире социалистической стране». Вот что читаем в передовой «Комсомольской Правды» (от 17 ноября 1935 года):

«Четвертый день работает совещание стахановцев. И с каждым днем все выше вырастает авторитет и значение этого съезда партийных и непартийных большевиков. С каждым днем все жарче разгораются страсти в кремлевском дворце, все энергичнее выступают стахановцы в защиту чести своих предприятий».

Оказывает, что в СССР имеются партийные и непартийные большевики. Партийные большевики — это члены партии, а непартийные — это маска большевиков, это пускание пыли в глаза слоборазбирающимся иностранным рабочим.

Первая пятилетка 1928 года шла в СССР под лозунгом «догнать Америку» в 4 года, а вторая пятилетка — построить тяжелую индустрию и обогнать Америку.

Вторая 5-летка заканчивается в текущем 1937 году, но и до сих пор Америки не только не перегнали, но и не догнали. Для этой перегонки и был создан тип ударников из «партийных и непартийных большевиков», носящих название стахановцев.

На отмеченном съезде стахановцев старейший Таганрогского завода Бобылев сказал: «Сейчас нас никто не перегонит. Заверяю тебя, дорогой и любимый Сталин: с-й-Богу, дзержинцы не перегонят». Безбожник Бобылев, типичный подхалим и жалкий раб Сталина, клянется богом перед Сталиным, что их, рабеленных лакеер Сталина, никто не перегонит. Надо полагать, что они бегут весьма быстро.

Ткачиха М. Виноградова на том же съезде говорила: «Если найдутся работники, которые будут брать 144 станка, то мы обязательно перейдем на 150. Если кто либо заявит, что переходит на 150, то мы возьмем 200 станков. Мы рекорд никому не отдадим». А позже ткачиха Затрускина уже начала работать на 210 станках. В Америке же — максимум 94 станка.

Как ткачиха может работать одновременно на 210 ткацких станках, можно себе только вообразить! Естественно, что на 210 станках никто одновременно работать не может: возьмет порядочно времени лишь обойти вокруг этих машин, не работая на них. Что же касается рекорда, то Виноградова и ей подобные могут бегать целую смену возле них. Если они быстроногие, то могут, пожалуй, обежать в смену и тысячу станков. Но это уж относится больше к области физкультуры, чем к работе или производству.

О стахановцах рассказывает в «Соц. Вестнике» один нью-йоркский портной, побывавший в прошлом году в России и посетивший большую портняжную фабрику в Москве, на которой работает свыше 3,000 человек. Встретили заграничных гостей с музыкой и цветами и повели смотреть на знаменитого стахановца, работающего на 6 гладильных машинах. Нью-йоркский портной рассказывает:

«Смотрю, в большой зале стоят гладиль-

ные машины, а среди них вертится один-единешенек молодой человек, бледный, с измученным лицом и усталыми глазами. Краше в гроб кладут. А работает он так: на одной машине выгладит лацканы, перебежит к следующей — выгладит борты и т. д. Всего 6 машин. Пока он опять вернется к первой, — пар либо перегреется, либо остынет, надо снова регулировать. Беготня по кругу страшно утомляет и отнимает время. А к чему все это — неизвестно. В Америке гладят все платье на одной машине и бегать никуда не надо... Стоял со мною рядом при осмотре советской стахановщины еще один американский рабочий, гладильщик по специальности. Я ему тихонько по-английски говорю: «Ну-ка, скинь сюргук, покажи, как в Америке работают». Гладильщик постеснялся это сделать, но сказал, что он дал бы на одной машине без всяких фокусов вдвое больше костюмов в день, чем тот стахановец».

Говорили на съезде и другие стахановцы в том же духе: ударница Котова перешла с двух автоматов на четыре в шлифовальном цехе; каменщица Орлова на строительстве школ клала 4,000 кирпичей в смену вместо 1,100; слесарь Гвоздев из Климовского завода в Подольском районе один собирает два станка и т. д. А в это время головка компартии — Сталин, Каганович, Ворошилов, Молотов и другие «вожди», — поглаживая усы, должно быть, думали: «вот теперь только начинается настоящее строительство социализма на зло капиталистам и на радость пролетариям».

14 ноября 1936 года московские заправила отпраздновали годовщину стахановщины. Все советские газеты отметили «огромные успехи стахановцев». Вот что пишет передовик в «Правде», центральном органе партии большевиков, задающей тон всей советской прессе.

«Новые рекорды стахановцев приветствуются всеми, ибо они вскрывают новые возможности и обнаруживают высоты, к которым мы будем стремиться. Но уже пора от рекордов одиночек переходить к стахановским бригадам, цехам и заводам. Глав-

ной трудностью в промышленности сегодня остается неумение организовать стахановскую работу коллективно», пишет передовик и с большевизской восторженностью продолжает говорить об успехах сделанных стахановцами. Конечно он забыл, что на второй странице той же «Правды» бригадир Д. Кулаковский из шахты номер 12 «Брянка» пишет, что «рекорды есть, но почему же планы не выполняются?»

«Отдельные стахановцы почти ежедневно добиваются у нас замечательных рекордов. 400, 500 и даже 600 процентов выполнения новой нормы — не редкое у нас явление. Но получается так, что рекордов у нас много, а в целом шахта выполняет свой суточный план лишь на 55—60 процентов», пишет шахтер правду, не крыши душой и не преувеличивая ничего, как это делают высшие советские чиновники, стоящие у руля правления страны.

«Не будь стахановского движения, — читаем дальше в передовой «Правды», — производительность труда в крупной промышленности не могла бы подняться за 8 месяцев нынешнего года более, чем на 25 процентов — темп роста небывалый, неслыханный ранее. Благодаря стахановскому движению тяжелая и пищевая промышленность получают возможность выполнить свою вторую пятилетку в 4 года».

И дальше: «без стахановцев наш транспорт не смог бы так быстро подняться в гору», а, следовательно, потому нужно «помочь стахановцам развернуть движение, подтянуть всю массу рабочих до уровня стахановцев»...

Повторяется старая история, поются старые песни: «развернуть, подтянуть, подогнать, сделать массовым» и так далее. И все для блага трудящихся, во имя социализма (на советских каторгах находитесь свыше двух миллионов рабочих и крестьян, работающих под конвоем чекистов и на голодном пайке — тоже во имя социализма и блага трудящихся!). Совсем плохой и даже дрянный советский социализм, раз во имя его нужно вечно подтягиваться, надирать свои физические силы, терять максимум своей энергии, голодать, холодать,

жить скотской и рабской жизнью.

Выходит, что человек, этот венец создания, перл природы, царь земли, «царь природы и венец мироздания», рожден для машины, а не машина, — человеком созданная — для облегчения его труда. Странная логика у большевиков — марксистов.

Советская пресса ежедневно отмечает заслуги стахановцев и зовет подтянуться отстающих рабочих. В «Правде» от 8 января 1937 года в передовой «Второй стахановский год» читаем:

«Одна из решающих задач нынешнего этапа социалистического соревнования заключается в том, чтобы поднять на соревнование всех, в том числе отстающих рабочих. Из 244 сталеваров Донбасса лишь 75 выполнили на протяжении 2 месяцев условия соревнования... Остальные отстают. Их то и нужно подогнать. Так думают советские верхи».

Одним словом, стахановщина насаждается по всему СССР: на фабриках, заводах, мастерских, прачешных, колхозах, совхозах и т. д. Даже цирюльники обязаны подтянуться и стричь больше голов в смену, лесорубы — свалить больше деревьев, охотники — застрелить больше зверьков и так далее.

Известный французский писатель Андра Жид в своей книге «Возвращение из СССР», говоря о стахановцах, пишет: «Стахановец делает в 5 часов работу, на которую раньше уходило 8 дней. Я позволю себе спросить: не означает ли это, что раньше он делал в 8 дней работу, на которую требовалось нормально 5 часов?» И Андра Жид иллюстрирует это конкретным примером: «Группа французских шахтеров, путешествовавшая по СССР, из товарищеских чувств предложила сменить на работе группу русских шахтеров. И немедленно, не надрываясь, даже не подозревая об этом, они стали стахановцами».

«Объясняется это тем, что русские рабочие живут в ненормальных условиях, их организмы истощены долгим недоеданием, они ослабли. Поэтому русский рабочий не в силах выполнить самую обыкновенную работу, легко выполняемую здоровыми рабочи-

ми других стран, где они имеют надлежащее питание и нормальные условия жизни. Всякий знает, что даже лошадь сверх своих сил не повезет, даже паровая или электрическая машина не тянет сверх нормы, а человек тем более: стоит ему только недать несколько раз, как он почувствует убыль своих прежних сил. Советский же рабочий недоедает уже целых 20 лет! Большевицкая власть не считается с этим, ибо сытый голодного не разумеет, а лишь требует увеличения продукции. Но продукцию трудно получить от хилых, измученных и изможденных рабочих, поэтому у Сталина со стахановщиной ничего не получается, как в свое время ничего не получилось у Троцкого со «смычкой» города с деревней.

Второй год уже насаждается в СССР бешеным темпом стахановщина. Много человеческих жизней унесла она и унесит в могилу. А для чего все это? Неужели для торжества социализма нужны нечеловеческие страдания, терзания и мучения? Зачем вся эта чудовищная эксплуатация понадобилась большевицкой власти?

Нелепая сталинская стахановщина — путь не к социализму, а к грубому капитализму. Со сдельщиной рабочие борются в капиталистических странах, ибо знают, что поштучная работа выгодна для хозяина и убийственна для рабочего. Борются со стахановщиной — более грубой сдельщиной — и советские рабочие. «Об этом

«Правда» часто упоминает, что «враги пытаются пустить в ход теории о «кризисе» стахановского движения». Но при отсутствии политической свободы и при наличии экономического рабства не легка борьба советского рабочего, лишенного всех гражданских свобод, права на организацию, на передвижение и превращенного в придаток чудовищной государственной машины, давящей всех вместе и каждого в отдельности, кроме стоящего на самой вершине диктатора. Это давление испытывали на себе даже столпы большевизма, его основоположники и соратники Ленина, из которых «ниных» уж нет, другие странствуют далече», как Сади некогда сказал.

Если так называемая «диктатура пролетариата», за которую так крепко и рьяно ратуют марксисты, в два счета покончила со своими выдающимися деятелями и товарищами, как Зиновьев, Каменев, проф. Смирнов, Пятаков, Муралов и мн. др., которых отправила к праотцам в лоно Авраама, то что уж говорить о рабочем, лишенном всяких прав и сведенном на положение каторжанина, забытого безсловесного раба? Диктатура и того меньше перемонится с советским рабочим и крестьянином, но все же они находят новые пути борьбы со своими т. н. «социалистическими» эксплуататорами и душителями свободы.

Минский Мужик.

КАРАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ

Карательный Аппарат Русского Народа и Его Эволюция. Разные Наименования и Преобразования. Татарщина. Канцелярия Тайных Дел. Слово и Дело Государево. Тайная Экспедиция. Третье Отделение Собственной Его Величества Канцелярии. Отдельный Корпус Жандармов. ВЧКа. ОГПУ. Их Начальники и Предприятия. Новые Преобразования НКВД. Ежов.

Татарщина принесла Руси азиатчину и пытки, которым подвергали русский народ его поработители и властелины. Виновных или только заподозренных в чем-либо несправедливо секли кнутами на площадях, пытали их и казнили. Так азиатчина уничтожала чем-либо несправившихся ей людей, стоявших под татарским игом.

Петр Первый «преобразовал» татарщи-

ну и завел «канцелярию тайных дел», а также «слово и дело государево», от которых стоны и вопли стояли по всей России. Петровские палачи хватили всякого, кто попадался им только под руки, всячески пытали и секли кнутом с целью отыскать настоящую крамолу, официально или неофициально казнили, и люди пропадали без вести.

Петр III «упразднил» тайную канцелярию и «слово и дело государево» Петра I, и на место этих жупел была учреждена «тайная экспедиция», в которой попрежнему пытали, секли кнутом и казнили. При Павле I «работа» тайной экспедиции расширилась: всех арестованных свозили в Петербург, принимали их по числу кибиток, без указания имени и звания, про это ведало лишь высшее начальство экспедиции, затем их пытали, секли кнутом и казнили или ссылали в сибирские пустыни. И попрежнему люди пропадали.

Александр I «уничтожил» тайную экспедицию, но завел «Третье отделение собственной его величества канцелярии» с теми же пытками, казнями и ссылками в Сибирь. Третье отделение осталось и после судебных реформ Александра II. После купной конституции его «преобразовал» Николай II: отдельный корпус жандармов был слит с общей полицией в лице министра внутренних дел, являвшегося шефом жандармов. Этот департамент полиции при министерстве внутренних дел ведал провокацией и шпионажем, вел политические дела, в которых судебное следствие было заменено жандармским дознанием, а суд присяжных — особым присутствием судебной палаты; при чем особое совещание при министерстве внутренних дел широко пользовалось правом административной ссылкой.

Но вот в марте 1917 года самодержавие рухнуло, департамент полиции сожжен и охрана разгромлена. Октябрьская революция уничтожает весь бюрократический аппарат буржуазного государства, большевики, назвавшие себя коммунистами, становятся у кормила правления и учреждают «диктатуру пролетариата», продолжающуюся и по сей день.

Для борьбы с контр-революцией была создана ВЧК (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе контр-революций, саботажем и спекуляцией), учрежденная 20 декабря 1917 года и носившая название «чрезвычайки» или попросту — «чекки». При ее образовании декрет о правах и обязанностях ВЧК включал три основных

пункта: «преследовать и ликвидировать все контр - революционные и саботажнические попытки и действия, откуда бы они ни исходили; предавать суду революционного трибунала всех саботажников и контр - революционеров; ВЧК ведет только предварительные расследования, поскольку это нужно для пресечения преступлений».

ЧЕКА, в которую почти целиком вошел весь прежний состав царской охраны — матерые шпики, провокаторы, жандармы и ленинские «подлецы и негодяи», названные «сексотами», на практике усвоили лишь первый пункт положения о большевицкой охране — преследование и ликвидирование, отбросив остальные два пункта о предварительном расследовании и предании суду. Благодаря этой упрощенности, ленинские подлецы и негодяи вкупе с бывшими царскими охранниками, перешедшими на службу в ЧЕКУ, охватившую своими щупальцами всю Россию, рьяно принялись за «работу» с целью выслужиться перед новым начальством. Чекисты хватали без разбора всякого встречного и поперечного по малейшему подозрению или без оного — по одному лишь наговору, по антипатии или по личной злобе. Арестованных бросали в тюрьмы и в распадавшиеся, как грибы после дождя, многочисленные дома заключения, а ночью их выводили в подвалы и под шум заведенных моторов, расстреливали целыми пачками. На языке чекистов это называлось «вывести в расход», «поставить к стенке», «разменять» и т. д. Люди попадали в ЧЕКУ, но никогда отсюда не возвращались.

Слава о злодеяниях чекистов прогремела по всему миру. От зверских жестокостей и ужасов большевицких палачей содрогнулось в негодовании человечество.

Большевицкая власть победила контр-революцию, и Ленин — Маккиавели от «революции», — желая подкупить общественное мнение за границей и хоть отчасти скрасить отталкивающее впечатление, порожденное палаческой деятельностью ВЧК, предложил на IX съезде советов в 1921 году «упразднить» ее, заменив ЧЕКУ по-

литической полицией, ведающей розыском по делам, передаваемым затем в суд, и лишь в исключительных случаях применять ссылку без суда.

В 1922 году ВЧК была реорганизована и переименована в карательный аппарат, который стал называться ОГПУ (Объединенное главное политическое управление — царская жандармерия), в котором остались те же палачи — чекисты и те же методы расправ, сыска и заложничества. Подобно ВЧК, «канцелярии тайных дел», «тайной экспедиции», «З-му отделению и т. д. ОГПУ осталось тем же палаческим аппаратом, наделенным исключительными правами и привилегиями и превратившееся в чекистское государство в большевицком государстве, со своими отдельными войсками, артиллерией, танками, пулеметами, аэропланами, поместьями, угодьями, промышленными и торговыми предприятиями и прочими атрибутами.

ОГПУ, призванное блюсти «революционную законность», возбуждало дела, применяло моральные и физические пытки: оно набивало камеры людьми так плотно, что в буквальном смысле слова человеку нигде было повернуться; камеры кишели вшами и клопами; посредством специального и недостаточного питания чекисты или же гопеусты развивали цынгу; широко применяли угрозы расстрела, ареста жены или мужа, детей и родственников и ссылали их на каторжные работы; употреблялись инсценировки вывода ночью на расстрел, а также — «стоянки», когда арестованных заставляли стоять без еды и питья и без сна до 6 суток без перерыва; часто применялись карцеры — холодный, горячий и мокрый, — когда арестованного, раздетого догола, оставляли в зимнюю службу на морозе, бросали в карцер с высокой температурой или в карцер, заполненный водой на 20—30 сантиметров, а также «конвейеры», когда подследственных заставляют бежать друг за другом из этажа в этаж, из кабинета в кабинет до тех пор, пока они не упадут без сознания или пока не подпишут «признания». Затем ОГПУ выносило приговоры и даже вмени-

валось часто в хозяйственную жизнь страны, что нередко приводило к расстройству хозяйственных планов аппаратчиков. Но зато в распоряжении ОГПУ всегда находился добрый миллион заключенных в концентрационных лагерях, содержавшихся в самых гнусных условиях.

Эти огромные кадры рабов всегда выгодно использовывало ОГПУ: оно строило свои фабрики и заводы, свои колхозы и другие предприятия, на которых и по сей день работают сотни тысяч заключенных. Аппарат ОГПУ развивал не только в систему пыток и бесчеловечных казней, но и в организованного рабовладельца, энергично охотящегося за людьми по всей необъятной России. Стонами и воплями переполнилась русская земля: люди гибли уже не тысячами, а миллионами в концлагерях, на разных стройках и лесозаготовках...

Первым палачом — главою большевицкого карательного аппарата — был Дзержинский, прозванный в большевицких молитвах «золотым сердцем». Честолюбивый, предприимчивый, жестокий и строгий пап Дзержинский был чекистом — хозяйственником, ничем не отличающимся от царских жандармов, обзаводившихся промышленными и торговыми предприятиями. «Ремесло» палача заставляло его больше всего думать о провокации и ссылке, чем о каких-то идеалах социальной справедливости, свободы, равенства и братства.

В помощники Дзержинскому, которого побаивался сам большевицкий божок Ленин, не говоря уже о других его сподвижниках и лейтенантах, имевших значение простых пешек, приставлен был холодно-расчетливый ханжа и циник Менжинский, фактически управлявший делами ВЧК и ОГПУ и придававший карательному аппарату «эластичность», страхованному от неожиданных переменностей, так как Дзержинского гоняли на разные «прорывы». Поэтому слава Нерона и почести палача всецело падали на Дзержинского, а Менжинский, душе всего боявшийся казаться смешным и глупым, все время оставался в тени, хотя он «работал» в ВЧК с Уриц-

ким, совмещая наркомфинство с «военной организацией партии» до апреля 1918 года, когда он был затем назначен генкопсулом в Берлин.

Менжинский оставался в тени даже после того, как он стал официальным главою ОГПУ, и лавры падальей пожинали Петерсы, Мессинги, Акуловы и Ягоды: Сам же Менжинский играл роль затертого и бессильного человека — «страдальца», который все же устраивал разные процессы и окружил всех большевистских сановников густою сетью шпионов. От него не ускользали никакие внутривластные загозоры, разговорчики или замыслы: он во-время все знал и докладывал «вождю». Его система сыска и террора могла бы вывести в расход самого диктатора Сталина, но дворцовые перевороты не входили в расчетливость Менжинского, целью которого было, учитывая обстановку, изымать или убивать да спокойно жить во славу большевистского царствования.

Следствие обреченности Менжинского, ставшего принимать меньшее участие в руководстве делами ОГПУ, Сталин, прекрасно знающий свой карательный аппарат, который может без надлежającego заместителя уничтожить и его самого, решил «реорганизовать» его. Поэтому 20-го июня 1923 года был издан декрет о реорганизации ОГПУ и учреждения «союзного прокурора», которому предоставлены были исключительные права: возбуждать судебное преследование в любой «республике» на территории СССР; вмешиваться в судебные процессы в любой их стадии и руководить деятельностью большевистской прокуратуры. Но самым важным пунктом, ради которого была учреждена должность прокурора, — это подчинение последнему ОГПУ, полиции, отделов уголовного розыска и исполнение приговоров.

До издания декрета о «реорганизации» карательного аппарата ОГПУ формально было подчинено ЦИКУ СССР, хотя фактически оно «отчитывалось» только перед послушным Сталину политбюро, а с учреждением прокуратуры оно низведено было на подчиненный орган, ничем не от-

личающийся от других.

Со смертью Менжинского, на место которого нельзя было найти достойного и верного заместителя, этой реорганизации ОГПУ оказалось недостаточно, ибо большевистская охранка могла натворить бед для ее учредителей и начальников, так как при знана была ненадежной вместе с ее начальником Ягодой, бывшим фармацевтом в Нижнем-Новгороде, где он познакомился со Свердловым и Максимом Горьким.

Ягода начал делать свою карьеру после большевистского переворота, держась за юбку жены, племянницы Свердлова, который представил Ягodu Дзержинскому для устройства его по линии ВЧК. Вскоре Ягода близко сошелся с начальником особого отдела ОГПУ — Менжинским и через короткое время сделался секретарем ОГПУ, а потом, когда Менжинский стал главою ОГПУ, он был его заместителем, ставшим почти фактическим хозяином карательного аппарата, так как Менжинский уступил Ягоде свою власть. Но тут он столкнулся со вторым заместителем Менжинского — Трелиссером, старым большевиком, которого Ягода выжил, уличив его в симпатиях к Троцкому. Наибольшей же славы Ягода достиг постройкой Беломорско-Балтийского канала, «канала горя и слез», который строился руками жертв ОГПУ, погибавших там тысячами. Канал был построен каторжным трудом бессловесных рабов — заключенных, после чего большевики выпустили роскошный альбом-книгу с photographиями и сладкими панетирками Сталину и Ягоде. По случаю открытия канала Максим Горький произнес хвалебную речь своему товарищу Ягоде, который почтен был всеми знаками отличия, существующими в СССР.

Подобно Ленину, Сталин решил сделать «коренную реформу» и «упразднить» ОГПУ, а из надежных кадров создать новый комисариат внутренних дел, т. е. то, что было при царизме. 11-го июля 1934 года большевики в третий раз переименовали название своего карательного аппарата, присвоив ему имя «народного комисариата внутренних дел», с той же «наружной

полицей», переименованной в милицию, и прежней охранкой с приставами и исправниками, переименованными в «представителей», но с правами царских генерал-губернаторов.

Атом об «упразднении» ОГПУ диктатор Сталин хочет показать населению СССР и общественному мнению заграничной, что времена террора уже прошли и начинается эпоха «сотрудничества», поэтому большевицкая власть, не нуждаясь больше в гнусной охранке, «упраздняет» ОГПУ, состоящее в главной своей массе не из идейных людей, а из уголовных преступников, головорезов, мародеров и бандитов. Вторая цель «реформы» — это спасти собственное положение и существование большевицкой власти от ОГПУ, ставшим совсем ненадежным, кадры которого были значительно сокращены. «Вычищенные» чекисты были назначены на работы в колхозах и гострестах, а оставшиеся на службе в большевицкой охранке служат теперь тайными агентами в комиссариате внутренних дел.

Очевидно, Сталин решил избавиться от ненадежных элементов из ОГПУ, неспособном положить конец всяким заговорам и антибольшевицким выступлениям рабочих и крестьян. Ненадежность чекистов — охранников доказывается их арестами и расстрелами: в одном Киеве было арестовано 50 важнейших чекистов, вместе с начальником ГПУ, занимавшимся взяточничеством, грабежами и спекуляцией; у него нашли 50 бриллиантов. А после убийства Кирова, наместника Сталина в Ленинградской области, ОГПУ подверглось самой тщательной чистке, причем некоторые чекисты были расстреляны вместе с начальником Ленинградского ГПУ — Медведем, а другие сосланы в концлагери.

Декрет об «упразднении» ОГПУ и учреждении общественного комиссариата внутренних дел предусматривает следующие его функции:

Обеспечение «революционного» порядка и государственной безопасности; охрана общественной (государственной) собственности; запись актов гражданского состоя-

ния; пограничная охрана. А посему в НКВД сосредоточивается:

Главное управление государственной безопасности: главное управление рабоче-крестьянской милиции; главное управление трудовых лагерей и поселений; отдел актов гражданского состояния; особый отдел или все та же ОХРАНКА с правом административной ссылки и заключения в исправительно-трудовые концентрационные лагеря сроком на 5 лет, а также высылке за пределы СССР.

Согласно декрету, большевицкая охранка лишена права выносить смертные приговоры, или творить суд и расправу административным порядком. Все расследуемые охранным отделением дела, в случае неприменения административных мер высылки, ссылки и заключения в концентрационные лагеря, должны передаваться в подлежащие суды: преступления против государства подлежат рассмотрению в верховных судах СССР и «союзных республик», а также в краевых и областных судах, дела об измене родине, шпионаже, терроре, поджогах, взрывах и других видах диверсий передаются в высшую коллегию верховного суда СССР или в военные трибуналы округов по подсудности; дело о преступлениях на железных дорогах и водном транспорте рассматриваются соответствующими коллегиями верховного суда СССР или линейными железно-дорожными и военными судами; все остальные дела подлежат рассмотрению в народных судах по принадлежности. Все судебные решения могут быть обжалованы в «судебно-надзорную коллегию верховного суда СССР», которая имеет право отменять или изменять приговоры, как коллегий верховного суда СССР, так и верховных судов «республик». Приговоры этих апелляционных инстанций могут быть также опротестованы председателем верховного суда и прокурором СССР в пленум верховного суда СССР и в президиум ЦИКА.

Таковы «реформы» Сталина в своем большевицком карательном аппарате русского народа. Из всех большевицких учреждений наиболее совершенным в смысле

бесперебойной работоспособности является именно карательный аппарат, заведенный первым большевиком божком Лениным. болван которого и поныне хранится в специально для него устроенном в голодные годы дорогим мавзолее — капище, куда стекаются ежедневно на поклонение канонизированным мощам своего святого ортодоксальные большевики, подобно тому, как правоверные католики стекаются в Рим, магометане — в Мекку, а буддисты — в Лхасу. У «коммунистов» же своя святыня — мощи Ленина в Москве.

Вот уже 20 год ленинский карательный аппарат, служащий орудием устрашения, террора, пыток и казней, «работает» безостановочно днем и ночью. Вся деятельность этого, достойного большевиков, учреждения заключается в охоте за человеческими головами: чем больше выхватывается людских голов из общей массы населения СССР, тем пламеннее и громче большевистские молитвы и словословия палачам в казенной печати, служащей им орудием защиты и пропаганды.

В последнее время карающая рука кровопускательного большевистского аппарата направлена в сторону самих же большевиков, создавших этот аппарат и теперь уничтожающий их, как опасных оппозиционеров, мечтающих захватить власть и мешающих диктатуре, который, как правитель, вынужден круто расправиться с ними. Быть — может, этот ощутительный урок послужит честным большевикам и социалистам наукой, и они поймут, наконец, идею БЕЗВЛАСТИЯ, основанную на самоуправлении народа, и перестанут кичиться и тянуть к так называемой «диктатуре пролетариата», ибо всякая диктатура — зло. Если они не верили безвластникам прежде, то теперь, наверное, они убедились на собственном опыте.

Террор «диктатуры пролетариата» и пули чекистов направлены теперь, главным образом, на учредителей этой самой диктатуры, под которой вот уже 20-й год стоит русский народ, — на старых большевиков. В августе 1936 года марксистская «диктатура пролетариата» отправила

к праотцам 16 видных большевиков, в том числе известнейшего Зиновьева, Каменева, проф. Смирнова, Евдокимова, Бакаева и т. д., а в январе текущего 1937 года по делу 17-ти старых большевиков были осуждены все 17 человек: четыре, в числе их бывший полпред в Лондоне Г. Сокольников и долголетний редактор «Известий», официального органа печати ЦИК СССР, — К. Радек, посланы в тюрьму на 8—10 лет, а 13 человек расстреляно, в том числе первый заместитель наркома тяжелой промышленности Григорий Пятаков, товарищ наркома путей сообщения Л. Я. Серебряков, второй товарищ наркома путей сообщения И. А. Тифшиц, бывший командующий войсками Московского военного округа Н. И. Муралов, бывший секретарь Московского совета И. Н. Дробинин, член президиума Московского совета М. С. Богуславский, глава химического треста «Главхимпром» С. А. Ратайчак, начальник Южно - Уральских ж.-д. И. А. Князев и т. д.

Сколько расстреляно людей большевистским карательным аппаратом, — никто не знает, за исключением диктатора Сталина и его политбюро. Сведений этих большевистская печать не публикует. По подсчетам Троцкого за одно только убийство Кирова было расстреляно 283 человека, включая Зиновьева, Каменева и остальных 14 душ, приговоренных к смерти по делу 16. А дело 17-ти окончилось еще 13 смертями «троцкистов». А сколько уничтожено втихомолку незаметных оппозиционеров? А сколько десятков тысяч заключено в политизоляторы и сослано в концлагеря?

Готовятся новые процессы и в первую очередь процесс Бухарина и Рыкова. По сообщениям московских корреспондентов, уже после процесса 17-ти было арестовано за один только февраль 1937 года свыше 10.000 оппозиционеров.

Вскоре после процесса 16-ти, отправленного к праотцам некогда всемогущего Гришку Зиновьева и его коллег, постановлением ЦИК СССР был снят 28 сентября 1936 года с поста наркома внутренних дел — глава ОГПУ Г. Г. Ягода и

переведен на должность наркома почт и телеграфов. Главой же карательного аппарата был назначен секретарь ЦК компартии и председатель ЦКК — Николай Иванович Ежов, 41 года, из петербургских рабочих, примкнувший к партии большевиков в 1917 году и участвовавший в гражданской войне в качестве военного комиссара. В 1929 году он был назначен товарищем наркома земледелия, а в 1934 году был избран членом ЦК и ЦКК.

Назначение Ежова на пост, делающий его вторым после Сталина человеком, вызвало сенсацию в партийных кругах, в которых считают нового начальника ОГПУ бездарным и озлобленным человеком, научившимся за 10 лет работы в ЦКК и оргбюро искусству партийных интриг. После убийства Кирова 1 декабря 1934 года, весьма схожего с убийством Столыпина, началось быстрое возвышение Ежова, занявшего все посты в главном секретариате компартии, которые обеспечены были за Кировым. При помощи Кагановича Ежов свалил сложной интригой Ягоду, занял его пост и заполнил руководящие места в НКВД своими сторонниками, оставив на месте из старых чекистов только одного Агранова, пользующегося полным доверием Сталина.

В партийных кругах Ежова ненавидят за то, что он является ярким противником примирительной политики руководящей головой компартии с оппозицией. Умея разжигать болезненную подозрительность Сталина, Ежов втерся к нему в большое

доверие, стал сильно на него влиять и проводить свою политику непримиримости. Так, например, Ежов низложил долголетнее секретаря ЦИКа Авеля Енукидзе, одного из ближайших друзей Сталина, который с ведома последнего оказывал широкую помощь сыльным членам компартии. Воспользовавшись этим мягким отношением Енукидзе к оппозиционерам, Ежов, как председатель ЦКК — центральной контрольной комиссии, добился его увольнения с должности секретаря ЦИКа. Расправа с Енукидзе была предупреждением Максиму Горькому, тоже стороннику примирительной политики, с которым не решались поступить круто, но ущемляли его в мелочах, а сам Сталин перестал приходить к Горькому в гости и уклонялся от ответов на его телефонные вызовы. Таким образом с возвышением Ежова восторжествовала политика непримиримости и отсюда началась кровавая расправа Сталина с оппозицией.

Большевизский карательный аппарат действовал в руках Дзержинского, Менжинского и Ягоды. Сменились только лица, а система кровопускания осталась прежней. Счастлив будет русский народ в тот день, когда он разрушит, испепелит и уничтожит этот чудовищный аппарат вместе с его вдохновителями — начальниками и исполнителями — чекистами. И чем скорее придет этот день, тем меньше прольется человеческой крови и слез, в которых можно утопить всех охранников — чекистов.

МАРК СТЕПНОЙ.

КОММУНИЗМ И АНАРХИЗМ

Коммунизм может быть только анархическим; без анархии, без свободы, можно вообразить, можно вообразить повторю, монастырь католиков, деспотически-отеческий режим иезуитов в Паратвае или какой бы то ни было деспотизм на азиатский манер, но не коммунизм людей сознательных, цивилизованных, прогрессивных.

Коммунизм есть идеал. Но может стать режимом, способом социального сожительства, в котором производство было бы организовано для пользы всех, таким образом,

чтобы использовать наилучше человеческий труд, дать всем наибольшее возможное благосостояние и наибольшую свободу, и чтобы все социальные взаимоотношения были таковыми, чтобы гарантировать каждому в отдельности, максимальное удовлетворение, наиболее максимально — возможное развитие материальное, моральное и интеллектуальное. При коммунизме, по классической формуле — каждый дает по своим способностям и каждый получает по своим потребностям.

Попробуйте же приложить эту формулу авторитарно, посредством законов и декретов, исходящих от правительства и навязанных всем силой.

Какова мерка способности человека, и кто может судить об этом? Какова граница рациональных потребностей и кто сможет определить и навязать их?

Способности людей варьируют в сильной степени и даже их потребности. Варьируют (изменяются) от местности к местности, от профессии к профессии, от личности к личности, от момента к моменту. Как же может быть возможно, воображаемо правило, прилагаемое ко всем? И кто будет тот гений, который смог бы декретировать такое правило?

Возможен казарменный режим, при котором каждая личность задушена, в котором никто не доволен, где равенство есть только формула, видимость, и где в действительности существует самое отвратительное и глупое неравенство, но даже и так, казарма может существовать только потому, что вожди — те, кому удалось главенствовать, исключают себя из общего правила, властвуют и эксплуатируют массы.

Но коммунистическое общество — невозможно, если оно не вырастает стихийно из свободного договора, если оно не варьирует и не изменяется, как его хотят и определяют внешние условия, желания и воля каждого.

Классическая формула, которую мы приводили выше, может остаться в силе, следовательно только тогда, если она сливается с другой: каждый дает и берет то, что он хочет. А это предполагает избыток и любовь.

Избыток же не увеличивается, а наоборот, уменьшается при принудительной работе, которая ставит в оппозицию интересы и чувства рабочего, который исполняет работу для того, кто за ней наблюдает или управляет. Любовь же, чувство братства, предрасположение уступать друг другу и взаимно терпимо относиться, не рождается и наверное, не развивается посредством законов и деятельности жандармов.

Коммунизм, чтобы быть возможным,

чтобы быть действительным участием в общем деле душ и вещей, а не возвращением к рабству, должен создаваться на местах, в группах близких по духу, благодаря практике материальных выгод, которые коммунизмом приносит, благодаря обеспечению, которым он воодушевляет, благодаря удовлетворению чувств общительности и добросердечия, которые имеются в душе каждого человеческого существа и которые проявляются и развиваются сейчас же после того, как исчезает необходимость борьбы против других, чтобы обеспечить свое собственное существование и существование лиц наиболее дорогих. Коммунизм, наконец, должен быть прежде в чувствах, а затем уже в вещах.

Все равно, как в семье или группе товарищей, живут вместе. Живут коммуной, если сходятся по симпатии. Отдаете больше более слабому, кому больше нужно, и каждый доволен и горд сотрудничать для общего блага, если есть гармония и любовь между членами этой группы.

Если же туда просачивается сила, авторитет, немедленно же начинается борьба интересов и семья рассеивается.

Авторитарные коммунисты часто говорят, что авторитет, правительство, диктатура необходимы вначале, «временно», чтобы сейчас же после победного восстания, организовать общество, после же этого и они также готовы принять анархизм. Но как раз противное было бы правильно. Когда коммунистическое общество было бы организовано и функционировало, удовлетворяя всех, целую страну, тогда вопрос об авторитаризме власти не существовало бы больше и администрация вещей, ведомая в интересах всех и при участии всех, не согласилась бы принять никакой власти человека над человеком.

Но когда, наоборот, вопрос идет о том, чтобы сделать возможным и организовать коммунизм, тогда авторитет — пагубен, потому что душит всякую стихийность и всякую перемену; потому что подчиняет интересы личностей и коллективов интересам властвующей касты; потому что, в лучшем из случаев, будет стараться навязать си-

СВИНСКИЙ ДЕКРЕТ

Новая глава из вышедшей в Риге 2-го издания книги Минского Мужика «Что я видел в Советской России?»

В Советской России великое изобилие декретов. Одни из них стали как бы музеевой редкостью, другие же, войдя в жизнь, продолжают занимать современников.

Декретов так много, что сами творцы—кремлевцы не в состоянии их упомнить.

Одним из самых невыгодных и даже вредных декретов для крестьян оказался так называемый «Свинский декрет». Его знают все от старого до малого. Он, как

назойливая муха, неотвязно докучает крестьянство, составляющее, как известно, 85% населения страны.

Были плохие времена на Руси, об этом нам говорит история. Русский народ перенес много разных законов, но такого пеленного и вредного закона-декрета, как «Свинский декрет» не был еще никогда.

Заснятая же ниже фотография этого декрета и объяснение к нему не требуют комментариев. В таком виде этот снимок

**РАЗВОДИТЕ,
ВЫРАЩИВАЙТЕ
СВИНЕЙ —**

**ЭТИМ ВЫ ОБЕСПЕЧИТЕ
СЕБЯ И СТРАНУ
САЛОМ И МЯСОМ,
А ПРОМЫШЛЕН-
НОСТЬ СЫРЬЕМ**

**НЕ ДОНУ-
СКАЙТЕ
ОПАЛИВАНИЯ
И ОШПАРИВАНИЯ
СВИННЫХ ШКУР —**

**ЭТО ЦЕННОЕ СЫРЬЕ ДЛЯ
КОЖПРОМЫШЛЕННОСТИ,
ВЫРАБАТЫВАЮЩЕЙ
ИЗ НЕГО ОБУВЬ,
СЕРУЮ И ДР.
КОЖЕВЕННЫЕ
ИЗДЕЛИЯ,
НУЖНЫЕ
СТРАНЕ**

**1. В ЦЕЛЯХ
СВЕРЕЖЕНИЯ СВИННЫХ ШКУР,
ВСЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ, А ТАКЖЕ
ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ: а) ОПАЛИВАНИЕ
И ОСКАЛЫВАНИЕ СВИННЫХ ТУШ; б) ОБРАБОТКА СВИННЫХ ТУШ
КАК ДЛЯ ПРОДАЖИ, ТАК И ДЛЯ ЛичНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ БЕЗ ПРЕДВАРИ-
ТЕЛЬНОГО СНИАТИЯ ШКУР С ТУШ; в) УБИТОЖЕНИЕ ТУШ СВИНЕЙ, НАВИШАХ ОТ
БЕЗРАЗЛИЧНЫХ БОЛЕЗНЕЙ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СНИАТИЯ ШКУРЫ С ТУШ.
2. ЗА НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 НАСТОЯЩЕГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЧАСТНЫЕ
ЛИЦА ПОДЛЕЖАТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. ИЗ УГОЛ. КОДЕКСА
РСФСР. А ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА—УГОЛОВНОЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕ-
НОСТИ И КАК ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВАЖ ПРОСТУПКА.**

(ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВДНК И СНК)

Одобляет 234 Тираж 6 экз. УПКПГ в РПФ Зак. № 3114 Кош.-б-слов. фабрика Одессе

лой благо, которое не может выжить, если оно не желает свободно.

Коммунизм должен развиваться последовательно, поскольку это позволят внешние обстоятельства.

Чтобы прийти к нему, по нашему мнению, необходимо и достаточно, чтобы все мы имели свободу и средства производства, чтобы никто не смог бы заставить других работать на себя. Для создания этих условий, мы считаем необходимой насильственную революцию. Но раз уничтожено материальное препятствие (правительство), которое противится осуществлению коммунизма, всякое насилие будет бесполезно, вредно и преступно.

Э. МАЛАТЕСТА.

напечатан большевиками с целью осведомления на обратной стороне конвертов в количестве 6 миллионов экземпляров.

Стоит внимательно прочесть это советское «изобретение» и подумать над тем, какие в результате получаются от него последствия.

«Опаливание и ошпаривание свиных шкур строго воспрещается». Возбращается даже павших свиней предавать земле без предварительного снятия с них шкур. За нарушение этого декрета частные лица подлежат по ст. 105 кодекса уголовной ответственности. А должностные лица—уголовной и дисциплинарной ответственности, как за «должностные преступления».

Нельзя отрицать выгоды для страны от эксплуатации и свиных шкур. Из этих

переработанных на фабрике шкур шьется обувь, делается сбруя и др. кожаные изделия. Особенно же в этих предметах ощущается большой недостаток как в городе, так и в деревне. Советские граждане остро нуждаются в обуви и буквально нуждаются в ней деревня — кормилица городов.

Почему же тогда этот «свинский декрет» явился самым тяжелым и ненавистным в СССР? Неужели русские крестьяне настолько глупы и не понимают, что им нужны кожаные товары, выделяемые из свиных шкур?

Почему же и откуда народилась сильная злоба и ненависть одновременно и к этому декрету и к тем, кто издал его — советским правителям?

Опыт расследования на месте показал, что советский гражданин, в особенности крестьянин, ненавидит его по двум причинам: во-первых, потому, что за снятую шкуру свиньи государство платит всего на всего 3 рубля, что равняется стоимости 5 яиц, во-вторых же и главных, потому что сало неопаленных свиней быстро подвергается порче и принимает иной, неприятный вкус.

Кроме того, без кожи сало скоро покрывается желтым налетом и его нужно отскребывать перед употреблением, что, конечно, не улучшает его неважного вкуса.

Сало же у русского крестьянина — любимое и наиболее ценное им блюдо. Он бережно употребляет его, хранит круглый год, в летнее же время, при тяжелых полевых работах, ест его почти каждый день. Вообще сало играет чрезвычайно роль в питании крестьян, — поэтому-то они и вознегодовали и возроптали с таким скрытым ожесточением на советскую власть, выпустившую декрет, который затрудняет

как сохранение, так и употребление этого необходимого продукта, да еще отбирал при этом, в сущности, задаром, драгоценную свиную шкуру.

Конечно, крестьянин сумел бы обойти этот «свинский декрет», если бы он был не так строг, но он не в силах это сделать: сало с осмаленной кожей трудно скрывать весь год. За обнаруженный даже небольшой кусок сала с кожей, крестьянина привлекают к уголовной ответственности, влекущей к разорению его крошечного хозяйства и семьи.

Советская власть, взявшаяся перестраивать Россию на «социалистический» началах, не считается с народной нуждой. Нужен хлеб: и его забирают, оставляя без насущного куса тех, которые производят его, не считаясь с тем, что без хлеба крестьянин должен страдать, часто голодать и умирать, — пример Украины 1933 года, когда голод унес до семи миллионов душ и разорил сотни тысяч сельских хозяйств.

Дерут кожу комиссары с советской свиньи, — убитой-то свинье разницы нет, будут ли ее смалить или «ошпаривать». Другое дело для крестьянина: для него это — сильный удар. Ему больно, когда в его бедную избу вторгаются комиссары с декретами и забирают его хлеб и свиную кожу, идущую на сапоги, купить которые ему приходится не легко, — продав государству 18 пудов хлеба за пару сапог, стоивших до войны семь рублей.

Словом, крестьяне в Советской России, обираемые и затираемые властью со всех сторон, получили маленький, но весьма «свинский» подарок, в придачу ко всем прежним «улучшениям» их быта.

Минский Мужик.

Письмо к сибирским кооператорам № 1)

Еще в бытность в Лондоне, мы, жена и я, всегда с большим интересом читали любезно выславшуюся нам Вашу «Народную Газету». Меня поразила, однажды,

высказанная вами мысль, что Сибирские кооперативы со временем возмут в свои руки все то, что теперь лежит на обязанности земств. Мысль совершенно верная.

В конце восемнадцатого века, когда социализм зарождался из продовольственных затруднений французской революции, в

1) Письмо это было написано П. А. летом 1918 г.

июне 1793 года, первым его лозунгом было «Первого Года Равенство», при чем Равенство понималось, как обеспечение благосостояния для всех при помощи социализации потребления. Социализация производства естественно вытекала из социализации потребления. Сама жизнь и ее осложнения во время революции и войны со всею монархическою Европой, — а не теория — привела народ в Лионе и первого проповедника социализма — лионского рабочего Л'Анжа — а за ним и первого теоретика социализма, великого Фурье, к мысли о необходимости сразу же начать с кооперации в потреблении и с организации потребительских союзов, членами которых состояли бы все граждане, а не откладывать объединение потребителей, т. е. всего общества на последующее время. Л'Анж и Фурье, оба пережившие те же ужасы голода, что теперь переживает Россия (тоже во время своей революции) они оба поняли, что прежде всего нужно организовать прокормление в союзе всех потребителей и это естественно приведет к организации союзного производства.

Под «производством» следует, конечно, помнить производство всего того, что нужно обществу для его жизни, т. е. — пищи прежде всего, жилища, одежды, и конечно, устройство путей сообщения, организацию медицинской помощи, образования и самозащиты. Мало по малу, долгою упорною борьбою, земствам в России удалось отвоевать у государства частицу забот о путях сообщения, медицинской помощи и народном образовании. Но только частицу. Так как земство по своему происхождению, представляло только часть государственной организации и все еще продолжает быть у нас частью государства (для сбора податей), то естественно, что государство упорно стремится удерживать земства под своей опекой, а потому ограничивает их деятельность, не дает, особенно у нас в России, в Германии и Австрии, но также и во всей западной Европе, земской школе развиваться так, как она сама найдет нужным развиваться в каждой данной местности.

Из этого выходит то, что, например, в

Сибири, где так необходимо было в самых широких размерах производить разведку естественных богатств и распространять земледельческое и техническое образование, у нас в Восточной Сибири не было ни университетов, ни даже технической горной школы, а между тем геологические исследования и съёмки в Соед. Штатах Северной Америки были главным камнем, на котором развивалось современное богатство Штатов как земледельческое, так и промышленное, а у нас правительство десятки лет мешало основанию университетов и школ, и распространению земледельческого и технического образования.

В 60-х годах, когда я был в Иркутске и ген.-губернатор позволил мне отправиться в разведочную Экспедицию в Саяны (в Окнинский Караул 2), в Иркутске я не мог найти даже буссоли для съёмки (инженеры уже раз'ехали на летние работы, а запасов инструментов не было) и я мог взять с собой только горную буссоль (без диоптров) и планшет в 8×10 дюймов.

Учиться же геологии или физиографии во всем Иркутске не было никаких руководств, я нашел случайно попавшее в Сибирь в Отделение Географического Общества наставление по Геологии или Минералогии путешественникам пешком, изданное англ. геогр. о-вом и в нем были поразительно умные наставления о геологической разведке гениального Дарвина. Нечего и говорить насколько она много мне помогла. Но хуже того, когда началась Японская война, то во всей Восточной Сибири приходилось возить с Урала весь железный товар, вплоть до последнего гвоздя, а во всей Сибири западной и восточной, не было ни одного технического и даже ремесленного училища.

Что дадут России будущие ее правительства — мы не знаем. Государственные

2) В эту поездку я открыл совершенно не подозревая большую (третичную) вулканическую область на китайской границе в верхнем течении Джунбулака и в первые прошел прямым путем из Окнинского Караула на Зиминскую станцию и снял этот путь.

нужды России всегда будут так велики, что особенных щедрот в этом направлении нечего ожидать. И вот я обращаюсь к Вам, члены Сибирских кооперативов, с серьезной мольбой: возьмите вы в свои руки организацию технических средств. — Только поставьте свои первые шаги на практическую ногу, чтобы всякий крестьянин видел пользу вашего образования! Организуйте народное образование так, чтобы оно содействовало увеличению производительных сил страны и развитию содружеского духа в учениках ваших школ, — и у сибирского крестьянина найдутся средства для поддержки ваших школ.

Введите в них трудовое начало, ручной труд на земле и в мастерской, и вы увидите как быстро пойдет умственное развитие ваших учеников, как оно облегчит им понимание природы и тех средств, которыми человек добывает себе средства к пропитанию и довольству 3).

И вы увидите с другой стороны, как умный сибирский крестьянин быстро поймет пользу таких школ и поддержит их.

3) Как раз я об этом только что написал в книжку.

Вы знаете в каком ужасном положении находится теперь Европейская Россия, в тисках немецкого нашествия. Я уверен — его отразит русский народ, но чтобы залечить глубоко нанесенные нашествием раны, потребуется не один десяток лет, и тут то вы жители Сибири, сможете во многом и очень многим помочь вашей родине, материально в виде жертв, а также и развивая свое собственное благосостояние, зарабатывая непочатные богатства Сибири и помогая России возрождаться в виде молодой полной жизни демократической федерации Соединенных Штатов. Только возьмитесь дружно за работу, конечно, не с эгоистичною мыслью: «моя хата с краю». В теперешнем мире нет хат с краю, одного насильника вроде Германии достаточно, чтобы все страдали. И наоборот, все, что бы вы ни сделали для создания новой нации, вдохновит и другие народы мыслью общечеловеческой взаимопомощи. Одушевленная такою мыслью, Сибирь много сможет дать миру, как теперь дают Европе молодые Соед. Штаты Северной Америки, прокладывая новые пути человеческого развития.

П. Кропоткин.

СВОБОДА

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежным.
Всю жизнь мне, все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:

Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылым
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать трогательно заветное слово:

Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полуночной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспресветный,
Сквозь все завывания ветра ночного,
Мне слышится с родины юное слово:

Свобода! Свобода!

И все то мне грезится снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина:
Лицо бородастое, мощь исполина:
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:

Свобода! Свобода!

Но, еслиб грозила беда да невзгода
И рук для борьбы захотела свобода, —
Сейчас полечу на защиту народа.
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:

Свобода! Свобода!

Умру я с надеждой и верою ныне.
Но в миг передсмертный, в спокойной кручине,

Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ, шепни мне последнее слово:

Свобода! Свобода!

Н. ОГАРЕВ

НОВАЯ ЖИЗНЬ В ИСПАНИИ

(Перевод с немецкого)

Дачный город Блане. — 10,000 населения — 500,000 пезет дефицита и 400 безработных. — Теперь недохват рабочих. — Все принадлежит городу. — Управляется город комитетом. — Старая и новая школа. — Анархист Домингуэс во главе всех школ. — Детский приют со 150 детьми — сиротами. — Казарма превращена в школу. — Фабрика искусственного шелка.

Блане небольшое местечко, 10,000 жителей. Оно находится в провинции Гарна, расположено в живописной местности Коста-Брава. В местечке слабо развита промышленность. До 19 июля оно служило дачным местом для богатей. Множество роскошных дач, расположенных в окрестностях городка на берегу моря свидетельствуют, что здесь весело и привольно проводили летний отдых люди, которым не приходилось считаться с деньгами. Зато в самом городке масса жилых помещений, лишенных света и воздуха. Эти темные, тесные квартиры городской бедноты тем более разительны, что городок находится в местности, особенно изобилующей приветливым солнцем и свежим, морским воздухом.

Как только после 19-го июля городок стал сам собой управляться, все, решительно все перешло в руки К.НТ.. Сейчас же жизнь городка пошла по новому пути. Раньше городская касса имела 500,000 пезет дефицита и в городке насчитывалось больше 400 безработных. В настоящее время все работают, нет ни одного безработного, даже не хватает рабочих рук. Приходится сверхурочные часы работать, от праздников отказаться, чтобы успеть изготовить запасы для фронта и для новоостроющейся жизни.

Управление экономической жизнью функционирует блестяще.

Приходится несколько подробнее остановиться на школьном деле. Во главе школьного дела, вообще во главе всей культурной работы, стоит Рамон Домингуэс, долгодетный борец К.НТ. Ему, как и другим активным анархистам Испании, пришлось много лет в тюрьмах томиться, много преследований испытать. Теперь под

его руководством находится народное образование. Раньше в местечке было только две начальные школы. Находились они в ведении монахов, как, впрочем, и большинство испанских школ. Монастырские школы отличались своим садизмом и средневековой затхлой атмосферой. Детей там не столько чему-нибудь учили, сколько истязали. Розги, держание детей на коленях, стоянки у стены с распростертыми крестообразно руками, — это было ежедневное, нормальное явление в монастырских школах. Если прибавим еще, что учителя оплачивались ничтожно, находились во всецелой зависимости от монахов, то не трудно будет вообразить себе, что представляла из себя вообще испанская школа, и в частности школы в Блане.

Как только Домингуэс перенял школы, первым делом он запретил телесные наказания. Далее школы были очищены от всякого ненужного хлама, как то монашеских и портретов и т. п. реквизита. В октябре началась работа уже в действительно новой школе и по новым, современным методам. Приняты были новые учителя. Уволены все те старые, которые отличались обскурантизмом и жестокостью. Открыто было несколько новых школ. Для школ выбраны новые помещения.

Город принял на попечение с фронтовых местностей 150 детей сирот. Для них было организованных два прекрасных приюта в лучших дачах, одну из которых владелец добровольно уступил, другую же взято путем отчуждения. В приютах сироткам всего вдоволь, воспитываются они по новым методам, в товарищеской атмосфере, окружены вниманием и любовью педагогического и медицинского персонала.

Теперь, не считая двух школ — прию-

тов для детей сирот из прифронтовых местностей, в городе уже функционируют 4 начальные школы и одна новая средняя «Escola d'Art i Oficis». Последняя помещается в обширном светлом доме, который до революции принадлежал одному богачу. При этой школе открыт народный университет, в котором имеется возможность запастись знаниями рабочим и окрестным крестьянам.

Всем учителям вменено в обязанность периодически собираться для обсуждения педагогических и гигиенических вопросов, связанных со школьным делом. При приеме учителей не обращается внимание на их дипломы, только на их знания и их преданность делу освобождения человечества.

Те учителя, которые смотрят на свою работу только как на источник пропитания, без всякого стеснения удаляются. Педагогическое дело не только профессия, вернее это такая профессия, которая требует, чтобы человек отдался ей всем своим существом, посвятил бы всю свою любовь, самоотверженность делу воспитания новых людей, вольных, свободных людей. На всех учителей возложены обязательства самостоятельно изучать детскую психологию, гигиенические знания и т. д.

Недалеко от гор. Блане находится фабрика искусственного шелка «Софа». Владельцы для лучшей безопасности выстроили на собственные средства большую казарму, в которой поместился отряд гражданской гвардии. Так было удобнее — гражданская гвардия защищала их от чрезмерных требований рабочих. После 19 июля, конечно, отряд цив. гвардии исчез. Теперь казарма перестроена в школу для детей фабричных рабочих, живущих около фабрики. Фабрикой, конечно, управляют сами рабочие. Она работает на полном ходу. Прежде школы при фабрике не было. Теперь есть. Из сказанного видно, сколько сделано за короткий период. Было бы еще больше сделано для распространения знаний и образования в народе, если бы борьба на фронте не поглощала столько сил.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

о контроле промышленности в областях Астурии, Леона и Чаленсии.

(Перевод с испанского. Барселонский Бюллетень).

Провинциальный секретариат И.Д.Т. и областной комитет СНТ Астурии, Леона и Чаленсии совместно постановили провести в жизнь следующие мероприятия:

1) В контрольном комитете, над контролем промышленности, примут участие те синдикаты, кои принадлежат к той или иной центральной группировке, насчитывающие в своей среде по меньшей мере 10 проц. всех организованных рабочих и это к моменту учреждения контрольного комитета.

2). Выборы — демократические. Против навязывания нежелательных лиц будут приняты меры. Главным образом будут приниматься лица участвовавшие в синдикатах ранее 16 июля 1936 года.

«И.Д.Т. и К.Н.Т. обязуются устраивать общие конференции для обсуждения вопросов, касающихся промышленности.

3). Контрольные комитеты учреждаются решительно во всех торговых и промышленных предприятиях, а также на ж. д., рудниках и в каждой деревне.

4). Контрольные комитеты должны популяризовать идеи своей миссии среди народа. Стремление комитета сводится к перенятию руководства и административной деятельности предприятий. Их прямая цель — сотрудничество с администрацией предприятий, и поднятие этим продуктивности и прибыльности предприятия. Дирекция, администр. и технический персонал призываются к тесному сотрудничеству с комитетом.

5). Все должности в контрольном комитете — безвозмездны. Это постановление служит борьбе с бюрократизмом.

6). И. Д. Т. и К.Н.Т. улаиваются не признавать образовавшиеся до 16 июля синдикаты и носившие к тому «желтый оттенок» или предпринимательскую форму. В общем, прием какого либо члена этих организаций может произойти после изучения индивидуального поведения этого

лица. КНТ и ИДТ будут в этом смысле стоять на страже интересов трудящихся.

7). КНТ и ИДТ обещаются взаимно не принимать неблагонадежных лиц, а равно и тех кому было отказано в одном из названных центров.

8). Переход членов из одной организации в другую — безпрепятственен, однако, если этот переход не связан с неисполнением обязательств в исходной организации.

9) Цели: выиграть победу у фашистов и укрепить революцию.

10). Могущие возникнуть между НКТ и ИДТ несогласия и споры — разбираются смешанными комиссиями.

Подлинное подписали
члены

Провинц. Секретариата ИДТ,
Областного Комитета НКТ.

«КНТ» и МЕЛКИЕ СОБСТВЕННИКИ

«Революция требует ясности в выражениях и искренности в действиях».

Кампания в пользу мелкой собственности продолжается. При этом, кому нужно, бросают камушки в огород «КНТ. Получается впечатление, что мелкой собственности грозит гибель и вдохновителем похода против нее, якобы, является «КНТ». Чтобы положить предел этой кампании нужно раз навсегда выяснить взгляд КНТ на мелкую собственность. НКТ считает, экономически наиболее доходным видом земледелия — коллективизацию земли, так как она отвечает общим требованиям.

Коллективизация земли в руках общины освобождает земледельцев от феодальной зависимости и дает полную, возможность рационального пользования человеческими силами и машинами.

Русская революция доказала правильность этого взгляда. Революция должна взвесить истинную ценность всех фактов. Крестьянский конгресс 5 сентября (Каталонской области) постановил следующее:

Стремление к мелкому землевладению в Н. области вызвано страхом перед арендой и батрачеством, что в общем им представляется рабством в некотором роде. Необходимо сказать, что мелкие землевладель-

цы испокон веков ведут упорную самостоятельную борьбу за свое скромное существование, работая на своей ниве не покладая рук и днем и ночью. И если бы мы приступили к коллективизации, отнимая у этих тружеников добытые ими упорным трудом жалкие куски земли, мы бы совершили промах натолкнувшись на непреодолимые трудности.

Помимо всего у крестьян имеется историческое оправдание на принципиальное недоверие ко всем тем, кто предлагает ему какие бы то ни было реформы в земельном деле. Этот своеобразный эггистический взгляд выработали в нем политики, его корыстно обманывавшие и в конце концов сделавшие из него в психологическом отношении мелкого буржуазного обывателя. Поэтому конгресс постановляет: дабы не обращать мелких собственников в врагов реформы, оставить в их владение столько земли, сколько они смогут обработать своею рукою. Коллективным способом обработка земли, однако, дает нам уверенность, что при общих усилиях, а также при недоступной отдельной личности.

Пусть все узнают, что «КНТ» признает и уважает мелкую земельную собственность. «ККТ».

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РАБОЧИМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Наша группа втянута в борьбу с фашистами, в которой принимает участие и русский народ. В СССР устраиваются манифестации в защиту испанской революции. Это выявление солидарности к испанским народам. Советские пароходы появляются в испанских портах. Даже советские дети приветствуют борьбу против фашизма. Никогда раньше не было примеров такой интернациональной солидарности. Все это налагает обязанность говорить с нами откровенно.

С самого начала гражданской войны мы сражаемся на фронте против фашистов. Наша группа ушла на Арагонский фронт, присвоив себе наименование имени того человека, который, как вы знаете, погиб в германском концлагере. На нашем знамени

ПРОБЛЕМА ОБИТАЕМОСТИ ЗВЕЗДНЫХ МИРОВ

Космическая теория Лапласа. — Образование планетных систем. — Теория столкновений. — Гипотеза редкости жизни. — Критика. — Разнообразие механизмов мировой эволюции. — Обитаемость невидимых звезд.

Два астронома, итальянец Армеллини и француз Бэз, поставив различные вопросы и исходя из совершенно различных данных, пришли к противоположным выводам относительно старой, но вечно юной проблемы «многочисленности обитаемых миров». Армеллини исходит из критики космогонической теории Лапласа, Бэз — из установленных фактов существования планетных систем в звездных мирах.

Как объяснить связь между этими двумя различными вопросами и проблемами обитаемости звездных миров? Связь эта заключается в том, что наша солнечная система, по своей архитектуре, замечательным образом приспособлена к возможности появления и сохранения жизни в ряде планет. Жизнь может, повидимому, возник-

ни мы начертали имя Эриха Мусам — жертвы германского фашизма. Все это позволяет нам говорить в защиту женщины, которая много лет была верным другом погибшего товарища — Зензиль Мусам, арестованной в СССР.

Мы тщетно пытались наладить с ней связь, мы осведомлялись у советских властей об ее судьбе, но до сих пор не получили никакого ответа. Мы ценим помощь советского правительства, но вместе с тем от имени мирового пролетариата апеллируем к вам и требуем освобождения Зензиль Мусам. Она должна быть привезена сюда, в Испанию, она не должна погибать в тюрьме или в ссылке. Этот вопрос не должен быть отложен.

Итак мы повторяем: свобода для Зензиль Мусам. Пусть ваш следующий парол не приходит в Испанию без Зензиль Мусам.

ГРУППА ПУЛЕМЕТЧИКОВ ИМЕНИ
ЭРИХА МУСАМ.

Подписано: от имени испанских товарищей — Иосиф Баденес; немецких — Мичель.

нуть лишь на охлажденном светиле, нагреваемом и освещаемом горячим солнцем; иначе говоря, жизнь может появиться лишь на планетном теле, подобном тем, которые существуют в нашей солнечной системе, составленной из горячего солнца и некоторого числа темных и холодных планет и их спутников. Отсюда вытекает, что если жизнь существует в других звездных мирах, то это возможно лишь при условии существования в звездных системах, составленных из горячего солнца (или нескольких горячих солнц), с большою массовою и холодных планетообразных тел с сравнительно малою массою. Это должны быть планетные системы, подобные нашей солнечной, по крайней мере в отношении существования планет. Вопрос, стало быть, ставится следующим образом: существуют ли планетные системы в других звездных мирах? Если да, то, вероятно, имеется множество обитаемых миров. Если нет, то других обитаемых миров, кроме нашего, не имеется.

На поставленный таким образом вопрос Армеллини отвечает отрицательно, а Бэз — утвердительно. Первый исходит, главным образом, из теоретических соображений, второй — из фактов наблюдения и результатов основных на них вычислений.

Согласно космогонической теории Лапласа, наши планеты возникли из колец солнечной туманности, отделившихся от последней, когда скорость ее вращения увеличивалась до известного предела, в результате охлаждения и сжигания. Если теория Лапласа верна, если всюду планетные системы могут возникать соответственно схеме Лапласа, и если эта схема эволюции должна быть обобщена на все звездные миры, то обитаемых миров возможно столько же, сколько и звезд. Но если теория Лапласа неверна, как общая схема звездной эволюции, и если планетные миры не могут возникать иначе, как согласно

модели Лапласа, то обитаемых миров нет в нашей солнечной системе, или число их крайне ограничено.

Армеллини перечисляет многочисленные затруднения, которые встречает космогоническая теория Лапласа. Он выводит, что модель Лапласа, хотя и возможна, но мало вероятна. Единственный механизм, который может приводить к образованию в звезде системы планет, это механизм «полу-столкновений», когда одна звезда проходит мимо другой звезды настолько близко, что, под влиянием Ньютонова тяготения, на звезде образуются приливы волны и от светила отделяются небольшие массы, из которых образуются планеты. Этот механизм до Чемберлина и Маультона был изучен Джинсом, который выяснил, что в отношении среднего возраста звезд подобные встречи могут иметь место лишь весьма редко. И, подобно Джинсу, Армеллини заключает, что планетные системы образуются во Вселенной лишь весьма редко; если так, то жизнь — весьма редкое или исключительное явление во Вселенной.

Еще раньше Джинса некоторые исследователи, как Уоллес, Фэй, Аррениус, высказывали предложение, что наша Земля — единственное, быть может, светило или одно из весьма немногих светил Вселенной, обитаемых живыми организмами. Армеллини выражает свое заключение следующим образом: «Планеты, и еще в большей степени жизни, должны считаться во Вселенной почти исключением».

Теоретический вывод Армеллини основан на ряде предположений, далеко не бесспорных и далеко не исчерпывающих вопроса. Против критики теории Лапласа делались весьма серьезные возражения, хотя часто основанные на усложнении этой теории. Но если бы теория Лапласа была окончательно опровергнута, то из этого отнюдь не следует, что она должна быть заменена, и притом монополю, космогоническою теориею полу-столкновения. Последняя вызвала резкую критическую оценку со стороны некоторых астрономов и геологов. Если и допустить, что образова-

ние сложных миров совершается исключительно в результате действия механизма полу-столкновений, то это еще не значит, что подобный механизм действует крайне «редко» в обычном смысле этого слова. Если мир не ограничен в пространстве, если он бесконечно велик, если число светил бесконечно велико, идея редкости включает понятие ограничения ли по отношению к ограниченной области явлений.

В бесконечном мире редкость лишь относительна, она может означать и бесконечное множество повторений в безграничном Космосе. Законы природы, с другой стороны, крайне сложны и многообразны, и мы знаем лишь крупицу их. Модели мировой эволюции могут быть крайне разнообразны, бесконечно разнообразны, и о возможных моделях мироздания мы имеем лишь крайне ограниченное представление. Здесь кроется ключ многих загадок. Космическое творчество может проявляться, неведомым для нас образом, в созидании множества, быть может, бесконечного множества обитаемых миров.

В небесном пространстве существует огромное множество двойных и тройных звезд, состоящих из двух-трех солнц, обращающихся вокруг общего центра. Обычно массы этих солнц не одинаковы. В эволюции жизни подобных систем светило, обладающее меньшей массой, должно охладиться раньше других и обратиться в темное тело, освещаемое и согреваемое другим солнцем или другими солнцами системы. На подобном потухшем солнце может возникнуть жизнь, хотя это будет система, совершенно не похожая на нашу солнечную систему.

Недавно была исследована двойная звезда Зета Возничего (о которой мы писали в одном из очерков).

Она замечательна в том отношении, что две составляющие ее звезды принадлежат к различным классам в отношении их эволюции: одна старше, другая моложе. Если старшая потухнет раньше младшей, она будет согреваться и освещаться последнею, на ней может возникнуть жизнь. Это произойдет в системе, не похожей на

нашу солнечную систему.

Но не исключена была возможность и того, что во Вселенной существуют звездные системы, до некоторой степени похожие на нашу солнечную, в отношении существования в них малых, сравнительно, планетных тел. Ныне существование подобных планетных тел, «невидимых звезд», в двойных и тройных системах доказано. Как мы видели в одном из предшествующих очерков, существование подобных тел было установлено наблюдением возмущений, производимых ими в видимых звездах. Как образуются подобные системы, остается неизвестным. Кольцевание по схеме Лапласа, повторный разлом светила-солнца, столкновение, полу-столкновение или другой неизвестный механизм? Что важно, это — то, что подобные системы не могут считаться «редкими» во Вселенной.

Французский астроном Баз, основательно изучивший — и, между прочим собственными наблюдениями и вычислениями — проблему «невидимых звезд», связывает с установленным фактом существо-

вания подобных систем вывод о «много-численности обитаемых миров», идею, которая высказывалась еще в древности (например, у Плутарха), а в новое время защищалась Ламбертом, Митчелем, Вольтером, Фонтенелем и Фламмарьоном. Баз указывает на особое значение того обстоятельства, что в этих системах невидимые тела, как вычислено, могут обладать массою, составляющею одну тридцатую, одну двадцатую или одну десятую часть массы Солнца. Они могут, в своей эволюции, достигнуть состояния охлаждения, при котором возможна их обитаемость «даже человечества, не очень различным от нашего человечества».

Идея, что жизнь существует исключительно на нашей Земле или в нашей солнечной системе, носит слишком антропоцентрический характер, чтобы получить признание научной мысли. Завоевания астрономии дают аргументы в пользу противоположной тезы о распространенности жизни в различных зонах Вселенной.

Ю. Делевский.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

К ДЕСЯТИЛЕТИЕМУ ЮБИЛЕЮ «ПРОБУЖДЕНИЯ»

Сознавая всю важность события, как юбилей журнала «Пробуждение», простоявшего на своем посту десять долгих и трудных лет, с 1927 по 1937, мы, безвластники из Союза «Самообразование», города Виндзора и окрестностей, спешим выразить нашу признательность нашему дорогому юбиляру.

За десять лет своего существования журнал пережил междоусобицу, все сплетни и обвинения и от «своих» и от чужих, пережил разного рода упреки, поучения и главное — обвинения, которые повторялись сотни раз, и, конечно, незаслуженно. Нужно ли удивляться, что такого рода явления не сломили сильной воли людей, сплотившихся вокруг «Пробуждения?»

Если рассмотреть период времени последних 10 лет, период духовного упадка, буждения людей от крайних левых и

крайним правым лагерям и обратно, то станет ясно, что журнал «Пробуждение» сделал колоссальную работу в русской колонии в Сев. Американских Соединенных Штатах и Канаде.

Мы убеждены, что при дружной товарищеской работе наш славный журнал «Пробуждение» отпразднует не одно, а несколько десятилетий своего существования.

Мы также верим, что идея братского сожительства людей — Анархический коммунизм, за который борется наш журнал, будет не только мечтою, а станет реальным фактом в недалеком будущем!

Мы также верим в то, что чем дружнее и продуктивнее мы будем работать для его осуществления, тем скорее мечта станет действительностью. Подводя итог заслугам юбиляра перед русской колонией при его вступлении на порог второго десятилетия, мы посылаем братский привет товарищам сотрудникам, не покладая рук

работающим, пишущим статьи и все нужные справки для журнала: М. Неттлау, Ж. Граву, д-ру Гершенфельду, Автономову, М. Степному, Горелнику, Липоткину и всем другим.

Приветствуем также и редактора за его многолетний труд. Горячий привет всем группам, союзам и отдельным товарищам за созидательную и плодотворную работу за прошлые десять лет.

Крепись, расти в ширь и в высоту, наш славный журнал, пусть каждый день твоего существования увеличивает число твоих сотрудников, подписчиков и читателей!..

За Союз

К. Т.

Виндзор, Канада.

ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЯРУ

Сердечно приветствую журнал «Пробуждение» и всех его сотрудников с пожеланием наилучшего успеха в будущем. Пусть журнал пробуждает и зовет на борьбу всех тружеников с мракобесием и всем, что преграждает путь к красивой и свободной жизни.

По моему, для успеха пропаганды следовало бы объединиться с «Делом Труда» и издавать один серьезный журнал. Следует также обратить внимание на пропаганду среди нашего молодого поколения.

Эмбридж, Па.

П. РУЛЬ.

ПОМОЩЬ АНАРХИЧЕСКОЙ ИСПАНИИ

«Юнайтед Либертариан Организейшенс», 45 Вест 17 улицы, Нью Йорк Сити, обращает внимание всех друзей испанской революции на необходимость поддержания бюллетеня на английском языке «Спаниш Революцион». Необходимы средства на его дальнейший выпуск, а также распространение его среди читающей по английски публики.

ПРЕДЛАГАЮТ СОЗДАТЬ АНАРХИЧЕСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

Еврейская Анархическая Федерация в Нью Йорке заговорила о необходимости создания Анархической Федерации, в которую вошли бы существующие в Соед. Штатах иностранные группировки. Только об-

щими усилиями возможно ведение анархической пропаганды среди американского населения.

С этой целью в Нью Йорке созывается конференция в субботу и в воскресенье, 24—25-го апреля с. г. Место конференции — Либертариан Сентер 221—2 аве. Каждая группа приглашается прислать 2-х делегатов. Начало в субботу, ровно в 3 часа дня.

Вышла из печати и поступила в продажу интересная книга Мясного Мужика «Что я видел в советской России». Второе издание, пересмотренное, дополненное, исправленное. Цена с пересылкой 1 долл. Адресуйте:

“Probuzhdenie” 9219 Rossell St.,
Detroit, Mich.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ КАЗНИ ЧИКАГСКИХ АНАРХИСТОВ

11-го ноября 1937 года исполнится пятьдесят лет со дня смертной казни пяти анархистов в Чикаго по известному Геймаркетскому делу.

Пятьдесят лет назад борьбой за восьмичасовой рабочий день руководили анархисты. На этой почве на заводе Интернейшенал Гарвестер Ко. возникла забастовка, ломка которой с помощью полиции и полицейских стражников наткнулась на сопротивление забастовщиков.

Брошенной неизвестно кем бомбой было убито и ранено много полицейских и рабочих. Козлом отпущения стали анархисты. Смертный приговор был вынесен девяти анархистам. Казнено было пять. Остальным смертная казнь была заменена. Впоследствии губернатор Альтгелд, основательно изучивший Геймаркетское дело, пришел к выводу, что анархисты были осуждены несправедливо. Он освободил оставшихся в живых анархистов, а казненных, конечно, не мог воскресить.

В Чикаго, при участии Американской Федерации Труда, создан комитет, который будет руководить чествованием памяти погибших анархистов. Это событие будет отмечено выпуском специальных почтовых марок и открыток, радио - выступлениями

и митингами не только в Чикаго, но по всей стране.

Комитет чествования Чикагских мучеников возглавляется Эмилем Арнольдом. Секретарем его является Н. Абрамс. Адрес Комитета:

Fiftieth Commemoration for Haymarket Labor Martyrs, Suite 1324—
188 W. Randolph St., Chicago, Ill.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Товарищи!

Убедительно просим все группы, союзы, прогрессивные организации и отдельных лиц, которые распространяют журнал «Пробуждение», не задерживать денег за проданные номера, так как Федерация израсходовала все деньги на юбилейный номер. Для выпуска очередного номера нужны деньги. И мы надеемся, что все товарищи окажут нам эту поддержку.

Секретарь.

ОТЧЕТ КОМИТЕТА ПРИ ПРОФСОЮЗЕ ГОР. ДЕТРОЙТА ПОМОЩИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ В РОССИИ

ПРИХОД:

От 1-го мая 1934 г. по 1-го марта 1937 г.	
Переходная сумма	\$11,99
Детройт, Р.П.О. Отдел 72 РООВА	5.00
М. Волинский	2.50

П. Ковальчук	1.00
А. Демчук	1.00
И. Соколов	2.00
С. Смирнов	1.00
А. Л.	1.50
Бостон, С. Розуменко	1.00
Я. Полейко	1.00
Герн, Н. Гвай	2.00
А. Савич	2.00
Юнгстон, С. Медвинч	2.00
Канада И. Гончаров	1.00
Ленсинг, Н. Иванов	3.50
Ниагара Фолс, Р. Маловичко	3.00
Нью Йорк, А. Музыка	8.00
Всего	49.49

По подписным листам:

Детройт, подписной лист ном. 1:	14.00
Нью Йорк, через т. К. Зеленука, подписной лист номер 2:	15.00
Бруклин, через тов. Б. Войтовича подписной лист номер 11:	3.50
Всего	32.50

РАСХОД:

Выслано в Москву в Черный Крест	33.00
В. Курек Л. Немеричко	15.00
В. Ташкент А. Консе	6.00
Пересылка денег и марки	5.00

ВСЕГО	59.00
Общий Приход	81.99
Общий Расход	59.00
Остается в кассе	22.99

Наши сотрудники

(Статьи, помещенные в «Пробуждении» за десятилетний период — 1927—1937).

№ 1. — М. Р. О наших задачах. — А. Солонович. Памяти А. Карелина. — И. Хархардин. Из воспоминаний о Карелине. — Е. Долинин. Право и нравственность. — А. Белкин. Дни радости. — Д. Александров. Очерки по истории музыки. — З. Венгерова. Рабиндранат Тагор. — Е. Градина. Роза страдания. — Д. Рансом. Современные американские писатели. — Д. Гриве. Загадки жизни.

№ 2. — М. Сук. О свободном общественном устройстве России. — В. Худолей. К вопросу о составлении программы анархистов - коммунистов. — Е. Градина. Снег.

— Л. Н. Древний Египет в современной проблеме духовного возрождения. — А. Солонович. «Философия культуры». — М. Несточкиков. Философия Ницше. — Д. Гриве. Загадки жизни. — Е. Моравский. О книге стихов Лидии Нелидовой - Финейской.

№ 3. — Ж. Граб. Догматы и легенды. — Е. Долинин. Опасная игра. — А. Консе. Весенний поступ. Гармония противоречий (стихи). — Д. Александров. Очерки по истории музыки. — Г. Франк. Кооперация в сов. России. — М. Источников. Философия Ницше. — А. Солонович. Личность и общество. — М. Рубежанин. О

книге Е. Чирикова «Зверь из бездны».

№ 4. — М. Рубежанин. Итоги русской революции. М. Сук. За что убили Сакко и Ванцетти? — Р. Тагор. Восток и Запад. — Г. Франк. Общественный идеал и теософия Штейнера. — Е. Моравский. Мечта Уэллса. — С. Ланн. Сказка про долю заячью, про житье звериное. — В. Худолей. Анархизм и кооперация. — Д. Саймондс. Прогресс. — А. Солонович. Личность и общество. — М. Источников. Философия Ницше. — М. Р. Никак не угодишь.

1928 г.

№ 5. — Назанский. Об анархической общественности. — Б. В. Прудон о капитале - коммунизме. — А. Пастухов. Фрагменты. — Д'Альб. Человек и искусство. — Н. Златогоров. Современные американские писатели. — В. Худолей. Конфедерация и централизация. — Д. Саймондс. Прогресс. — М. Источников. Философия Ницше. — А. Солонович. Личность и общество. — Г. Ф. Ю книге П. Соркина «Социальная подвижность».

№ 6. — Э. Малатеста. Анархия и организация. — Е. Н. Словесная революционность. — Н. Рубакин. Труд и разум. — А. Карелин. Бакуинисты за границей. — Л. Н. Любовь и творчество. — Е. Моравский. Дети горя. — А. Солонович. Личность и общество. — А. Пастухов. Фрагменты. — М. Источников. Философия Ницше. — Е. Грот. Р. Тагор о женщине. — А. Новгородский. Открытое письмо М. Неттлау.

№ 7. — Е. Моравский. Толстой, как анархист. — Б. Вышеславцев. Л. Н. Толстой. — Ф. Ондердонк. Лев Толстой и его учение. — А. Фовицкий. Толстой, как художник. — Б. Гершенфельд. Апостол Христа. — Л. Н. Толстой. Яснополянская школа.

1929 г.

№ 8. — Ж. Грав. На распутье. — Б. Вышеславцев. Экономический материализм. — Ж. Грав. Экономический крах большевизма. — А. Пастухов. Проблема анархической философии общественности и А. Боровой. — А. Солонович. Философские предпосылки мировоззрения П. Кропоткина. — Н. Рубакин. Какими книгами пополнять

библиотеки? — Д. Александров. Очерки истории музыки. — М. Сук. Критика «Организационной Платформы». — Е. Моравский. Как дошли вы до жизни такой? — К. Д. С. Наше мнение.

№ 9. — Голос из могилы (передовая). — Х. Тсианг. Сакко и Ванцетти. — М. Р. Ванцетти о своем собственном деле. — А. Консе. О великом могильщике - государстве и его жертвах. — М. Р. Массачузетте — убийца. — Н. Рубакин. Религия и наука, их спор и спорщики. — А. Пастухов. Петрашевцы. — М. Сук. Наша междоусобица и разногласия. — А. Консе. Вечный бунт (стихотворение).

1930 г.

№ 10. — Анархия и иерархия (передовая). — М. Неттлау. Власть и свобода и их вековая борьба. — Ж. Грав. Что такое анархия? — М. Сук. Анархические мотивы в творчестве Л. Толстого. — А. Пастухов. Петрашевцы. — Н. Рубакин. Религия и наука, их спор и спорщики. — М. Рубежанин. Не по коню, а по оглоблям. — А. Карелин. Песня крестьянских братьев.

№ 11. — М. Неттлау. Место Петра Кропоткина в развитии анархизма. — Э. Малатеста. Еще по поводу «Платформы». — Ж. Грав. Индивидуализм и индивидуалисты. — М. Неттлау. Несколько замечаний об экономике анархизма. — А. Консе. Мысли о свободе. — Г. Волков. Коллективная психология рабочего класса. — Б. С. Анархизм. — А. Жирар. Краткий очерк происхождения и развития анархизма. — М. Неттлау. Всеобщая забастовка. — М. Корн. К годовщине 8-го февраля.

№ 12. — Первое Мая (передовая). — Вольтерина де К्लэйр. Анархизм. — М. Неттлау. Памяти Элизе Реклю. — Н. Рубакин. Искатели истины. — А. Хилков. Человек и среда. — Мирский. Письмо анархиста к матери. — Милитаризм и борьба с ним (заметки).

№ 13. — Сказка и быль (передовая). — М. Неттлау. Нужды анархической пропаганды в наши дни. — Вольтерина де-Клэйр. Анархизм и анархические традиции. — А. Хилков. Мир и грани. — Н. Рубакин. Ис-

катели истины. — М. Сук. Платформа № 2. — Г. Т.). Отношение анархистов к «Платформе». — А. Консе. Моление на заре. — М. Рубежанин. Ответ К. Гордеевко. — Автономов. Честь и совесть потерявшие. — Е. Моравский. Pro domo sua.

№ 14. — В преддверии грядущих событий (передовая). — М. Неттлау. Очерки по истории анархических идей. — А. Карелин. Суд земли (стихотворение). — Вольтерина де-Клэйр. Анархизм в литературе. — Ж. Грав. Слова иные, метод тот же. — Г. Вяткин. Песня свободы. — А. Хилков. Политика и мирозерцание. — М. Неттлау. К предстоящему конгрессу либертарных синдикалистов в Мадриде. — М. Артемьев. Анархические начала русской культуры. — А. К. Анархизм в России.

№ 15. — К десятилетию со дня смерти П. Кропоткина (передовая). — М. Неттлау. Из писем П. Кропоткина к Ж. Граву. — А. Боровой. П. Кропоткин, как анархист. — Н. Кропоткин. Воспоминания Н. А. Кропоткина. — Д. Мост. Час с Петром Кропоткиным. — А. Хилков. Мысль живых. — Ф. Черкезов. Петр Кропоткин, каким я его знала. — Д. Г. Музей имени П. Кропоткина. — М. Неттлау. Последние слова П. Кропоткина о русской революции. — Г. Келли. Петр Кропоткин. — Р. Э. Памяти Кропоткина (стихотворение). — А. Горелик. Последняя воля П. Кропоткина. — Х. Корнелиссен. Научные труды Кропоткина. — Э. Малатеста. Петр Кропоткин. — М. Неттлау. Жизнь и учение П. Кропоткина в свете некоторых его писем 1876—1914 гг. — Н. Лебедев. П. Кропоткин. — Е. М. П. Кропоткин в молодости. — П. Кропоткин. Что такое анархия?

№ 16. — Мунн и Биллингс и их мучители (передовая). — М. Неттлау. Анархизм и религия. — Дионео. П. Кропоткин. — Л. Фабри. Освободительная революция. — Н. И. П. Вестник грядущего. — М. Ветман. Н. Рубакин, как писатель. — Ж. Грав. Полятики. — Ж. Кайо. Ужасная война. — М. Неттлау. Очерки истории анархических идей. — М. Артемьев. Анархические начала русской культуры. — М. Неттлау. В революционной Испании. — А. Го-

релик. Как понимают анархисты анархизм. — А. Консе. О религии.

№ 17. — Безработица (передовая). — М. Неттлау. Что должны делать анархисты в случае войны? — Ж. Грав. Чем должны быть революция и будущее общество? — Неттлау. Очерки по истории анархических идей. — М. Н. В революционной Испании. — Д. Г. Сакко и Ванцетти. — А. Горелик. Как понимают анархисты анархизм. — Ф. Монтзени. Наш пикник.

1932 Г.

№ 18. — М. Неттлау. Анархизм и национализм. — Ж. Грав. Чрезмерно прославленный. — М. Неттлау. Очерки по истории анархических идей. — А. Горелик. Как понимают анархисты анархизм. — Л. Липоткин. На могиле чикагских мучеников. — Н. Махно. На путях пролетарской власти. — В. И. Д. Анархисты и социал-революционеры. — Э. Малатеста. Революция на практике. — Н. Махно. Азбука анархиста - революционера.

№ 19-20. — М. Неттлау. Анархизм и большевизм. — П. Кропоткин. Анархическая работа во время революции. — Ж. Грав. Ошибки марксизма. — Н. Махно. Азбука анархиста - революционера. — В. Хрусталева. Анархизм, как философия действия. — А. Тюханов. Памяти П. Кропоткина (стихотворение). — А. Горелик. Что делать? — М. Неттлау. Очерки по истории анархических идей. — М. Тоблер. П. Кропоткин в 1908 году.

№ 21—22. — М. Неттлау. Анархисты и современный мировой кризис. — П. Кропоткин. Анархическая работа во время революции. — Ж. Грав. Как началось анархическое движение во Франции. — М. Неттлау. П. Аршинов и «Пробуждение». — Дельта. Кандидат в чекисты. — А. Горелик. День труда. — Ф. Другов. Анархисты в Петербурге в 1917 году. — В. Свидя. Свобода и образование.

№ 23—27. — Э. Малатеста (передовая). — М. Неттлау. Эмиль Пуже. — А. Горелик. За что и как убили Льва Черно-го. — Книжники. Материалы по изучению анархического движения во Франции. — А. Консе. Перчатка Равашолы (стихотворение).

— Ж. Грав. Как подготовить будущее общество. — М. Н. Поезда в Испанию в мае 1932 года. — Ж. Грав. Как началось революционное движение во Франции. — П. Махно. Чикагский Прогрессивный Клуб и П. Аршинов. — М. Неттлау. От «платформы» до тесного контакта с «пролетарским государством» СССР. — Л. Липоткин. Новый этап одного анархиста. — Ф. Другов. Анархисты в русской революции. — Н. Махно. Письмо к испанским анархистам. — Н. Иванович. К вопросу об организации научной секции при Кропоткинском Комитете.

№ 28—29. — М. Неттлау. Э. Малатеста. — А. Консе. На кресте золотом (стихотворение). — А. Горелик. Методы анархической пропаганды. — Ф. Другов. Анархисты в русской революции. — Л. Липоткин. Сборник «Жизнь и учение П. Кропоткина».

1933 Г.

№ 30—31. — Тяжелая утрата (передовая). — М. Неттлау. На переломе. — Ж. Грав. Э. Малатеста. — А. Карелин. Предшественники и последователи П. Кропоткина в учении о взаимопомощи. — Н. Махно. К истории испанской революции. — А. Горелик. Борьба за свободу. — М. Сажин. Первая встреча с П. Кропоткиным. — Ф. Другов. Об одном кровавом деле. — Л. Липоткин. Симон Радовичский. — Л. Л. Синдикалистская программа. — Ж. Грав. По поводу террористических покушений. — Э. Малатеста. К безвластию. — А. К. Стихотворения.

№ 32—34. — Одумайтесь, пока не поздно! (передовая). — М. Неттлау. Федерализм и централизм. — Ж. Грав. Еще об индивидуализме. — А. Карелин. Последователи П. Кропоткина. — Муромец. О наших разногласиях. — Р. Ровер. Современные проблемы анархизма. — Педро Гори. Чего добиваются анархисты. — А. Горелик. Борьба за свободу. — Л. Липоткин. М. Кори. — Э. Малатеста. Что такое анархизм? — А. Горелик. Для кого рабочий трудятся? — Э. Малатеста. Несколько слов. — Р. Боргман. О наших задачах. — Э. Малатеста. О революции.

№ 35—37. — Памяти Э. Малатесты (передовая). — М. Неттлау. Материалы о деятельности Малатесты. — Э. Малатеста. Республика и революция. — Ж. Грав. К японским товарищам. — М. Сажин. М. Бакунин и его вилла «Бароната». — Л. Фабри. Свобода для всех. — А. Горелик. Анархизм и насилие. — М. Пиеро. М. Кори.

№ 38—39. — М. Неттлау. Либертарный дух в Испании с 1931 по 1933 г. — Автономов. Положение фермеров в Америке. — А. Карелин. Задачи социальной революции. — А. Горелик. Анархизм и революционное правительство. — Л. Липоткин. Большевицкий режим и свободная Россия. — Л. Н. Письмо из СССР.

№ 40—42. — М. Неттлау. Цели и методы анархизма. — А. Карелин. Задачи социальной революции. — А. Горелик. О режиме собственности после революции. — Ф. Эртер. Религия. — Э. Малатеста. Вокруг «нашего» анархизма. — Ж. Грав. Будем остерегаться чрезмерности. — А. Фрумкин. Анархист Джон Маккай. — Е. Незд. Джозеф Лобати. — М. Неттлау. Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса. — Д. Маккай. Анархия (стихотворение).

1934 Г.

№ 43—44. — Л. Липоткин. Признание СССР капиталистическими державами. — М. Неттлау. Анархический прогресс путем непрерывной эволюции. — Колокольников. Безвластникам. — М. Стенной. Большевики и Россия. — А. Гордия. Национальное меньшинство. — А. Горелик. Об анархической печати. — П. Гар. О работе среди молодежи.

№ 45—46. — К 120-летию со дня рождения М. Бакунина (передовая). — М. Неттлау. Предварительные замечания к очерку о Бакунине. — П. Кропоткин. О Бакунине. — Э. Малатеста. Моя первая встреча с Бакуниным. — А. Горелик. Бакунин — анархист. — Автономов. М. Сажин. — М. Стенной. Правда о советской России. — Ганье. Рабочее движение.

№ 47—49. — Смерть Н. Махно (передовая). — М. Неттлау. Пути и цели в понимании П. Кропоткина. — М. Сажин.

Воспоминания о С. Нечаеве. — А. Консе. Путь к свободе (стихотворение). — П. Кропоткин. Новый Интернационал. — Л. Липоткин. Анархизм в России до революции 1917 года. — А. Горелик. О национализме. — Э. Малатеста. Синдикализм и анархизм. — М. Степной. На чем держится власть? — Муромец. Стихийность в революции. — С. Чавес. Письмо солдата.

№ 50—51. — Кровавая страница (передовая). — М. Неттлау. Жан Грав. — Л. Липоткин. Нестор Махно. — Г. Кузьменко. Ответ на статью о Махно. — Автономов. Осуществим-ли анархизм в настоящее время? — М. Степной. Рабочие и интеллигенция. — А. Горелик. Военное уопомешательство. — М. Неттлау. Пути и цели революции в понимании Кропоткина. — Л. Липоткин. «Дело Труда», «Пробуждение» и анархическое движение. — П. Черный. К товарищам. — Л. Л. Юбилей Яновского.

№ 52—53. — Чему учит нас депрессия? (передовая). — М. Неттлау. Пути и цели революции в понимании Кропоткина. — Ж. Грав. О национализме. — Муромец. Н. Махно. — Автономов. Правительство в роли стачколома. — Н. Махно. Над свежей могилой Н. Рогдаева. — А. Горелик. Знание и труд. — Муромец. Стихийность в революции. — В. Х. Наши задачи. — Л. Липоткин. О книге «Речи чикагских мучеников».. — Д. Г. Советский критик «Записок революционера» П. Кропоткина.

№ 54—55. — Ликвидация Кирова (передовая). — М. Неттлау. Пути и цели революции в понимании Кропоткина. — Б. Стоянов. Об анархизме и его осуществимости. — А. Горелик. Роль идей в общественной жизни. — Л. Липоткин. Путь к анархизму. — О. Герман. Анархист Карл Нольд. — А. Письмо анархии. — Т. Чернобров. О журнале «Пробуждение». — А. Куница. Письмо из Буэнос-Айреса. — В. Х. Программа анархо - коммунистов.

№ 56—57. — 70-летний юбилей М. Неттлау (передовая). — М. Неттлау. Пути и цели революции в понимании П. Кропоткина. — Ж. Грав. Гнилой строй. — Автономов. О будущей России. — М. Ру-

бежанин. Древне-римские диктаторы и мы. — Колокольцев. Национализм или антисемитизм? — К. Горин. Угроза новой мировой войны. — Л. Липоткин. Анархизм и колонизация. — А. Горелик. В чем сила анархистов? — А. Березняк. Осуществим ли анархический идеал? — М. Степной. Величайшее предательство. — Д. Рудан. Посещение Америки П. Кропоткиным. — Д. Г. Библиографическая заметка.

№ 58—59. — Игра судьбой людей (передовая). — Ж. Грав. Как уничтожить капитализм? — Автономов. Опыты Рузвельта. — М. Рубежанин. Древне-римские диктаторы и мы. — А. Горелик. Интересы группы и интересы анархии. — М. Сажин. Поездка в Герцеговину. — А. Слипачук. Будильник мысли. — А. Горелик. О товариществе. — А. Консе. Желанное (стихотворение).

№ 60—61. — Ж. Грав. Основы анархической программы. — Б. Гершенфельд. Национализм. — Автономов. Причины непреодолимости депрессии. — М. Рубежанин. Древне - римские диктаторы и мы. — А. Горелик. Толстой — анархист. — М. Бакунин. Программа общества международной революции. — К. Горин. Угроза новой мировой войны. — О. Котов. Христианство и социализм.

№ 62—63. — Ж. Грав. Немножко логики. — Акрат. Крушение авторитарного социализма и пути к новой прогрессивной деятельности. — М. Рубежанин. Древне-римские диктаторы и мы. — Л. Липоткин. Деньги и дороговизна жизни. — А. Горелик. Кропоткин и русская революция. — М. Бакунин. Программа общества международной революции.

№ 64—65. — Л. Липоткин. «Единый фронт». и политика Сталина. — М. Неттлау. О Прудоне. — Саша Петр. Один из многих. — А. Горелик. Кропоткин и российская революция. — Э. Малатеста. Причины победы фашизма. — М. Мужик. Профессиональное и кооперативное движение в Швеции. — П. Ф. Об объединении. — А. Черняков. Что такое социальная революция? — Л. Липоткин. Государство, капитализм и война. — М. Корн. Анархисты и

пресса. — Н. Х. Анкета.

1936 Г.

№66—67. — Ж. Грав. Итало-африканский конфликт. — П. Кропоткин. Почему мы бунтари. — В. Гершенфельд. Женщина. — Н. Лебедев. П. Кропоткин, как теоретик биосоциологического закона взаимопомощи. — И. С. Анархизм и русская революция. — П. Пальчинский. П. Кропоткин и техника. — Ж. Грав. К молодежи. — Л. Липоткин. Власть и анархия. — М. Мужик. Музей П. Кропоткина в Москве. — М.Р. Разложение семьи. — К.Д.С. Письмо в редакцию. — Муромец. Письмо из Парижа.

№68—69. — Наши задачи и тактика (передовая). — А. Горелик. Две годовщины. — М. Мужик. Будущая Россия. — М. К 10-летию смерти А. Карелина. — Л. Липоткин. Большевизм и мораль. — Ф. Эртер. Государство и централизация. — Саша Петр «Восстание». — В. Гершенфельд. Борьба за существование. — Е. Нобушима. Спешное сообщение. — А. Черняков. «Пробуждение» (стихотворение).

№ 70—71 — М. Н. Памяти В. Годвина — Петр-Саша. На смерть А. Борового (стихотворение). — А-М. Что такое анархизм? — Л. Липоткин. Анархизм и синдикализм. — В. Гершенфельд. Экономический кризис. — А. Горелик. Потребность в идеале. — М. Мужик. Как управляется советская Россия? — А. С. Власть и могущество. — А-М. П. Прудон. — Д. Г. Отчет районной конференции.

№72—73. — Самоубийство А. Беркмана (передовая). — М. Негтлау. Надо изучать либертарные идеи. — Ж. Грав. Шатания анархической пропаганды. — Л. Липоткин. Вопросы анархической тактики. — Ж. Грав. Глупость. — А. К. Отделение школы от государства. — А-М. О Бакунине. — М. Степной. Белые и черные в Африке. — Муромец. Письмо из Парижа. — М. Ш. На смерть Сакко и Ванцетти (стихотворение). — А-М. Макс Штирнер.

№ 74—75. — Гражданская война в Испании (передовая). — Ж. Грав. О глупости и зловерности закона о наемном труде. — В. Гершенфельд. Война. — А.

Николаев. Орывок из романа. — М. Степной. Мнение видных американцев о диктатуре. — Л. Липоткин. Анархизм и классовая борьба. — Р. Словцов. Вокруг «Исповеди» Бакунина. — А-М. П. Кропоткин.

№76—77. — Л. Липоткин. Революционная борьба в Испании. — Ж. Грав. Опять вопрос «Что делать?» — Р. Словцов. Бакунин в Париже. — А-М. Б. Таккер. — А. С. Анархическая Коммуна. — М. Степной. Сталин и Троцкий. — Эмма Гольдман. Письмо из Испании. — Д. Г. В. Кравчук (некролог). — А. Эйдинов. Наши задачи. — Д.Г. Две книги о Махно. — А. Николаев. Краткая памятка о Н. Махно. — А. Консе. Голодный бунт (стихотворение).

№ 78—79. — Л. Л. Чему учит нас испанская революция? — В. Стоянов. Анархизм и социализм. — Л. Липоткин. П. Кропоткин и национальный вопрос. — Р. Словцов. Уриэль Акоста. — Г. Лищина. К событиям во Франции. — Муромец. К вопросу об организации. — А. Ф. Смыкалов. Культура и личность. — А. Пушкин и декабристы. — А. Консе. Наедине с собою (стихотворение). — Марк Степной. Процесс 16-ти. — А. Консе. Против Бога (стихотворение). — Бюллетень № 1 Русской Анархической Группы во Франции.

Составил Л. Л.

НОВЫЕ КНИГИ

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. «Жизнь Н. Махно»	
Роман	0.75
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. «Батько Махно».	
Разказы	0.65
«Пророчества Л. Н. Толстого» собрал и составил З. Иоффе	0.65
Н. МАХНО «Русская Революция на Украине.	0.65
М. НЕГТЛАУ. «Цели и методы анархизма	0.65
Н. МАХНО. «Под ударами контр-революции том 2, под редакцией с предисловием примечанием тов. Волина	0.75

Новый адрес журнала «МАН»
MAN. H. Havel, P.O. BOX 49 Sta D.
Nw Yor, N. Y.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластных
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подписанию новых подписчиков, и оказанию ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластных идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.